

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

3
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political studies:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences)

5.5.4. International relations (political sciences)

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history (historical sciences)

5.6.2. World history (historical sciences)

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research (historical sciences)

5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: nborisov@rggu.ru; zhabrov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политология:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

электронный адрес: nborisov@rggu.ru; zhabrov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, PhD (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D, University Paris VIII, Paris, France

D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation

B. Shtetzel-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, RSUH

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация;

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*);

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*);
- П. Руггенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация;
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, РГГУ

А.В. Жабров, кандидат политических наук, РГГУ

CONTENTS

Theory and methodology of political science

R.V. Evstifeev

Foreign electoral interference in the digital age. Statement
of the issue and research perspectives 10

A.V. Zhabrov

Political institutions. Evolution of perceptions
and interpretations 28

Countries and regions of the world.

Development dynamics and models of cooperation

N.A. Medushevskiy, L.A. Pechishcheva, A.R. Shishkina

African vector in India's foreign policy strategy in the 21st century
(political and economic aspects) 46

N.A. Borisov

Ex-presidents of the post-Soviet states. Legal status
and political practice 60

V.V. Sidorov

Ethnic parties as agents of ethno-political mobilization
in the states of Western Europe 93

Sociopolitical processes in the past and in the present

I.N. Tarasov, A.A. Abdullayev

Territorial factor of conflict-geneity of political relations
in the Republic of Dagestan 102

A.V. Makhurin

The image of political parties in the digital era
of the Russian society development 114

A.V. Tolochko, S.S. Fomenko

Features of image strategies of leaders of systemic political parties
in the modern Russia 129

O.V. Pavlenko

The July crisis of 1914. According to the materials of the new archival
publications of the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs 141

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и методология политической науки

Р.В. Евстифеев

Иностранное вмешательство в национальные выборы в цифровую эпоху:
постановка проблемы и перспективы исследований 10

А.В. Жабров

Политические институты: эволюция представлений
и интерпретаций 28

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

N.A. Medushevsky, L.A. Pechishcheva, A.R. Shishkina

African vector in India's foreign policy strategy in the 21st century (political
and economic aspects) [*Н.А. Медушевский, Л.А. Печищева, А.Р. Шишкина*
Африканский вектор в индийской внешнеполитической стратегии
в XXI веке (политический и экономический аспекты)] 46

Н.А. Борисов

Экс-президенты государств постсоветского пространства:
правовой статус и политическая практика 60

В.В. Сидоров

Этнические партии как агенты этнополитической мобилизации
в государствах Западной Европы 93

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

И.Н. Тарасов, А.А. Абдуллаев

Территориальный фактор конфликтогенности
политических отношений в Республике Дагестан 102

А.В. Махрин

Имидж политических партий в цифровую эпоху
развития российского общества 114

А.В. Толочко, С.С. Фоменко

Особенности имиджевых стратегий лидеров
системных политических партий в современной России 129

О.В. Павленко

Июльский кризис 1914 г.: по материалам
новых архивных публикаций МИД РФ 141

Теория и методология политической науки

УДК 324

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-10-27

Иностранное вмешательство в национальные выборы в цифровую эпоху: постановка проблемы и перспективы исследований

Роман В. Евстифеев

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, roman_66@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются научные подходы к изучению иностранного вмешательства в национальные выборы, которое оказывает воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государств, деформируя систему международных отношений. На основе анализа современной литературы сделан вывод о том, что, несмотря на распространенность указанного явления, научное знание существенно запаздывает в его осмыслении и пока не может предложить обществу и политикам полноценной научной картины происходящего.

Автор приходит к заключению, что в цифровую эпоху вмешательство в выборы будет приобретать все более выраженный дистанционный характер, данные о выборах станут все более уязвимыми для кибератак. Эффективности иностранного вмешательства будет способствовать переход к использованию персонализированных и индивидуализированных инструментов, а также снижение качества и достоверности информации в новых источниках, приходящих на смену традиционным СМИ. Ответом на эти вызовы со стороны политической науки могла бы стать новая исследовательская повестка, основные направления которой определены в данной статье и реализация которой могла бы снизить негативный эффект от иностранного вмешательства в выборы.

Ключевые слова: выборы, суверенитет, иностранное вмешательство, противодействие иностранному вмешательству

Для цитирования: Евстифеев Р.В. Иностранное вмешательство в национальные выборы в цифровую эпоху: постановка проблемы и перспективы исследований // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 10–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-10-27

© Евстифеев Р.В., 2022

Foreign electoral interference in the digital age. Statement of the issue and research perspectives

Roman V. Evstifeev

*RInstitute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN), Moscow, Russia, roman_66@list.ru*

Abstract. The article considers scientific approaches to the study of foreign interference in national elections, which affects the internal and foreign policy of states, distorting the system of international relations. Based on the analysis of modern scientific literature the conclusion is made that despite the prevalence of foreign interference in elections, scientific knowledge is significantly delayed and cannot yet give the society and politicians a full scientific picture of what is happening.

It is concluded that in the digital age, foreign electoral interference will become increasingly remote, election data will become increasingly vulnerable to cyberattacks, the effectiveness of foreign interference will be facilitated by the shift to personalized and individualized tools, and the declining quality and veracity of information in new sources replacing traditional media. The response to these challenges from political science could be a new research agenda, the directions of which are defined in the article, and the implementation of which could reduce the negative effect of foreign electoral interference.

Keywords: elections, sovereignty, foreign interference, countering foreign interference.

For citation: Evstifeev, R.V. (2022), "Foreign electoral interference in the digital age. Statement of the issue and research perspectives", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 10–27, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-10-27

Введение

Проблема иностранного вмешательства в выборы органов власти других государств не является новой. Однако в силу целого ряда причин научное изучение данного явления только начинается.

Уже самые первые опыты проведения национальных выборов в Новое время убедили многих политических деятелей в критической опасности внешнего вмешательства в электоральные процессы. Это было связано прежде всего с развитием представлений о государственном суверенитете, в основе которого лежали политические идеи Ж. Бодена, примененные к ситуации перехода от феодального

общества и господства монархической политической организации к буржуазно-демократическим формам политических процессов [Lee 2021].

Как известно, именно Боден выдвинул идею суверенитета, обосновав существование национального государства во главе с сувереном-монархом. Впоследствии данная идея, оторвавшись в итоге от фигуры носителя короны, поставила на место суверена тех, кто обладал избирательным правом: сначала – привилегированные слои общества, а позднее – большинство граждан национального государства. Хотя, конечно, путь к всеобщему избирательному праву был долгим и противоречивым.

Отметим в связи с этим рассуждения первого президента США Дж. Вашингтона об иностранном вмешательстве. В 1796 г. в своем президентском обращении, ставшим для него последним в качестве главы государства, Вашингтон уделил особое внимание взаимоотношениям молодой республики с другими странами, подчеркивая, что иностранное влияние в условиях демократии может приводить к введению в заблуждение общественного мнения, запугиванию отдельных групп общества и даже к воздействию на национальные политические партии. «История и опыт доказывают, что иностранное влияние – один из самых страшных врагов республиканского правительства», – делал вывод Вашингтон¹.

Как известно, данное высказывание первого президента США было направлено прежде всего против попыток Франции оказать влияние на результаты американских выборов. Однако оно имеет и более широкий контекст, связанный с особой уязвимостью любой демократически организованной избирательной системы, основанной на свободном волеизъявлении граждан, со стороны воздействия иностранных государств. В основе такой уязвимости лежат особенности демократических выборов, которые стоят выше государственной власти, ибо они, выборы, и призваны ее, государственную власть, формировать. Отсюда возникает идея, что воздействие на выборы, проходящие в другом государстве, может оказаться более эффективным, чем какие-либо иные формы влияния на данное государство.

Предполагаемая свобода собраний и организаций, а также свободный характер выражения своего мнения, основанные на свободном обращении информации и свойственные демократическим государствам, действительно существенно облегчают циркуляцию различных сведений и, соответственно, информационные интервенции, особенно в цифровую эпоху.

---

¹ *Washington G.* The writings of George Washington. Vol. 13: 1794–1798. N.Y.: G. P. Putnam's sons, 1892. P. 315.

Уже в XIX–XX вв. попытки вмешательства в национальные выборы со стороны иностранных государств стали довольно частым явлением. В частности исследователи фиксируют неоднократные случаи такого вмешательства со стороны США: в 1911 г. – в Гондурасе, в 1944 г. и 1960 г. – в Сальвадоре [Tseng-Putterman 2018].

В научной литературе приводится описание попыток Великобритании повлиять на президентские выборы в Соединенных Штатах в 1940 г. путем манипулирования СМИ и финансирования организаций гражданского общества [Usdin 2017]. Достаточно много примеров электоральных вмешательств дает и период «холодной войны», когда США и в меньшей степени СССР занимались вмешательством в выборы во многих странах [Levin 2019].

Данные, собранные Д. Левином, показывают, что почти 11% выборов, проведенных в 1946–2000 гг., стали объектом иностранного вмешательства [Levin 2019]. В указанный период такое вмешательство отмечалось в 60 странах, причем со стороны СССР – преимущественно в Европе, а со стороны США – главным образом в Азии. В целом оно носило в этот период более грубый характер по сравнению с нынешними аналогичными попытками в условиях становящегося цифрового общества. Так, во время «холодной войны» США пытались воздействовать на результаты выборов далеко не всегда «мирными» способами: наряду с политическими кампаниями, подобными той, которая обеспечила победу Ф. Бернхэму на выборах 1968 г. в Гайане [Beinart 2018], в отдельных случаях использовалась и существенная военная составляющая, как, например, при свержении демократически избранного премьер-министра Ирана М. Моссадега в 1953 г. [McQuade 2017] и отстранении от власти президента Гватемалы Х. Арбенса в 1954 г. [Bartett 2019]. При этом подобное американское вмешательство во внутренние дела других государств зачастую сопровождалось мерами экономического характера: контрабандными поставками замороженного мяса в условиях продовольственного дефицита в Чили в 1964 г., финансированием инфраструктурных проектов в Гайане в 1968 г., предоставлением миллиардных займов России в 1996 г. [Mohan, Wall 2019].

После окончания «холодной войны» электоральное вмешательство сохранилось в практике так называемых великих держав, в число которых теперь также входит и Китай. В настоящее время военный аспект в этих процессах сведен к минимуму, однако их напряженность и интенсивность не только не уменьшаются, а напротив, с развитием информационных технологий приобретают новое качество и размах. Можно отметить, что сегодня вмешательство в выборы является серьезным инструментом, используемым отдельными государствами для сохранения и упрочения своего положения на мировой арене путем

оказания воздействия на внутреннюю и внешнюю политику других государств, и тем самым становится феноменом, нуждающимся в глубоком политологическом анализе.

Политические цели и политические оценки

Следует подчеркнуть, что политические оценки иностранного вмешательства в избирательный процесс существенно опережают научное осмысление данного явления. Представляется, что это происходит в силу трех основных причин. Во-первых, политики, участвующие в выборах и стремящиеся сохранить свою власть, чаще всего воспринимают иностранное вмешательство в качестве атаки на собственные позиции. Отсюда высокая чувствительность как самих политиков, так и их сторонников, включая большие группы населения, к попыткам других государств оказать воздействие на ход избирательной кампании и ее результаты.

Во-вторых, идея иностранного вмешательства в выборы имеет самостоятельную внутриполитическую ценность и позволяет консолидировать сторонников перед лицом внешней угрозы.

В-третьих, иностранное вмешательство в выборы, имеющееся или только предполагаемое, может выступать аргументом на внешнеполитическом рынке при переговорном процессе.

В результате наиболее громко заявляют о случаях внешнего воздействия на избирательный процесс прежде всего влиятельные политические акторы, а также их ближайшее окружение. Особенно заметно это проявилось после президентских выборов в США в 2016 г., которые сами по себе вызвали целый ряд громких скандалов и разоблачений, а также привлекли внимание политиков и общественности к этой проблеме.

Как известно, в Соединенных Штатах было инициировано расследование «российского вмешательства» в указанные выборы, итоги которого изложены в докладе спецпрокурора Р. Мюллера². Главными целями расследования являлись: 1) выявление фактов иностранного вмешательства; 2) подтверждение или отрицание действий администрации президента Д. Трампа, которые могли бы быть интерпретированы как препятствовавшие осуществлению правосудия.

---

² Report on the investigation into Russian interference in the 2016 presidential election. U.S. Department of Justice. 2019. URL: <https://www.justice.gov/archives/sco/file/1373816/download> (дата обращения 5 мая 2022).

Безусловно, американских политиков и избирателей прежде всего интересовал вопрос о расследовании деятельности администрации Трампа. В случае выявления серьезных нарушений результаты расследования вполне могли бы стать основой для начала юридических процедур, связанных с импичментом президента.

Для нас наибольший интерес представляют методы расследования и собранные группой юристов материалы об иностранном вмешательстве в выборы. Отметим, что перед авторами доклада в качестве первоочередной выступала не научная, а политико-правовая задача. Это привело к тому, что в его тексте не имеется каких-либо важных обобщений и теоретических обоснований. Авторы расследования скрупулезно поработали над сбором широкого круга доступных им данных, от финансовых отчетов до показаний основных участников, провели их оценку с точки зрения действующих норм права и возможных рисков для американского государства. В итоге расследование не установило, что «российское вмешательство» оказало какое-либо воздействие на окончательные итоги выборов. Однако авторами доклада подчеркивалось, что иностранное вмешательство в национальные выборы является реальной угрозой для страны. Этот вывод комиссии Мюллера был воспринят не только в США, но и в других странах.

После прошедших в России в 2018 г. выборов президента была создана Временная комиссия Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, которая подготовила «Специальный доклад по итогам президентских выборов в Российской Федерации (2018 г.) с точки зрения покушений на российский электоральный суверенитет»³.

Данный документ интересен тем, что в нем впервые на официальном уровне употребляются понятия «электоральный суверенитет» и «избирательный суверенитет». Точные определения данных терминов в тексте доклада не приводятся, тем не менее его авторы на основе изучения многочисленных фактологических материалов формулируют широкий набор попыток нарушения российского электорального суверенитета в период подготовки и проведения

---

³ Специальный доклад по итогам президентских выборов в Российской Федерации (2018 г.) с точки зрения покушений на российский электоральный суверенитет. Временная комиссия Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации. 2018. URL: <http://council.gov.ru/media/files/2uQuCAAwuWu0B8tiDeDExn5x9tBkTDV.pdf> (дата обращения 5 мая 2022).

президентских выборов 2018 г.: от организации на территории страны несанкционированных исследований социологического характера в интересах структур зарубежных государств до ведения из-за рубежа целенаправленной пропаганды и осуществления кибератак, ставивших своей задачей рост общественного недовольства и дестабилизацию социально-политической обстановки на фоне внешнего экономического, дипломатического и информационного давления.

Отражение такого рода процессов в государственно-политических документах высокого уровня, безусловно, во многом способствует созданию определенного образа формирующейся политической реальности, независимо от того, насколько строго с научной точки зрения доказано, обосновано и объяснено само иностранное вмешательство в выборы. В результате высокая чувствительность к данной проблеме, присущая цифровому миру, не имеющему или имеющему достаточно прозрачные границы для информационного воздействия, приобретает весьма существенный характер применительно к большинству современных государств, использующих выборы в качестве механизмов формирования легитимной политической власти. При этом с точки зрения научного знания в указанной сфере имеются серьезные пробелы, требующие значительной работы по сбору данных, их классификации, последующей концептуализации и оценке.

Как изучают иностранное вмешательство в выборы

Как мы уже отмечали, проблема иностранного вмешательства в выборы, несмотря на распространенность данного явления, пока не получила достаточного внимания со стороны исследователей-политологов. Это кажется довольно странным, особенно в сравнении с активным изучением таких видов вмешательства во внутренние дела других стран, как организация государственных переворотов и использование военной силы в целях декларируемой демократизации – форм так называемой навязанной из-за рубежа смены режима (foreign-imposed regime changes, FIRCs) [Kreps 2011; Saunders 2012; Downes, Monten 2013; Poznansky 2015; Carson 2018; Willard-Foster 2019].

Внимание к выборной тематике отчасти проявляется в исследованиях зарубежной помощи в проведении выборов, включая демократизацию и продвижение демократии [Гришин 2021; Bílek 2021; Lührmann 2019; Bush 2015]. Однако, по подсчетам Д. Левина

[Levin 2020, p. 15], в рамках политической науки до 2016 г. были опубликованы только две статьи об электоральном иностранном вмешательстве [Shulman, Bloom 2012; Corstange, Marinov 2012].

В результате в современной политологии пока отсутствуют четкие определения и разграничения различных типов подобного вмешательства, имеющих весьма широкий диапазон – от помощи организационного характера до разрушительных интервенций, проводимых как государственными, так и негосударственными акторами. Таким образом, можно сказать, что в научной литературе представлено довольно мало детально изученных и объясненных фактов внешнего воздействия на электоральные процессы, почти не выстроена теоретическая рамка их изучения, недостаточно изучены мотивы, эффекты и результаты такого вмешательства.

Стоит отметить, что интерес к оценке влияния иностранного вмешательства на результаты выборов до последнего времени проявляли в основном ученые, изучающие историю международных отношений, а также исследователи деятельности разведывательных служб. Среди указанных специалистов существуют значительные разногласия по данному вопросу. Некоторые из них либо в целом отвергают влияние внешнего воздействия на итоги соответствующих выборов, либо считают его контрпродуктивным [Gustafson 2007, pp. 49, 73–74]. В другой части исследовательского сообщества, прежде всего среди историков разведслужб, напротив, преобладает мнение о весьма высокой степени эффективности и результативности такого воздействия [Daugherty 2004, pp. 4–7; Haslam 2005, pp. 13–15; Prados 2006, p. 627].

Одна из немногих моделей иностранного вмешательства в выборы представлена в работе Л. О'Рурка, где данная проблема рассматривается в совокупности с американскими тайными операциями по смене режимов (FIRC) в период «холодной войны» [O'Rourke 2018]. По мнению исследователя, можно выделить три ключевых фактора, влияющих на мотивы и формы подобного вмешательства. Первый из них – это наличие несовместимых политических противоречий между правительством США и правительством соответствующего государства. Второй фактор – это наличие политической альтернативы рассматриваемому иностранному правительству, причем такой, которая, с одной стороны, обладает определенными преимуществами по сравнению с действующим правительством или его соперником на выборах, а с другой – должна полностью разделять политические предпочтения американского руководства. Третий фактор – это оценка материальных и особенно репутационных издержек для Соединенных Штатов. Согласно О'Рурку, в данном отношении тайное воздействие представляется более

предпочтительным и выбирается чаще, поскольку позволяет избежать усиления негативного образа США, что неизбежно происходит при открытых операциях по смене режимов.

Учитывая объективные и субъективные сложности в подборе и подготовке сильного и идеологически совместимого партнера для открытого влияния, О'Рурк отмечает, что такие формы внешнего воздействия на избирательные процессы относительно редки. Согласно приводимым им данным, в эпоху «холодной войны» было зафиксировано всего шесть случаев открытого американского вмешательства в выборы, проводившиеся в других государствах, что составляет 7,4% от установленных фактов подобного вмешательства как такового. Однако, по мнению Д. Левина, подбор данных, осуществленный О'Рурком, и его выводы не свободны от критики и требуют существенной корректировки [Levin 2020, p. 20].

Отметим недавно вышедшую в США работу коллектива авторов, целиком посвященную политическим и правовым аспектам противодействия иностранному вмешательству в выборы в цифровую эпоху [Hollis, Ohlin 2021]. Для решения этой задачи авторы используют междисциплинарную оптику, фокусируясь на трех вопросах: (1) определение проблемы иностранного вмешательства в выборы; (2) изучение решений, которые может предложить международное право; (3) рассмотрение альтернативных нормативных рамок для понимания и решения данной проблемы. В результате в книге довольно подробно представлены исторический подход к концептуальному обоснованию феномена иностранного вмешательства в выборы и сравнительный метод изучения фактов такого вмешательства, изучены вопросы международного права, включая обзор правовых норм и стандартов, ограничивающих внешнее воздействие на электоральный процесс и позволяющих реагировать на него, а также сделана попытка предложить новые варианты и методы борьбы с данным явлением.

Как отмечают авторы, вмешательство в выборы со стороны других государств – довольно распространенное явление, которое почти неизбежно имеет негативные последствия, увеличивая риски возникновения политического кризиса, основанного на утрате доверия к демократическим политическим институтам. Сущность современного этапа развития данной проблемы состоит в том, что обычные риски теперь многократно усиливаются инструментальными возможностями цифровой эпохи. При этом среди специалистов и экспертов пока не сложилось единого мнения в отношении инструментов выявления, фиксации, оценки такого вмешательства и методов установления степени вреда, которое оно наносит политической системе.

Однако авторы книги сходятся в том, что скорее всего иностранное вмешательство в выборы не столько приводит к каким-то значимым изменениям результатов голосования, сколько способствует возникновению и расширению конфликтов и расколов внутри общества.

Как видно из нашего краткого обзора, специфика цифрового общества, ярко проявляемая в ходе любых выборов, становится все более значимой характеристикой и такого явления, как иностранное вмешательство в избирательный процесс. При этом анализ литературы показывает, что существует определенный набор инструментов, позволяющих осуществить подобное вмешательство, который привлекает внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей. Он включает в себя прежде всего финансовые рычаги [Rudolph, Morley 2020], организационно-политические механизмы [Ördén, Pamment 2021], коммуникативные приемы [Грачев, Евстифеев 2020], а также киберинструменты⁴. Весь перечисленный инструментарий применяется с использованием новейших цифровых технологий и возможностей, предоставляемых мировыми информационно-коммуникационными сетями.

Перспективы исследований

Проведенный анализ позволяет выявить следующие тенденции развития процессов иностранного вмешательства в выборы в цифровую эпоху.

Во-первых, данное вмешательство продолжает смещаться в сторону дистанционного воздействия. Развитие цифровых технологий, объединение ресурсов в рамках мировой информационно-коммуникационной сети обеспечивает распространение дистанционных инструментов вмешательства в выборы. Такое внешнее воздействие труднее обнаружить, ему сложнее противостоять, его инициаторы и непосредственные исполнители часто находятся за пределами досягаемости со стороны судебной-правовой системы государства, подвергнувшегося нарушению электорального суверенитета.

Во-вторых, данные о выборах будут становиться все более уязвимыми для кибератак. Широкое использование избирателями и политическими акторами персональных средств связи и цифровых информационных платформ, а также внедрение электронных систем голосования и подсчета голосов приводят к тому, что

---

⁴ O'Connor S. Cyber-enabled foreign interference in elections and referendums // Policy Brief Report. 2020. No. 41. P. 1–63.

такие критически значимые элементы избирательного процесса, как регистрация и идентификация избирателей, голосование и подведение итогов выборов, становятся все более зависимыми от технологий и, соответственно, более подверженными негативным целенаправленным воздействиям, связанным с попытками несанкционированного доступа к ним. Данное обстоятельство уже приводит к тому, что некоторые страны возвращаются к бумажным бюллетеням для голосования⁵.

Методы кибервмешательства стремительно развиваются от фишинга, использования ботов и кибератак к сложным действиям, управляемым искусственным интеллектом, с помощью которого можно создавать и персонализированно распространять текстовые сообщения, изображения, видео- и аудиофайлы, которые содержат недостоверную или откровенно ложную информацию. Однако эти материалы выглядят настолько правдоподобно, что их становится достаточно трудно разоблачить (deep-fake). Кибератаки также могут быть направлены на взломы сайтов государственных структур, проводящих выборы, с целью осуществить непосредственное искажение результатов голосования.

В-третьих, будет происходить переход от воздействия на политическое сознание массовой аудитории, реализуемого при помощи традиционных СМИ, к использованию персонализированных и индивидуализированных инструментов влияния на избирателей.

Это становится возможным благодаря применению специального программного обеспечения для получения доступа к персональным данным и дальнейшего анализа предпочтений пользователей социальных сетей и иных информационно-коммуникационных систем, основанных на интернет-технологиях. Другие варианты подобного воздействия могут быть связаны с интенсификацией внесетевых форм межличностного взаимодействия, использованием возможностей диаспор для поддержки претендентов на выборные должности, выступающих с определенными программами, или в качестве проводников финансирования избирательных кампаний таких претендентов в странах, где гражданам других государств и иностранным юридическим лицам запрещено оказывать финансовую, материальную и рекламную поддержку политическим партиям и независимым кандидатам.

---

⁵ *Russell M., Zamfir I.* Digital technology in elections. Efficiency versus credibility? // European Parliamentary Research Service Briefing, September 2018. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/625178/EPRS_BRI\(2018\)625178_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/625178/EPRS_BRI(2018)625178_EN.pdf) (дата обращения 5 мая 2022).

Опросы общественного мнения, которые все больше зависят от использования цифровых технологий (телефон, Интернет, социальные сети), также могут стать инструментом дезинформации и пропаганды определенных политических установок.

В результате иностранное вмешательство в выборы уже в меньшей степени фокусируется только на самом дне выборов и процедуре голосования, ориентируясь на широкую задачу формирования общественных настроений путем поддержки или дискредитации конкретных политических альтернатив. Продвижение и подчеркивание крайних взглядов и точек зрения, в свою очередь, приводит к усилению конфликтов, социальной поляризации и недоверию к основным политическим игрокам или демократическим институтам, что может породить ситуацию «спорных выборов» [Евстифеев 2020].

В-четвертых, ослабление влияния традиционных СМИ сопровождается снижением качества и степени достоверности информации, получаемой индивидуальными пользователями из социальных сетей и других персонализированных источников. Более «дружественный» интерфейс коммуникационных интернет-каналов при отсутствии инструментария для проверки фактов позволяет распространять в весьма правдоподобном виде искаженные или откровенно ложные сведения, что в целом способствует созданию среды для эффективного вмешательства в выборы.

Анализ научных публикаций последних лет позволяет нам также выделить несколько перспективных направлений будущих исследований иностранного вмешательства в выборы.

Первое направление связано с необходимостью концептуализации самого понятия «иностранное вмешательство в выборы», отделения данного явления от других форм вмешательства во внутренние дела других государств и определения его основных характеристик.

Второе направление касается изучения процессов информационного воздействия на массовое сознание, так как пока нет достоверно подтвержденных данных, свидетельствующих о том, в какой мере стратегические коммуникационные кампании способны оказывать когнитивное воздействие, т. е. изменять образ мысли или мотивацию избирателей.

Третье направление должно быть связано с восполнением существующих пробелов в данных об иностранном вмешательстве в выборы, включая дальнейшую систематизацию и классификацию различных инструментов, посредством которых одно государство пытается воздействовать на политические процессы в других государствах. При этом особое внимание следует уделить изучению цифровых инструментов.

Четвертое направление исследований касается изучения существующих норм и правил внутри самой политической системы, либо дающих государству возможность осуществлять эффективный контроль и противодействовать иностранному вмешательству в выборы, либо позволяющих пропускать атаки, обусловленные внешним воздействием на избирательный процесс.

Пятое направление связано с дальнейшим изучением сложившихся правил взаимоотношений между государствами, а также возможностей и ограничений международного права, способствующих выявлению иностранного вмешательства в выборы и противодействию ему.

Шестое направление исследований предполагает изучение механизмов и инструментов противодействия внешнему воздействию на избирательный процесс, которые могли бы стать основной для выработки общих правил поведения и реагирования на факты иностранного вмешательства в выборы, включая создание общих норм кибербезопасности.

Заключение

Относительно долгая история иностранного вмешательства в выборы пока не привела к созданию стройной теоретической концепции, а также набора достоверных методов фиксации и полноценного объяснения данного явления с точки зрения политической науки. Вместе с тем традиционные стратегии сдерживания и реагирования на подобное вмешательство перестают быть эффективными в условиях развития новых цифровых инструментов и возможностей.

Выработка мер по противодействию и предотвращению иностранного вмешательства в выборы должна основываться прежде всего на результатах полноценного научного анализа подобных фактов. Однако в современной политологии пока отсутствует консенсус по многим аспектам данной проблемы и прежде всего в вопросе о степени влияния такого вмешательства на результаты выборов. Тем не менее сам концепт вмешательства и его широкое распространение оказывают непосредственное воздействие как на внутреннюю политику государств, так и на международные отношения. Это выражается в использовании сведений об иностранном вмешательстве и государственными органами, и общественными деятелями в первую очередь в политических целях. При этом развитие научного знания существенно отстает в плане осмысления данной проблемы и пока оказывается не в состоянии представить обществу и политикам полноценную объективную картину происходящего.

Очевидно, что дальнейшее развитие цифровых технологий может существенно усложнить и усилить инструменты иностранного вмешательства в выборы, приобретающего все более выраженный дистанционный характер. Данные о выборах будут становиться все более уязвимыми для кибератак. Эффективности иностранного вмешательства будут способствовать переход к использованию персонализированных и индивидуализированных инструментов влияния на политическое сознание граждан, а также снижение качества и степени достоверности внешне «правдоподобных» сведений, распространяемых в привлекательной и доступной для восприятия форме по сетевым каналам на фоне постепенного уменьшения влияния традиционных СМИ.

Ответом на эти вызовы со стороны политической науки могла бы стать исследовательская повестка, включающая в себя строгую концептуализацию понятия «иностранное вмешательство в выборы»; анализ когнитивных основ информационного воздействия на массовое сознание; сбор и классификация данных о фактах внешнего воздействия на избирательный процесс со стороны других государств; изучение правил взаимоотношений между государствами и норм международного права, способствующих выявлению и противодействию иностранному вмешательству в выборы; анализ инструментов противодействия такому вмешательству, включая создание общих норм кибербезопасности.

Кроме прямого несанкционированного воздействия на результаты голосования, иностранное вмешательство в выборы, как показывают данные социологических опросов, способно подорвать доверие к демократическим институтам вплоть до значительного углубления раскола в обществе [Tomz, Weeks 2020], а также оказывать негативное влияние на отношения между государствами.

В связи с этим представляется, что предложенная исследовательская повестка и активный научный поиск в данном направлении будут способствовать снижению негативного эффекта от иностранного вмешательства в выборы и выработке действенных мер по противодействию возможным и фактическим нарушениям «электронного суверенитета».

Литература

Грачев, Евстифеев 2020 – *Грачев М.Н., Евстифеев Р.В.* Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // *Контур* глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 229–248.

- Гришин 2021 – *Гришин Н.В.* Политика государств в отношении международного наблюдения за выборами // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 17. 2021. С. 150–162.
- Евстифеев 2020 – *Евстифеев Р.В.* От «спорных выборов» к глобальной эрозии демократии: ограничения международного влияния на политические выборы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3(64). С. 99–103.
- Barrett 2019 – *Barrett D.* Congress, the CIA and Guatemala, 1954 // CIA Library. Vol. 44. No. 5. 2019. URL: <https://www.cia.gov/resources/csi/studies-in-intelligence/archives/vol-44-no-5/congress-the-cia-and-guatemala-1954/> (дата обращения 5 мая 2022).
- Beinart 2018 – *Beinart P.* The US needs to own up to its long history of election meddling // The Atlantic. 2018. July 22. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2018/07/the-us-has-a-long-history-of-election-meddling/565538/> (дата обращения 5 мая 2022).
- Bílek 2021 – *Bílek J.* Linkage to the West and electoral manipulation // Political Studies Review. 2021. No. 19 (2). P. 262–273.
- Bush 2015 – *Bush S.* The taming of democracy assistance. Why democracy promotion does not confront dictators. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. 288 p.
- Carson 2018 – *Carson A.* Secret wars. Covert conflict in international politics. Princeton: Princeton Univ. Press, 2018. 325 p.
- Corstange, Marinov 2012 – *Corstange D., Marinov N.* Taking sides in other people's elections. The polarizing effect of foreign intervention // American Journal of Political Science. 2012. Vol. 56. No. 3. P. 655–670.
- Daugherty 2004 – *Daugherty W.J.* Executive secrets. Covert action and the presidency. Lexington: Univ. Press of Kentucky, 2004. 298 p.
- Downes, Monten 2013 – *Downes A., Monten J.* Forced to be free? Why foreign imposed regime change rarely leads to Democratization // International Security. 2013. No. 37 (4). P. 90–131.
- Gustafson 2007 – *Gustafson K.* Hostile intent. U.S covert operations in Chile, 1964–1974. Washington, DC: Potomac Books, 2007. 288 p.
- Haslam 2005 – *Haslam J.* The Nixon administration and the death of Allende's Chile. A case of assisted suicide. N. Y.: Verso, 2005. 288 p.
- Hollis, Ohlin 2021 – Defending democracies. Combating foreign election interference in a digital age / Ed. by D. Hollis, J. Ohlin. N.Y: Oxford Univ. Press, 2021. 399 p.
- Kreps 2011 – *Kreps S.* Coalitions of convenience. United States military interventions after the Cold War. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. 223 p.
- Lee 2021 – *Lee D.* The right of sovereignty. Jean Bodin on the sovereign state and the law of nations. Oxford: Oxford Univ. Press, 2021. 320 p.
- Levin 2019 – *Levin D.* Partisan electoral interventions by the great powers. Introducing the PEIG dataset // Conflict Management and Peace Science. 2019. № 36 (1). P. 88–106.
- Levin 2020 – *Levin D.* Meddling in the ballot box. The causes and effects of partisan electoral interventions. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2020. 316 p.

- Lührmann 2019 – *Lührmann A.* United Nations electoral assistance. More than a fig leaf? // *International Political Science Review*. 2019. Vol. 40 (2). P. 181–196.
- McQuade 2017 – *McQuade J.* How the CIA toppled Iranian democracy // *The conversation*. 2017. July 28. URL: <https://theconversation.com/how-the-cia-toppled-iranian-democracy-81628> (дата обращения 5 мая 2022).
- Mohan, Wall 2019 – *Mohan V., Wall A.* Foreign electoral interference. Past, present, and future // *Georgetown Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 20. P. 110–119
- Ördén, Pamment 2021 – *Ördén H., Pamment J.* What is so foreign about foreign influence operations. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2021. 23 p.
- O'Rourke 2018 – *O'Rourke L.* Covert regime change. America's secret Cold War. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2018. 312 p.
- Poznansky 2015 – *Poznansky M.* Stasis or decay? Reconciling covert war and the democratic peace // *International Studies Quarterly*. 2015. № 59 (4). P. 629–829.
- Prados 2006 – *Prados J.* Safe for democracy. The secret wars of the CIA. Chicago: Dee, 2006. 752 p.
- Rudolph, Morley 2020 – *Rudolph J., Morley T.* Covert money. Financial loopholes exploited by authoritarians to fund political interference in democracies. Washington: The Alliance for Securing Democracy, 2020. 105 p.
- Saunders 2012 – *Saunders E.* Leaders at war. How presidents shape military interventions. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2012. 312 p.
- Shulman, Bloom 2012 – *Shulman S., Bloom S.* The legitimacy of foreign intervention in elections. The Ukrainian response // *Review of International Studies*. 2012. No. 38. P. 445–471.
- Tomz, Weeks 2020 – *Tomz M., Weeks J.* Public opinion and foreign electoral intervention // *American Political Science Review*. 2020. Vol. 114, issue 3. P. 1–18.
- Tseng-Putterman 2018 – *Tseng-Putterman M.* A century of US intervention created the immigration crisis // *Medium*. 2018. June 20. URL: <https://medium.com/s/story/timeline-us-intervention-central-america-a9bea9ebc148> (дата обращения 5 мая 2022).
- Usdin 2017 – *Usdin S.* When a foreign government intervened in a US election – to re-elect FDR // *Politico*. 2017. January 16. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2017/01/when-a-foreign-government-interfered-in-a-us-election-to-reelect-fdr-214634> (дата обращения 5 мая 2022).
- Willard-Foster 2019 – *Willard-Foster M.* Toppling foreign governments. The logic of regime change. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2019. 344 p.

References

- Barrett, D. (2019), “Congress, the CIA and Guatemala, 1954”, *CIA Library*, vol. 44, no. 5, available at: <https://www.cia.gov/resources/csi/studies-in-intelligence/archives/vol-44-no-5/congress-the-cia-and-guatemala-1954/> (Accessed 5 May 2022).

- Beinart, P. (2018), "The US needs to own up to its long history of election meddling", *The Atlantic*, July 22, available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2018/07/the-us-has-a-long-history-of-election-meddling/565538/> (Accessed 5 May 2022).
- Bílek, J. (2021), "Linkage to the West and electoral manipulation", *Political Studies Review*, vol. 2, no. 19, pp. 262–273.
- Bush, S. (2015), *The taming of democracy assistance. Why democracy promotion does not confront dictators*, Cambridge University Press, Cambridge, USA.
- Carson, A. (2018), *Secret wars. Covert conflict in international politics*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Corstange, D. and Marinov, N. (2012), "Taking sides in other people's elections. The polarizing effect of foreign intervention", *American Journal of Political Science*, vol. 56, no. 3, pp. 655–670.
- Daugherty, W.J. (2004), *Executive secrets. Covert action and the presidency*, University Press of Kentucky, Lexington, USA.
- Downes, A. and Monten, J. (2013), "Forced to be free? Why foreign imposed regime change rarely leads to democratization", *International Security*, vol. 4, no. 37, pp. 90–131.
- Evstifeev, R.V. (2020), "From 'contentious elections' to global erosion of democracy. Limitations of international influence on political elections", *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*, vol. 64, no. 3, pp. 99–103.
- Grachev, M.N. and Evstifeev, R.V. (2020), "The concept of the 'truth decay' in a digital society (an analytical review)", *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravno*, vol.13, no. 2. pp. 229–248.
- Grishin, N.V. (2021), "Policies of states towards international election observation", *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, vol. 17, pp. 150–162.
- Gustafson, K. (2007), *Hostile intent. U.S covert operations in Chile, 1964–1974*, Potomac Books, Washington, DC, USA.
- Haslam, J. (2005), *The Nixon administration and the death of Allende's Chile. A case of assisted suicide*, Verso, New York, USA.
- Hollis, D. and Ohlin, J. (2021), *Defending democracies. Combating foreign election interference in a digital age*, Oxford University Press, N.Y., USA.
- Kreps, S. (2011), *Coalitions of convenience. United States military interventions after the Cold War*, Oxford University Press, Oxford, New York, USA.
- Lee, D. (2021), *The right of sovereignty. Jean Bodin on the sovereign state and the law of nations*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Levin, D. (2019), "Partisan electoral interventions by the great powers. Introducing the PEIG dataset", *Conflict Management and Peace Science*, vol. 36, no. 1, pp. 88–106.
- Levin, D. (2020), *Meddling in the ballot box. The causes and effects of partisan electoral interventions*, Oxford University Press, New York, USA.
- Lührmann, A. (2019), "United Nations electoral assistance. More than a fig leaf?", *International Political Science Review*, vol. 40, no. 2, pp. 181–196.

- McQuade, J. (2017) “How the CIA toppled Iranian democracy”, *The Conversation*, July 28, available at: <https://theconversation.com/how-the-cia-toppled-iranian-democracy-81628> (Accessed 5 May 2022).
- Mohan, V. and Wall, A. (2019), “Foreign electoral interference. Past, present, and future”, *Georgetown Journal of International Affairs*, vol. 20, pp. 110–119.
- Ördén, H. and Pamment, J. (2021), *What is so foreign about foreign influence operations*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington, USA.
- O’Rourke, L. (2018), *Covert regime change. America’s secret Cold War*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Poznansky, M. (2015), “Stasis or decay? Reconciling covert war and the democratic peace”, *International Studies Quarterly*, vol. 59, no. 4, pp. 629–829.
- Prados, J. (2006), *Safe for democracy. The secret wars of the CIA*, Dee, Chicago, USA.
- Rudolph, J. and Morley, T. (2020) *Covert money. Financial loopholes exploited by authoritarians to fund political interference in democracies*, The Alliance for Securing Democracy, Washington, USA.
- Saunders, E. (2012), *Leaders at war. How presidents shape military interventions*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Shulman, S. and Bloom, S. (2012), “The legitimacy of foreign intervention in elections. The Ukrainian response”, *Review of International Studies*, no. 38, pp. 445–471.
- Tomz, M. and Weeks, J. (2020), “Public opinion and foreign electoral intervention”, *American Political Science Review*, vol. 114, issue 3, pp. 1–18.
- Tseng-Putterman, M. (2018), “A century of US intervention created the immigration crisis”, *Medium*, June 20, available at: <https://medium.com/s/story/timeline-us-intervention-central-america-a9bea9ebc148> (Accessed 5 May 2022).
- Usdin, S. (2017), “When a foreign government intervened in a US election – to re-elect FDR”, *Politico*, January 16, available at: <https://www.politico.com/magazine/story/2017/01/when-a-foreign-government-interfered-in-a-us-election-to-reelect-fdr-214634> (Accessed 5 May 2022).
- Willard-Foster, M. (2019), *Toppling foreign governments. The logic of regime change*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA.

Информация об авторе

Роман В. Евстифеев, доктор политических наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; roman_66@list.ru

Information about the author

Roman V. Evstifeev, Dr. of Sci. (Political Science), Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; bld. 51/21, Nahimovsky Av., Moscow, Russia, 117418; roman_66@list.ru

Политические институты: эволюция представлений и интерпретаций

Александр В. Жабров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zhabrov.a@rggu.ru*

Аннотация. Термин «институт» применялся мыслителями на протяжении веков. При этом более-менее четкого и единого определения этой категории долгое время не существовало. И сегодня в этой сфере остаются нерешенные противоречия, да и изменчивость представлений очень высока. В статье рассматривается вопрос интерпретации и операционализации одного из ключевых понятий политической науки – «политический институт». Актуальность работы обусловлена недостаточной методологической определенностью данного понятия в современной российской политологии, без чего невозможно исследовать структуру российской политической системы и процесс ее развития, а также проблемы, возникающие в ходе институционализации политической жизни. Научная новизна данной статьи прослеживается в установлении общих тенденций эволюции представлений об институтах и выделении ключевых этапов данного процесса. Рассматриваются и описываются отличия философского и научного взглядов на институты. В рамках каждого из них также выделяются базовые периоды со своими особенностями. Описывается то влияние, которое оказали на развитие институциональных исследований фундаментальные подходы классической политологии (системный, структурно-функциональный, поведенческий и др.). Отдельно рассматриваются современный (неоинституциональный) этап развития представлений об институтах и процесс формирования «нового взгляда» на них. В заключение предлагается отвечающая требованиям времени интерпретация исследуемой категории.

Ключевые слова: методология, категории политической науки, политические институты, институционализм, системный подход, структурный функционализм, бихевиорализм, «новая» институциональная теория

Для цитирования: Жабров А.В. Политические институты: эволюция представлений и интерпретаций // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 28–45. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-28-45

Political institutions. Evolution of perceptions and interpretations

Alexander V. Zhabrov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zhabrov.a@rggu.ru*

Abstract. Thinkers have used the term «institute» for centuries. At the same time, there was no more or less clear and uniform definition of that category for a long time. Even today there are unsolved oppositions in the area, and the dynamics of ideas is very high. The article deals with the interpretation and operationalization of one of the main concepts of political science – «political institution». The relevance of the work is caused by insufficient methodological definiteness of the term in modern Russian political science. Such insufficiency makes it impossible to study the structure of the Russian political system and the process of its development and the issues that appear during the institutionalization of political life. The scientific novelty of the article can be traced in the establishment of general trends in evolution, the idea of institution and identification of the main steps of that process. The article considers and characterizes differences between the philosophical and scientific views on institutions. Base periods with their own specifics are also considered within each of them. It describes the influence that the basic approaches of classical political science (systematical, structural-functional, behavioral, etc.) had on the development of institutional research. The modern neo-institutional step of the development of ideas about institutions and the formation of a «new look» at it is considered separately and specifically. At the end of the article, the relevant definition of the main concept is provided.

Keywords: methodology, categories of political science, political institutions, institutionalism, system approach, structural functionalism, behaviorism, «new» institutional theory

For citation: Zhabrov, A.V. (2022), “Political institutions. Evolution of perceptions and interpretations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 28–45, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-28-45

На судьбоносном конгрессе под эгидой ЮНЕСКО 1949 г., поставившем точку в обособлении и формализации политической науки, помимо прочего, было определено предметное поле политологии. Одной из главных категорий в нем оказалось понятие «политический институт». При этом, с нашей точки зрения, интерпретации и операционализации данного термина уделяется

незначительное внимание, особенно среди российских ученых. Несмотря на широту использования понятия, представляется, что оно далеко не всегда несет определенную смысловую нагрузку. А иногда случается и так, что черты институтов находят у разных политических практик и процессов или у социальных групп. Например, вот что пишет Л.А. Иванова: «...институционализации политической элиты – это процесс формирования специфических отношений, которые определяются нормативным регулированием и авторитетным воздействием группы лиц на принятие значимых государственных политических, экономических и социальных решений. В свою очередь результативность процесса институционализации политических элит определяется степенью одобрения населением деятельности политических институтов» [Иванова 2019, с. 259]. Такой подход, почти отождествляющий понятия «социальная группа» и «политический институт», представляется нам не вполне методологически обоснованным. Данная статья посвящена актуальной для российской политологии проблеме интерпретации термина «политический институт». Изложенные здесь материалы об эволюции и современных взглядах на данную категорию могут способствовать большей точности при использовании понятия, повышению определенности в процессе применения неинституционального подхода, формированию так называемого институционального мышления.

В наиболее общем виде историю эволюции представлений о социальных институтах можно описать как процесс движения от метафизического, идеалистического, дедуктивного, экзогенного и формализованного взгляда в сторону научного, позитивистского, индуктивного, эндогенного и ценностно-ориентированного восприятия. В целом этот процесс включает в себя два базовых периода: философский и научный. Несмотря на то что научный период интересует нас гораздо больше (и тоже может быть разделен на существенно отличающиеся друг от друга этапы), начать все же необходимо с философского, хотя бы потому, что он является куда более протяженным во времени.

Впервые термин «институция» встречается в трудах античных римских юристов, одна из заслуг которых как раз и состояла в том, что они превратили право из разрозненных, фрагментарных, неустойчивых правовых обычаев в иерархизированную, структурированную, нормированную и стабильную систему (другими словами, произвели институционализацию права). Однако изначальное понимание институтов было далеким от современных подходов. Римские юристы понимали под институциями четкие и формализованные правовые «установления», состоящие из нескольких норм права

(и только). Такая трактовка лишена большей части признаков социальных институтов.

Возрождение интереса к понятию «институт» и существенная трансформация его значения начались в Новое время. Одним из первых, в социальном, а не чисто правовом смысле, данное понятие употреблял итальянский просветитель, философ, один из предтеч социологической науки, Джамбаттиста Вико. Вначале XVIII в., рассуждая о природе наций, социальных законов и государств, он указывал на существенное влияние институтов, которое простирается далеко за пределы правовых вопросов (читай, использовал историко-сравнительный и детерминистский подходы). Развивал ту же логику немецкий философ и идеалист Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Он особо указывал на роль институтов в процессе создания и функционирования государства. Отмечая, что институты находят свое выражение в рационально сформулированных и одобряемых большинством правилах, Гегель писал, что институты «составляют государственный строй, т. е. развитую и осуществленную разумность, прочный базис государства, равно как и базис доверия и настроенности индивидов по отношению к нему»¹.

Стоит отметить, что в этот период представления об институтах носили интегративный характер. Мыслители, философы и обществоведы не пытались четко разграничивать различные типы институтов (политических, экономических и культурных; формальных и не формальных; государственных и общественных и т. д.). Именно попытки типологизировать и классифицировать институты ознаменовали начало перехода от философско-идеалистического к научному периоду их изучения. Первые шаги в этом направлении были сделаны английским эволюционистом и социологом Гербертом Спенсером. Он классифицировал институты (под которыми понимал механизмы самоорганизации совместной жизни людей) на основе выполняемых ими социальных функций и ролей в процессе развития общества и государства. В итоге Спенсер выделил пять разновидностей институтов: семейные, церемониальные, церковные, профессиональные и политические (государственные).

Таким образом, начало философскому периоду в развитии представлений об институтах положили античные римские юристы, которые трактовали данную категорию довольно узко, как строгие правовые установления. В Новое время представления об институтах расширились. В целом они носили интегративный и нормативный характер, воспринимались как экзогенный

---

¹ *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / Под ред. П.Н. Федосеева, В.В. Соколова [и др.]. М.: Мысль, 1990. 201 с. (Философское наследие)

и детерминирующий по отношению к обществу феномен, рассматривались прежде всего формально, а интерпретировались и надевались определенными признаками весьма субъективно.

Научный период исследования социальных институтов вообще и политических институтов в частности берет свое начало на рубеже XIX–XX вв. и является еще менее однородным, чем предыдущий. В рамках этого периода можно выделить несколько основных этапов, каждый из которых далее будет рассмотрен подробнее.

Первый этап протекал на базе классического институционализма (мы будем называть его «классическим», чтобы избежать путаницы, поскольку нам предстоит столкнуться еще и с «новой» институциональной теорией). Попытки классифицировать институты привели исследователей к четкому пониманию того, что в каждой из сфер общественной жизни существуют свои институционализированные образования (юридические, экономические, культурные, политические и т. д.) с характерными особенностями. Слава создания классического институционализма принадлежит трем научным направлениям: экономике, юриспруденции и политэкономии. Это наложило определенный отпечаток на положения данного подхода. Во-первых, основное внимание уделялось формальной стороне дела – конституциям, законам, уставам, организационно-правовым документам, бухгалтерским книгам и др. Во-вторых, двигателем социального развития считалась прежде всего экономическая сфера жизни общества. Классики институционализма отмечали большое влияние политических, правовых, социальных, культурных феноменов на общественную эволюцию, но роль первой скрипки в ней отдавали экономике. В-третьих, институционализм представлял собой одну из первых попыток создания интегративной теории, объединяющей социально-гуманитарные науки, поскольку утверждал, что явления, процессы и институты в разных сферах общественной жизни находятся в тесном взаимодействии и неразрывной коэволюционной связи.

В числе основоположников подхода в первую очередь принято называть Уилтона Гамильтона (который впервые использовал термин «институционализм») и Торстейна Веблена (автора фундаментального труда «Теория праздного класса»)². Последний, рассуждая об экономической жизни, рассматривал в качестве составляющих институтов нормы и традиции, закрепленные в законах, а также структуры и организации, возникающие на их основе. Важно отметить, что институционалисты понимали значение обычаев

---

² См.: Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. С. Сорокиной. М.: Либроком, 2011. 368 с.

и традиций, ценностей и культуры, паттернов человеческого поведения, но полагали, что становление институтов происходит лишь в процессе формализации (читай, нормативно-правового и организационного закрепления) вышеперечисленного. Иными словами, в рамках классического институционализма исследователи стремились отказаться от анализа властных и управленческих отношений в обществе с позиций так называемого политического человека. Они отдавали приоритет не субъектам политики, их действиям, мотивам и т. п., а организационным, систематизированным, формализованным формам политической жизни. В частности, Макс Вебер трактовал политические институты подобным образом, характеризуя их через разумные правила и силы, способные заставить этим правилам последовать. В его трактовке, политический институт – рациональное упорядочение средств и целей политического поведения общепринятыми и общеизвестными установлениями. Указывая на суть институтов, он утверждал: «Насильственное введение определенного порядка может быть осуществлено органами института, посредством их специальных функций»³.

Несмотря на все расширительные трактовки понятия «институт», концептуальную запутанность классического институционализма, «размывание» границ между науками и типами институтов, в рамках данного подхода сложилось научное представление о политических институтах. Если пытаться интерпретировать их, как это делали классики институциональной теории, то можно предложить следующее определение: политический институт – это совокупность стабильных, рационализированных, формализованных и публичных норм и правил, на основании которых субъекты политики приобретают организационный характер, обеспечивают устойчивость политической жизни и контроль над соблюдением ее базовых законов.

Наконец, нельзя не сказать и о том, что, несмотря на всю критику и методологические проблемы, именно классический институционализм стал одним из первых фундаментальных подходов в рамках политической науки. Он доминировал в первые два десятилетия XX в. во внутривполитических исследованиях и являлся одним из базовых во времена становления сравнительной политологии.

Старт следующему этапу в развитии представлений об институтах дало появление в авангарде политической мысли двух новых подходов – системного и структурно-функционального. Благодаря им исследователи смогли перейти от констатации факта

³ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 7.

существования институтов к определению их места в политическом процессе, рассмотрению их внутреннего строения, изучению той роли, которую они должны и могут играть в политике, и т. д.

Чем именно обогатили системный подход и структурный функционализм институциональную политологию? В частности, классические модели политических систем сделали очень многое для развития представлений об институтах. Так, модель Дэвида Истона позволила классифицировать институты на основании их места внутри системы. Например, к институтам «входа» относятся партии, СМИ, структуры гражданского общества, институты политического представительства интересов, лоббизм, институты электронного правительства и т. д. Внутри «черного ящика» главными являются законодательные и правительственные институты, парламентаризм, президентство, параконституционные органы и др. И, наконец, на «выходе» из политической системы находятся институты исполнительной ветви власти, правоохранительные и судебные институты, контрольно-надзорные структуры и т. п. Другая классическая модель политической системы Габриэля Алмонда делает упор на совокупности всех взаимодействующих друг с другом политических статусов и ролей. Уточним, что под статусом понимаются формальное место субъекта в политической иерархии, его нормативно-правовое положение, должностные обязанности и др. А роль – конкретная практическая деятельность субъектов политики, их эффективность, результативность и степень реального влияния на политический процесс. Соединять эти элементы и обеспечивать их взаимодействие в целях стабилизации политических порядков должна главным образом политическая культура конкретного общества, которая и занимает в структуре политической системы фундаментальное положение, т. е. принципиальное значение имеют не только институты, но и взаимосвязи (причем многообразные) между ними. Более того, у институтов есть не только формальная (нормативно-правовая) основа, но и неформальная (ценностная, культурная). Развить идею Алмонда о важности взаимодействий между элементами политики позволяет еще одна «классическая» модель политической системы, разработанная Карлом Дойчем. Ключевым для нее являлся информационно-кибернетический подход. В модели Дойча обеспечение коммуникации между элементами системы предстает ключевой функцией многих (если не всех) политических институтов. Помимо этого, каждый из них сам по себе может быть рассмотрен как информационно-коммуникационная система, т. е. функционирование никакого политического института невозможно без внутреннего и внешнего информационного обмена между его элементами и средой.

Исходя из всего вышесказанного, в рамках институциональной теории политическая система общества может быть определена как совокупность институтов, форм и способов взаимодействия между ними, а также неинституционализованных акторов процесса осуществления власти и управления в обществе. Добавим, что институты функционируют в рамках каждой из подсистем политической системы. Так, например, внутри ценностной подсистемы можно говорить о существовании института репутации или о политическом аспекте института морали; в рамках коммуникативной подсистемы действуют институт СМИ, общественного мнения, институт лоббизма и т. д. Однако большинство политических институтов (по крайней мере, в их традиционном понимании) охватывает в совокупности нормативную и организационную подсистемы. Другими словами, институты представляют собой союзы (организации), сформированные на основе правил политической игры и оказывающие существенное влияние на политический процесс. Таким образом, политическая система складывается из формальных и неформальных институтов, особенностей их функционирования, взаимодействия между ними и обществом, а также политической культуры (сознания и поведения) властной элиты и социума.

В итоге системный подход применительно к институтам позволил утверждать следующее:

- в полном соответствии с принципом иерархичности каждый политический институт может быть представлен как отдельная система. В свою очередь, политическая система может быть представлена в том числе как система политических институтов;

- институты являются важным, но не единственным элементом политической системы;

- многие характеристики политических систем задаются интересами доминирующих в политике акторов и социальных групп, а политические институты существуют в том числе для реализации этих интересов;

- важным элементом системы является ее динамическая составляющая, причем не только развитие (или деградация) в целом, но и внутренняя динамика (политический процесс, формы и способы взаимодействия между элементами, выработка политических решений, механизм «обратной связи» и пр.). Классический институциональный подход не учитывал динамической (процессуальной) грани институтов. Таким образом, системный подход сделал шаг вперед на пути от статических к динамическим интерпретациям политических институтов.

Взаимосвязанно с системным (а точнее, логически и методологически неотделимо от него) развивался структурно-функциональный

подход в политической науке. Он обращает особое внимание на место элементов политики в ее иерархии (структура политической жизни) и их роль в политическом процессе (функции). Структурный функционализм обогатил институциональную теорию представлениями о деятельности институтов. В их интерпретации стали присутствовать ключевые функции. Среди них: обеспечение устойчивости и стабильности политических порядков; подчинение общества нормам и правилам, включая применение санкций за их нарушение; интеграция граждан в политическую жизнь на основе господствующих в государстве принципов и норм; распределение дефицитных благ; оптимизация взаимодействия между социальными и политическими, общественными и государственными субъектами и структурами и т. д.

Более того, структурный функционализм обратил внимание еще на один аспект деятельности политических институтов – их эффективность, соотношение функций и дисфункций. Последнее зависит от соответствия институтов требованиям времени, сочетания ожидаемых и побочных, открытых и латентных, позитивных и негативных последствий их существования и др. Подчеркнем, что именно от степени эффективности и разветвленности сети политических институтов в первую очередь зависят устойчивость и стабильность современных политических систем, результативность их деятельности, достижимость социально значимых целей.

В 50–70-е гг. XX в. в политической науке стала активно развиваться поведенческая парадигма. Изменения взгляда на предмет исследования были настолько масштабны, что этот этап в развитии политологии стали частенько именовать революционным. Если ранее анализу подвергались преимущественно наиболее крупные объекты и явления политической жизни (институты, политические системы, государства и т. д.), то теперь внимание исследователей стало сосредотачиваться на микроуровне политики (электоральное поведение, политические предпочтения, психологические особенности акторов, мотивы и потребности и т. д.). Очевидно, что эти изменения не могли не затронуть представлений и об институтах. В отличие от деятельностных и функциональных теорий бихевиорализм не ограничивался описанием рациональных интересов, сознательных действий, последовательных и устойчивых моделей участия в политике. Деятельностные теории хорошо соотносились с классическим представлением об институтах – как о доминирующих экзогенных структурах, базирующихся на строгих нормах и правилах, лишенных эмоциональности и импульсивности (да и вообще самостоятельности). Прагматичность, рациональность и целенаправленность институтов были продиктованы строгостью и формализацией принципов их деятельности. Благодаря

поведенческому подходу политическая наука получила возможность исследовать множество новых аспектов политической жизни. Вот лишь некоторые черты «бихевиоральной революции»:

- у политического процесса появилась новая движущая сила – человеческое поведение. Бихевиоралисты отвергли идею о том, что политику формируют масштабные тектонические сдвиги, глобальные исторические процессы, закономерности в развитии государств. Куда более важной они видели активность людей (их политическое участие);

- политические исследования перешли на новый микроуровень. Бихевиорализм позволил заняться невиданными доселе вопросами: взаимосвязи ролей, мотивов и специфики принятия решений отдельными людьми (микро- – микроуровень), влияния граждан на политические структуры и процесс (микро- – макроуровень), влияние больших коллективных и формализованных политических акторов на поведение и сознание людей (макро- – микроуровень);

- изменился главный предмет политологии. Если раньше в центре политического исследования, так или иначе, находилось государство, то теперь его сменил индивид. Подобно тому как люди эпохи Возрождения переместили свой взгляд на отдельного человека (образно говоря, он стал центром их «картины мира») в философии, науке и искусстве, в ходе поведенческой революции политологи обратили пристальное внимание на индивида и его роль в политике. Именно человек, а не огромные политические системы, левиафаны-государства, строгие и требовательные институты, по мнению бихевиоралистов, стал диктовать условия политической жизни. В рамках этого подхода потребности и интересы индивида, его психика, реакции, поведение и деятельность первичны. Именно они определяют все то, что потом сложится в макрополитические структуры. По сути, в качестве девиза бихевиорального подхода можно использовать знаменитое высказывание греческого философа Протагора: «Человек есть мера всех вещей!».

Понятно, что в рамках данного направления политическим институтам отводилась второстепенная роль. Они были вытеснены на периферию политического процесса. Тем не менее они не исчезли из исследовательского пространства и смогли «ужиться» с революционной методологией. Бихевиоральный подход существенно расширил возможности по исследованию неформальной стороны функционирования институтов. И главное, подход позволил наглядно и подробно продемонстрировать процесс возникновения политических институтов. Благодаря поведенческому подходу очевидной стала не только историческая обусловленность

институтов, но и процесс их «созревания». В наиболее общем виде схема выглядит следующим образом:

1) у людей возникают потребности (состояние дискомфорта) и интересы (осознанные потребности) в сфере политики или в процессе соприкосновения с ней;

2) на основании потребностей и интересов люди начинают проявлять активность: политическое поведение и деятельность соответственно. Одни виды активности достигают целей, другие оказываются нерезультатными. Происходит своего рода «естественный отбор» наиболее эффективных типов политического участия;

3) вокруг наиболее эффективных стратегий начинают «скапливаться» люди, возникают объединения, союзы, группы давления и т. д.;

4) эти объединения начинают «обрастать» сначала неформальными, а затем и формализованными правилами политической игры: возникают политические организации, а впоследствии и институты;

5) и наконец, из совокупности институтов, взаимодействий между ними и поведения акторов складываются политические системы.

Таким образом, столь незначительные на первый взгляд феномены, как политические потребности и интересы отдельных индивидов, являются тем фундаментом, той почвой, на которой постепенно вырастают масштабные политические институты и системы. Именно от микрополитических объектов зависит в первую очередь, какой облик они приобретут на макроуровне.

Постепенно стал возникать компромисс между исследованиями микро- и макрополитики. Он заключался в признании важности и человеческого поведения, и институтов одновременно. И «правила игры», и то, как игроки понимают эти правила, интерпретируют их, ведут себя в соответствии или вопреки им, пытаются использовать их в своих интересах и т. д., одинаково важно и первостепенно для политического процесса. Другими словами, «новый взгляд» на институты заключался в понимании того, что они – не единственная сила, детерминирующая политику. Анализа норм и принципов без учета того, как они применяются конкретными акторами в конкретных условиях, оказалось недостаточно.

Попытки создания комплексного подхода (учитывающего ценностные и нормативные основы политики, макро- и микросубъектов, использующего количественные и качественные методы и т. д.) стали предприниматься в 1970-е гг. в рамках «нового» институционализма, который и сегодня остается одним из наиболее перспективных теоретических направлений в исследовании политики.

И вновь на помощь политологии пришла экономическая наука, в которой впервые были сформулированы исходные принципы неинституционального подхода. Вот некоторые из них. Во-первых, главную роль в экономике играет «экономический человек» (равно как «политический человек» в политике). Это означает, что потребитель, работник, предприниматель, производитель, инвестор и т. д., его интересы и поступки первостепенны. Во-вторых, важным принципом нового подхода стала идея социального конструктивизма, которая доказывает, что акторы, интересы, предпочтения являются социально «сконструированными», т. е. формируются внутри самого общества в процессе общественных отношений и эволюции. Интерес исследователей в рамках данного подхода сфокусирован преимущественно на неформальных институтах, складывающихся на основе системы ценностей, традиций, привычек и др., предписывающих определенные сценарии поведения в определенных ситуациях. Сценарии эти распространяются в ходе социальных практик и закрепляются в сознании большого количества людей, превращаясь, таким образом, в институты. В-третьих, развитие политэкономической теории общественного выбора, в рамках которой политика трактуется как «процесс обмена», особый тип рынка по аналогии с товарным. На этом рынке участники политических отношений меняют голоса избирателей на программы и обещания, посты на лояльность и свои профессиональные навыки, идеи на реальную власть и т. п. Институт государства – это арена конкуренции людей за влияние на принятие решений, доступ к распределению ресурсов, места во властной иерархии, извлечение выгоды, максимизацию прибыли и удовлетворение определенного рода потребностей и интересов. В-четвертых, широкое применение концепции трансакционных издержек, т. е. затрат, возникающих в процессе социального взаимодействия и сопровождающих их. Другими словами, это «цена» самих взаимодействий между субъектами социальных отношений. В политике трансакционные издержки часто связаны с типом политического режима (сравните, например, где «дешевле» заниматься оппозиционной деятельностью: при демократии, авторитаризме или тоталитаризме), а также со степенью и типом политической стабильностью (в ходе революционной ситуации риски участия в политике существенно возрастают, впрочем, растут и возможные выгоды).

Относительно интерпретации политических институтов в рамках «нового» институционализма обратимся к основоположникам подхода. В частности, лауреат Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт определяет понятие «институт» как «правила игры», организующие взаимоотношения между людьми и структурирующие

«стимулы обмена» в политической, экономической и социальной сферах общественной жизни. Он определяет институт как «набор правил, а также процедуру соответствия морального и этического поведения индивидов интересам максимизации их дохода» [Норт 1997, с. 7]. В политической сфере вместо доходов можно говорить об управленческих целях. Но куда важнее другое. Норт, помимо правил, включает в структуру института отношение человека к этим правилам. Причем отношение складывается из прагматической («максимизация дохода») и ценностной (мораль и этика) составляющих. Норт продолжает: «...институты – это разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (договоры и добровольно принятые кодексы и модели поведения) ограничения, а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие» [Норт 1997, с. 7]. Другими словами, институты существенно шире формальных норм и правил. Если законы могут быть приняты или изменены в течение короткого времени, то неформальные нормы меняются постепенно. Именно такие нормы создают легитимную основу для действия законов. Более того, именно из-за неформальных норм институты устойчивы и «долговечны», но в то же время и нединамичны. Вторит ему еще один из классиков неоинституционального подхода Нил Флигстин, для которого институты – это «правила и разделяемые участниками взаимодействия смыслы, подразумевающие, что люди знают об их существовании или что они могут быть осознаны» [Флигстин 2013, с. 63]. Наглядно продемонстрировать, как изменилась интерпретация политических институтов и расширилось число их признаков, можно при помощи определения, предложенного российским политологом, профессором Германом Дилигенским: политические институты – это «относительно устойчивые компоненты общественной жизни, включающие: 1) социально признанные нормативно-ценностные системы; 2) эталоны социального поведения; 3) формы организации социальных связей людей; 4) функциональные органы управления и регулирования, обеспечивающие кодификацию социальных норм и контроль за их соблюдением, формирующие общественные цели и потребности и организующие процесс их реализации» [Дилигенский 1997, с. 10].

Таким образом, политический институт – это правила, не только принятые ключевыми властными акторами, но и воспринятые субъектами политического процесса. Другими словами, внутри института присутствуют нормы установленные (официально или социально), усвоенные (понятые определенным образом) и освоженные (регулярно используемые в ходе социальных

взаимодействий). Это означает, что институты стали восприниматься как своего рода социальные «заменители инстинктов». Следовательно, неоинституциональный подход существенно расширил и дополнил представления о политических институтах. Во-первых, к предметам исследования добавился целый пласт неформальных институтов, которые классический институционализм игнорировал (поскольку не обладал соответствующей методологией). Во-вторых, стержнем институтов перестали считаться документы (законы, кодексы, уставы), а стало их закрепление в сознании людей. В-третьих, если ранее институты считались внешним (экзогенным) фактором, определяющим политические отношения (М. Вебер писал, что «насильственное введение определенного порядка может быть осуществлено органами института...»), то теперь благодаря идее социального конструктивизма институты стали внутренним (эндогенным) фактором, т. е. формирующимся самим обществом в процессе социальных отношений. В-четвертых, куда более глубоким стало понимание общественного значения институтов. Если в первой половине XX в. главной их функцией считалось применение санкций (за нарушение правил) и удовлетворение интересов доминирующих субъектов политики, то теперь зафиксирована их ключевая социальная роль – снижение неопределенности и повышение устойчивости и эффективности политического процесса. И, в-пятых, институционалисты рассматривали правила и нормы, лежащие в основе институтов, союзы, образованные благодаря этим правилам и их институционализации, без учета внутренних особенностей людей, составлявших эти союзы. Их личностные и психологические черты, ценностные ориентации и установки не учитывались в качестве сколь-нибудь значимых факторов в процессе становления и функционирования институтов, а сами институты мало влияли на структурные элементы личности их членов. Теперь неоинституционалисты отметили, обосновали и стали исследовать взаимообусловленность и взаимозависимость микро- и макроуровня политики внутри институтов и в процессе их функционирования.

На наш взгляд, будет уместна следующая аналогия: классический институционализм рассматривал институты как задокументированный свод правил и санкций за их нарушение, своего рода кодекс; тогда как новый институционализм воспринимает институты как результат «прочтения» этого кодекса конкретными социальными субъектами, его закрепления в сознании и регулярного применения на практике. Ясно, что в случае с неформальными институтами задокументированных кодексов вообще не требуется, а институты сразу вызревают в сознании людей.

Подытоживая и обобщая вышеизложенное, можно выделить несколько основных этапов в процессе эволюции представлений о социальных и политических институтах и трансформации интерпретаций данной категории.

Первый этап – формально-юридический (I–III вв.) – связан с деятельностью основоположников римского права. Институты трактовались довольно строго и узко как комплексы правовых норм (установления), регулирующие определенные правоотношения. Таким образом, они имели юридическую природу, являлись частью позитивного права и существовали строго в задокументированной форме.

Второму – теологическому этапу (IV–XIV вв.) – в статье мы особого внимания не уделяли. Однако ради исторической справедливости упомянуть его необходимо. На данном этапе термин «институт» практически не использовался. Однако в представлениях (которые были характерны не только для европейской патристики и схоластики, но и для исламской теософии) о строгих и незыблемых установлениях свыше, регламентирующих общественные и политические отношения, можно при желании разглядеть институциональный аспект. На данном этапе институты не выделялись как отдельный социальный феномен, имели божественную природу, обладали внешним по отношению к социуму происхождением и функциями и носили характер строгих требований.

Третий этап – философско-идеалистический (XVII–XIX вв.) – существенно расширил «зону действия» институтов. Просветители, мыслители эпохи Нового времени вернулись к использованию данной категории, продолжали воспринимать их как правила, но правила далеко простирающиеся за пределы юридических норм. Стало отмечаться влияние институтов на общество, государство, политику и даже культуру. При этом зачастую влияние это носило экзогенный, детерминирующий и идеалистический характер (представлялось, что следование этим правилам гарантировало наилучшее устройство социальной жизни). Институты оставались интегративной категорией, поскольку их типологизации внимания фактически не уделялось.

С четвертого этапа, который можно было бы назвать классическим или нормативно-правовым (1900-е – 1930-е гг.), начинается осмысление институтов в рамках институционального подхода. Институты стали классифицироваться и дифференцироваться (по сферам общественной жизни, происхождению, целям и т. п.) С одной стороны, вновь повысилось внимание исследователей к правовой и формальной стороне вопроса, с другой – стали учитываться историческая обусловленность, обычаи и традиции,

социокультурный контекст. Роль политических институтов состояла в насаждении разумных правил государственного и общественного управления, их формализации и предании им публичного характера, создании на их основе структур и организаций и наложении санкций за их несоблюдение.

Пятый этап – структурно-функциональный (1930-е – 1960-е гг.) – связан с доминированием системных теорий в политологии. Приоритетное внимание стало уделяться внутреннему строению институтов и их месту в политической иерархии, эффективности их деятельности, роли в управленческом процессе, соотношению функций и дисфункций (и причинам их возникновения). Классики системного подхода и структурного функционализма обогатили представления об институтах идеями о роли политической культуры и коммуникаций в процессе их становления и функционирования, о наличии формальных и неформальных оснований деятельности и т. д.

Шестому этапу – бихевиоралистскому (1950-е – 1970-е гг.) – соответствует представление о периферийной роли политических институтов. «Поведенческая революция» перенесла предмет исследования на микроуровень политики. Тем не менее институционалисты получили представления о том, как формируются институты (из человеческих потребностей и интересов). Стало понятно, что поведенческие, эмоциональные и психологические факторы нельзя не учитывать даже при анализе макрополитических объектов. Окончательно закрепилось представление об эндогенной (по отношению к социуму) природе институтов.

На современном – неoinституциональном – этапе (с 1980-х гг.) сформировался обновленный взгляд на политические институты. Он связан с необходимостью учитывать рациональные и эмоциональные условия; формальные и неформальные правила; макро- и микрополитические факторы; нормативные, когнитивные, ценностные и деятельностные аспекты функционирования институтов и др. Сегодня институты воспринимаются как эндогенные образования, определяющие сущность социального взаимодействия, результат преломления в сознании людей и применения на практике норм различной природы. Внутри каждого политического института можно выделить как минимум нормативную, структурно-функциональную и политико-культурную подсистемы.

Таким образом, история эволюции представлений о политических институтах и интерпретаций данного понятия чрезвычайно многогранна, местами противоречива и охватывает пару тысячелетий. Термином «институт» (или «институция») пользовались многие философы и обществоведы, не всегда четко и однозначно

поясняя, что именно они в него вкладывают. С обособлением социально-гуманитарного знания в XIX–XX вв. это понятие стало предметом научного анализа и осмысления. Но даже сегодня возникают проблемы с терминологической определенностью данной категории. Сейчас неоинституциональный подход является одним из базовых в политической науке. Сегодня ни одно комплексное политологическое исследование не может обойтись без применения его положений. Именно в рамках «нового» институционализма стоит искать отвечающую требованиям времени интерпретацию политических институтов. В заключение предложим определение, соответствующее, на наш взгляд, базовым принципам современного состояния институциональной политологии: политический институт – это совокупность социально сконструированных, усвоенных и освоенных, устойчивых норм, правил и принципов (как формальных, так и неформальных), на основании которых осуществляется публичная власть, функционируют и реализуют свои цели ключевые субъекты управленческого процесса.

Литература

- Дилигенский 1997 – *Дилигенский Г.* Политическая институционализация в России: социально-культурные и психологические аспекты // *Мировая экономика и международные отношения.* 1997. № 7. С. 5–12.
- Иванова 2019 – *Иванова Л.А.* Особенности институционализации политической элиты // *Социология.* 2019. № 4. С. 257–265.
- Норт 1997 – *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // *Вопросы экономики.* 1997. № 3. С. 6–12.
- Флигстин 2013 – *Флигстин Н.* Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века / Пер. с англ. А.А. Куракина; под науч. ред. В.В. Радаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2013. 392 с.

References

- Dilignskii, G. (1997), “Political institutionalization in Russia: socio-cultural and psychological aspects”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 7, pp. 5–12.
- Fligstein, N. (2013), *Arkhitektura rynkov: ekonomicheskaya sociologiya kapitalisticheskikh obshchestv XXI veka* [The Architecture of Markets. The Economic Sociology of 21st-Century Capitalist Societies], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.

Ivanova, L.A. (2019), "Features of the institutionalization of the political elite", *Sociologiya*, no. 4, pp. 257–265.

North, D. (1997), "Institutional changes: the framework of analysis", *Voprosy ekonomiki*, no. 3, pp. 6–12.

Информация об авторе

Александр В. Жабров, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zhabrov.a@rggu.ru

Information about the author

Alexander V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zhabrov.a@rggu.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327(540)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-46-59

African vector in India's foreign policy strategy in the 21st century (political and economic aspects)

Nikolay A. Medushevsky

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, lucky5659@yandex.ru*

Liudmila A. Pechishcheva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, mayflower-85@inbox.ru*

Alisa R. Shishkina

*Higher School of Economics,
Moscow, Russia, alias.shishkina@gmail.com*

Abstract. The research article is concerned with the mechanisms of cooperation between India and African countries in the latest historical period. The international support that India has provided to many African countries over the decades underscores the political commitment of the Indian leadership to speak on behalf of the nations of the global South. The government of Narendra Modi focuses on the common historical struggle of Indians and Africans against the colonial powers, as on the importance of developing cooperation in the politics, economy, energy, education, culture and humanitarian issues. The parties are interested in developing new approaches to environmental protection, and closely cooperate within the framework of the UN mechanism for sustainable development, actively participating in the formation and discussion of the climate agenda. Three successful Africa-India summits (in 2008, 2011 and 2015) showed a common interest in expanding the nature and areas of interaction. Moreover, India, experiencing an acute need for primary energy resources and minerals, sees in Africa not only a potential supplier of those resources, but also a capacious market for its products. In pursuit of all the interests mentioned, India, on the way of cooperation with African countries, often encounters the unpreparedness of African colleagues for direct dialogue,

---

© Медушевский Н.А., Печищева Л.А., Шишкина А.Р., 2022

as well as opposition from other major players operating in the region. Among them, the UK and China play a key role. The authors come to the conclusion that at present India has a clear and comprehensive strategy for promoting its interests in Africa and considers the continent as a strategic one. At the same time, a large number of the variables associated with a specific process of interaction and regional development remain in the system of cooperation between India and African countries.

Keywords: India, Africa, Africa-India summits, economics and politics, regional confrontation

For citation: Medushevsky, N.A., Pechishcheva, L.A. and Shishkina, A.R. (2022), "African vector in India's foreign policy strategy in the 21st century (political and economic aspects)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations"*. Series, no. 3, pp. 46–59, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-46-59

Африканский вектор в индийской внешнеполитической стратегии в XXI в. (политический и экономический аспекты)

Николай А. Медушевский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lucky5659@yandex.ru*

Людмила А. Печищева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mayflower-85@inbox.ru*

Алиса Р. Шишкина

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия, alias.shishkina@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена механизмам сотрудничества Индии и стран Африканского континента в новейший исторический период. Международная поддержка, которую Индия оказывает многим странам Африки на протяжении десятилетий, подчеркивает политическое стремление индийского руководства выступать от имени государств глобального Юга. Правительство Нарендры Моды акцентирует внимание на общей исторической борьбе индийцев и африканцев против колониальных держав, а также на важности развития сотрудничества в области политики, экономики, энергетики, образования, культуры и гуманитарных проблем. Стороны заинтересованы в разработке

новых подходов к защите окружающей среды и тесно сотрудничают в рамках механизма ООН по устойчивому развитию, активно участвуя в формировании и обсуждении климатической повестки. Три успешно проведенных саммита Африка–Индия (в 2008, 2011, 2015 гг.) показали общую заинтересованность в расширении характера и направлений сотрудничества. Более того, Индия, испытывающая острую потребность в первичных энергоресурсах и минералах, видит в Африке не только потенциального поставщика этих ресурсов, но и емкий рынок сбыта своей продукции. В достижении всех перечисленных задач Индия на пути сотрудничества с африканскими странами часто сталкивается с неготовностью африканских коллег к прямому диалогу, а также с противодействием других крупных игроков, действующих в регионе. В их числе ключевую роль играют Великобритания и Китай. Авторы приходят к выводу, что в настоящее время Индия имеет четкую и всеобъемлющую стратегию продвижения своих интересов в Африке и рассматривает континент как стратегический. В то же время в системе сотрудничества Индии и африканских стран сохраняется большое количество переменных, связанных с конкретным процессом взаимодействия и регионального развития.

Ключевые слова: Индия, Африка, саммиты Африка–Индия, экономика и политика, региональная конфронтация

Для цитирования: Медушевский Н.А., Печищева Л.А., Шишкина А.Р. Африканский вектор в индийской внешнеполитической стратегии в XXI в. (политический и экономический аспекты) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 46–59. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-46-59

Introduction

The article's object is the mechanisms of cooperation between India and the African countries. Although the article focuses on the period from 2008 (the first India-Africa Summit) to the present. The authors pay attention to the background that goes back to the period of independence of African countries in the 1960s.

Nevertheless, 2008 is still a defining stage, as it enables to talk about a comprehensive and coordinated Indian policy towards the African continent, where India has to enter into an economic and political confrontation with its main global antagonist China. At the beginning of the 2000s India was also aimed to establish control over key sources of minerals, including hydrocarbons, in Africa. It was from this moment that African issues turned into one of the stable vectors

of state policy and appeared as a complex sphere of India's activities in the international arena.

Comparing India's positions with those of other leading regional actors, it should be noted its relative weakness associated with the fact that, first of all, India has never been a colonial power. Secondly, with the fact that its "pivot to Africa" occurred relatively late, when the majority of African states had already found foreign priority partners for themselves. The third disadvantage is the investment potential of India, which can hardly be compared to the similar potential of China, that operates in parallel.

Nevertheless, India in many African countries also has a specific priority associated with the existence of historical and modern Indian diasporas there, which often act as a conductor of the economic interests of their homeland. That is why, within the framework of this article, we will pay a great attention to the diaspora aspect.

Another indirect factor contributing to the strengthening of India's position in certain African countries is English, which, under the influence of colonialism, became India's official language and is also widespread in many African countries, that helps to overcome the communication barrier.

In this regard, diaspora and linguistic factors have a great impact on the establishment of the so-called soft ties between the two sides, which find their expression in a fairly broad educational and cultural exchange, making India a country of attraction.

As a result, the relevance of the topic under analysis brings up an association with the processes of a wide geopolitical confrontation on the African continent. So, the opponents in this confrontation are not always the objective geopolitical counterparties of India, for example, China. Rather, the matter concerns the struggle for markets, mining and production facilities, mostly large nationally oriented corporations, and in this process, India has made significant progress in recent years.

India-Africa political cooperation

The African continent has traditionally played an important role in India's foreign policy. The Indian government has supported anti-colonial liberation movements in African countries and worked closely with them through the Non-Aligned Movement and the Group of 77, the largest intergovernmental organization of developing countries under the UN. In 1955, African states clearly declared themselves at the Afro-Asian Summit held in Bandung (Indonesia), this meeting contributed to their subsequent participation in the Non-Aligned Movement,

initiated by India's leader Jawaharlal Nehru, President of Yugoslavia Josip Broz Tito and President of Egypt Gamal Abdel Nasser in 1961¹.

Without the active participation of independent African countries, the developing world represented by the Non-Aligned Movement, would never have become a major player in the modern system of international relations, into which it had already begun to transform in the 1960s and 1970s. The importance of the Non-Aligned Movement lies in providing a powerful balance between East and West, ideologically divided into opposing camps.

In addition, India is expanding the Quartet, which has been renewed since 2017: cooperation with the United States, Japan and Australia. In 2017, India and Japan established the Asia-Africa Growth Corridor (AAGC)² connecting South Asia and the East with the African continent through the Indo-Pacific region to promote joint infrastructure projects in the Indian Ocean bordering countries and Africa to oppose China's Belt and Road Initiative as well as to reduce China's influence in the region.

Official meetings between the leaders of the African countries and India are playing a significant role today in building a new world order. The summits were supposed to be held every three years, alternately in India and Africa. At the first Africa-India summit, held in New Delhi in April 2008, with representatives from 14 African states, projects were agreed on nine key areas of cooperation. In addition, India approved new loans worth \$ 5.4 billion and eased tariff restrictions on the least developed countries in Africa to stimulate trade [Taylor 2012, p. 785]. At the second Africa-India Summit, with the participation of 15 African countries, held in May 2011 in Addis Ababa, Ethiopia, the Indian government provided \$ 5 billion in new loans, including US 700 million to create new institutions and educational projects in Africa³. Indian authorities have also awarded 400 new scholarships for African students and 500 additional study places through the Indian Technical and Economic Cooperation (ITEC) program [Taylor 2012, p. 788]. In 2014,

---

¹ *Shyam Saran*. India-Africa Cooperation on Global Issues // Ministry of External Affairs. Government of India. 2015. October 23. URL: <https://www.mea.gov.in/in-focus-article.htm?25957/IndiaAfrica+Cooperation+on+Global+Issues> (дата обращения 2 января 2022).

² *Кистанов В.О.* Япония и Индия создают альянс с оглядкой на Китай // Независимая газета. 2017. 2 окт. URL: https://www.ng.ru/courier/2017-10-02/9_7085_japan.html (дата обращения 24 января 2022).

³ Second India-Africa Forum Summit 2011 (IAFS-II). Plan of Action // The Embassy of India in Addis Ababa. 2011. May. URL: <https://eoiaddisababa.gov.in/plan-action/> (дата обращения 16 января 2022).

due to the Ebola outbreak, the third summit between India and African countries was postponed. The third Africa-India Summit was held in New Delhi in October 2015 with representatives from more than 40 African states, which was a political success for the Indian government. Issues of security and the fight against terrorism became an important item on the expanded agenda of the summit. The summit also discussed the provision of loans and projects to provide assistance for the development of the African continent.

Based on the common colonial experiences of India and Africa, the Indian government worked closely with African states through the newly created international institutions. India initially considered itself a representative of these developing countries and promoted closer South-South cooperation. India has been supported by many African states in forums such as the Group of 77 at the UN and in the Non-Aligned Movement. From the outset, India also worked closely with the Organization of African Unity (OAU), founded in 1963⁴.

Since Prime Minister Narendra Modi took office in 2014, at least one Indian minister has visited every African country⁵. The Prime minister himself made official visits to several African countries, including attending the summit of the BRICS states (Brazil, Russia, India, China, South Africa) in South Africa in the summer of 2018⁶. The Indian government was gradually expanding its political presence in Africa. Thus, at the beginning of 2018, 29 Indian embassies were opened in African countries. To confirm the importance of the African continent for India's foreign policy, the government headed by N. Modi launched 18 new embassies by 2021. The embassies and consular services were aimed not only at expanding economic relations, but also at further strengthening ties with the Indian diaspora in Africa⁷. The importance

---

⁴ *Shubin V.* United Africa? // RIAC. 2014. July 8. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/edinaya-afrika/> (дата обращения 26 января 2022).

⁵ *Venkatraman J.* Modi or Manmohan. Who had the most number of foreign tours? // The Hindu. 2018. July 22. URL: <https://www.thehindu.com/data/modi-vs-manmohan-who-had-the-most-number-of-foreign-tours/article19199518.ece> (дата обращения 23 января 2022).

⁶ *Schwikowski M.* South Africa prepares for BRICS summit // Deutsche Welle. 2018. July 24. URL: <https://www.dw.com/en/south-africa-prepares-for-brics-summit/a-44800626> (дата обращения 12 января 2022).

⁷ India to open 18 new missions in Africa, including four this fiscal year // The Hindustan Times. 2019. 06 July. URL: <https://www.hindustantimes.com/budget/india-to-open-18-new-missions-in-africa-including-four-this-fiscal-year/story-7wJSlTo6ImVJdlk5vVkrPI.html> (дата обращения 16 января 2022).

of the African continent to India is today confirmed by the “10 Guiding Principles for India-Africa Engagement”, which were announced by N. Modi in July 2018 during his speech before the Ugandan Parliament. The Indian prime minister said: «Africa will be in the first place among our priorities»⁸. This thesis clearly cannot be considered unfounded, which is already indicated by the development of economic cooperation between India and African countries.

Economic relations between India and African countries

From an economic point of view, the African continent was not of particular interest to India for a long time. First, the economic policy of most African states was aimed primarily at the domestic market. Secondly, European politicians had a great influence on the foreign policy of African countries. China only in the early 2000s gradually began to intensify in Africa, invest in its economy, industry and infrastructure. Third, after the collapse of the USSR, Russia-India political, military and economic cooperation stagnated, what was causing the rapprochement of India with the United States and Asia-Pacific region. Fourth, thanks to the liberal economic reforms of the 1990s in India, as well as the rapid population growth and the need for oil and gas supplies, the Indian government began to announce large joint projects with African states. Fifth, it is impossible to discount the impact of projects between China and Africa within the framework of China's Belt and Road Initiative, which is helping to advance China in the region. India, seeking to counteract the growing influence of China in the Indo-Pacific region, that covers the Indian Ocean and East Africa, has become more actively involved in the politics of the African continent: from three Africa-India summits, N. Modi's official visits to South Africa, Kenya to the reform of the UN Security Council at the expense of large African states.

Until 1991, India pursued an economic policy of import substitution. Therefore, economic issues initially played an insignificant role in cooperation with the countries of the African continent. However, a considerable instrument of Indian foreign policy was South-South interaction within the framework of the Indian Technical and Economic Cooperation (ITEC) program, which was launched in 1964 and

---

⁸ *Schwikowski M.* India makes a comeback in Africa // Deutsche Welle. 2019. December 6. URL: <https://www.dw.com/en/india-makes-a-comeback-in-africa/a-51557458> (дата обращения 12 января 2022).

included many representatives of African states [Галищева 2011, с. 97]. It should be mentioned that «increasing dependence on the global economic environment has forced governments to pursue a policy of reducing transaction costs aimed at building trust from transnational commodity and financial markets» [Чепель 2018, с. 30].

In 2002, the state-owned Export-Import Bank of India (EXIM) announced the Focus Africa program to expand economic relations with individual states in the region. The initial focus was on Ethiopia, Kenya and Mauritius. Subsequently, Nigeria, South Africa, Tanzania and Ghana joined this program. Lending to these countries has been expanded to support their imports of goods and services from India. In 2004, India along with eight West African states launched the so-called TEAM-9 (Techno-Economic Approach to the Africa-India Movement) initiative, which was also aimed at expanding economic relations. Through this initiative, India wanted to take part in the development of oil reserves in the Gulf of Guinea (Equatorial Guinea was of particular importance at the time)⁹. During the 2008 first summit, India cut tariffs for African least developed countries. Such initiatives have contributed to a substantial expansion of trade between India and the African continent. Trade between India and Africa increased from US \$ 5.3 billion in 2001 to US \$ 70 billion in 2013. At the World Economic Forum in Delhi in 2014, trade was announced to reach 500 billion USD by 2020. In addition to expanding trade, the Indian government is promoting private investors and seeking to diversify trade¹⁰. The Confederation of Indian Industries (CII), for example, has organized nine Indian-African meetings for its member companies.

However, in the period from 2015 to 2016, an economic downturn between India and African states broke out. The main reason for this was the rise in oil and raw material prices. India's trade was currently focused on only a few states and a specific range of products. Six African states (Nigeria, South Africa, Angola, Egypt, Morocco and Algeria) account for 89% of India's exports. The focus was on energy and raw materials (oil, gas, ore and gold). Oil and gas exports alone accounted for 2/3 of African exports to India. The African continent has become an important energy supplier

---

⁹ On TEAM-9 Meeting in New Delhi // Ministry of External Affairs. Government of India. 2014. March 01. URL: <https://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?3446/On+TEAM9+Meeting+in+New+Delhi> (дата обращения 24 января 2022).

¹⁰ *Shruti Gakhar, Subir Gokarn*. India-Africa trade and investment. A back-drop // Brookings. 2015. URL: <https://www.brookings.edu/research/india-africa-trade-and-investments-backdrop/> (дата обращения 24 января 2022).

for India (24%)¹¹. The most important sectors for Indian companies in Africa were agriculture, pharmaceuticals, information technology, finance, textiles, energy and the automobile industry. In addition, Indian business was active on the African continent, so all major international Indian companies (ArcelorMittal, Vedanta Resources, Tata Group and Airtel) were represented in Africa [Taylor 2012, p. 780].

India is also actively involved in the development of infrastructure projects in Africa. India first opened a technical college in Nairobi in 1956. Indian companies laid a pipeline from Khartoum to Port Sudan in 2009; Indian business (like Airtel) is attracting African countries with electronic payment systems in rural areas. Specifically, the Tata Group operates a coffee processing plant in Uganda and a vehicle manufacturing plant in Zambia, thereby helping these states diversify their exports. Indian pharmaceutical companies (for example, Ranbaxy) have expanded their production in Africa [Taylor 2012, p. 790].

India, investing in African nations, has provided over US \$ 1 billion to technical assistance and staff training through the Indian Technical and Economic Cooperation (ITEC) program. Through the African Capacity Building Fund (ACBF), of which India is a member, the Indian government has pledged \$ 1 million for projects on sustainable development, poverty reduction and key social programs in Africa. Thus, India, drawing on its IT expertise, has invested US \$ 100 million in the Pan-African Electronic Network to bridge the digital divide in Africa¹².

Discussion. The role of counterparties in India-Africa cooperation

When the matter concerns the fact that at the beginning of the 21st century, and especially since 2014, India turned to Africa and actively started developing political and economic cooperation, as well as dialogue with national diaspora in African countries, it should not be lost sight of the objective reasons for which it happened.

---

¹¹ Mishra A. The African Continental Free Trade Area and Its Implications for India-Africa Trade // WITA. 2018. URL: <https://www.wita.org/atp-research/the-african-continental-free-trade-area-and-its-implications-for-india-africa-trade/> (дата обращения 25 января 2022).

¹² Pant H.V. Modi's African Outreach Picks Up in Rwanda, Uganda, and South Africa // The Diplomat. 2018. July 24. URL: <https://thediplomat.com/2018/07/modis-african-outreach-picks-up-in-rwanda-uganda-and-south-africa/> (дата обращения 16 января 2022).

We tend to consider the geopolitical strengthening of China and its desire to cover Eurasia and Africa with a system of transit routes, the most famous of which is Belt and Road Initiative¹³. It involves the creation of three trans-Eurasian economic corridors: Northern route (China – Central Asia – Russia – Europe), Central one (China – Central and Western Asia – the Persian Gulf and the Mediterranean Sea) and Southern corridor (China – Southeast Asia – South Asia – the Indian Ocean).

China is also working on the creation of a project «The 21st Century Maritime Silk Road»¹⁴, which involves the provision of a transit route along two paths: through the South China Sea to the South Pacific region and from China and Europe through the South China Sea and the Indian Ocean.

India does not de jure support any of these projects, since each of them, as well as them taken together, are capable of isolating Indian trade and subordinating it to Chinese interests. In this regard, the struggle between China and India for partners in the Indian Ocean basin, including on the African continent, is becoming actual. Note that China has already signed agreements with 37 African countries, including Algeria, Angola, Burundi, Gabon, Gambia, Ghana, Guinea, Djibouti, Egypt, Zambia, Zimbabwe, Cape Verde, Cameroon, Kenya, Republic of Congo, Ivory Coast, Libya, Mauritania, Madagascar, Morocco, Mozambique, Namibia, Nigeria, Rwanda, Seychelles, Senegal, Somalia, Sudan, Sierra Leone, Tanzania, Togo, Tunisia, Uganda, Chad, Ethiopia, South Africa, South Sudan¹⁵. This list does not include just a few states, some of which are closely associated with India, but have a weak political significance, such as Mauritius.

At the same time, China is also strengthening its military infrastructure. An example is the naval base in Djibouti, where 12,000 Chinese

---

¹³ 习近平在上合组织峰会发表讲话 传承丝路精神共创美好明天 [Towards a community of common destiny and a new future for Asia. Keynote speech by Chinese president Xi Jinping] // China Daily. 2013. September 14. URL: http://www.chinadaily.com.cn/hqgj/2013xjpcfzy/2013-09/14/content_16969745.htm (дата обращения 16 января 2022).

¹⁴ 推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动》全 [Vision and actions on jointly building Silk Road Economic Belt and 21st century Maritime Silk Road] // China.org.cn. 2015. September 15. URL: http://www.china.org.cn/chinese/2015-09/15/content_36591064.htm (дата обращения 16 января 2022).

¹⁵ Overseas Citizenship of India Scheme // Ministry of External Affairs, India. URL: <https://www.mea.gov.in/overseas-citizenship-of-india-scheme.htm> (дата обращения 24 января 2022).

troops are based¹⁶. By the way, China offers African partner countries large financial investments as well as flexible and comprehensive forms of cooperation, including loans, infrastructure construction, personnel training, etc.

In response to these actions, India is offering Africa its own project called the Asia-Africa Growth Corridor (AAGR), that is being implemented jointly with Japan, China's antagonist. AAGR will prioritize development projects in health and pharmaceuticals, agriculture and agro-processing, disaster management and skills development. According to Japan's authorities, Japan is about to support and finance projects, even if they are carried out in Africa by Indian companies that work in cooperation with Japanese companies¹⁷.

In addition to cooperation with Japan within the framework of AAGR, India since the 1990s is developing its strategy for the India-Pacific region. Its key element is infrastructure development in South, Southeast and East Africa. It is planned to build up joint work with Japan and the United States in India's neighboring countries, including Bangladesh, Myanmar, Thailand, Kenya (joint development of the port of Mombasa), as well as in the Indian northeastern states.

At the end of the 1990s, India has begun active strategic interaction with the states at the extreme poles of this arc: Oman¹⁸ and the Philippines¹⁹. This was facilitated by the Indian Ocean Rim Association (IORA) established in 1995, the goal of which was to unite the countries of the Indian Ocean basin into a partnership union, with the invitation of individual states of the Southwest Pacific²⁰ to it in order to

---

¹⁶ Chinese navy an indispensable force to maintain world peace // Xinhua. 2019. April 23. URL: http://www.china.org.cn/china/2019-04/23/content_74711071.htm (дата обращения 16 января 2022).

¹⁷ Asia-Africa growth corridor launched // The Times of India. 2017. 25 May. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/ahmedabad/asia-africa-growth-corridor-launched/articleshow/58830900.cms> (дата обращения 16 января 2022).

¹⁸ India-Oman Relations // The Government of India. 2017. November. URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/26_Oman_November_2017.pdf (дата обращения 16 января 2022).

¹⁹ *Cabalza Ch.* The Philippines' Strategic Relationship With India // The Diplomat. 2018. January 27, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/the-philippines-strategic-relationship-with-india/> (дата обращения 16 января 2022).

²⁰ *Ayres A.* The U.S. Indo-Pacific Strategy Needs More Indian Ocean // Council on Foreign Relations. 2019. January 22. URL: <https://www.cfr.org/expert-brief/us-indo-pacific-strategy-needs-more-indian-ocean> (дата обращения 16 января 2022).

limit the political, economic and military influence of countries located outside the region and do not share the common political and economic interests of regional players.

In this context, access to the African continent becomes a logical step to strengthen this regional bloc, which, nevertheless, remains unstable, since it exists in a system of conflicting interests of its member states. Thus, today only India-Japan relations can be regarded stable and effective. All other states in the region are adapting to a wider palette of global challenges and maneuvering between the interests of global powers: China, the United States and Russia, which makes it impossible to speak about regional stability in the Indian Ocean and the strength of Indo-African interaction. So, numerous Indian diaspora in African countries gives Delhi additional confidence in promotion of India's regional policy on the continent.

Conclusion

According to Indian authorities, India's partnership with Africa is a set of development priorities in line with the African Union's long-term plan, NEPAD (New Partnership for Africa's Development) and Agenda 2063 [Брагина 2018, с. 183]. The sense of solidarity and mutual trust that was born during the Cold War continues to reinforce the interaction between India and Africa, allowing states to expand and enrich their cooperation at the regional and global levels in a wide range of economic, political and cultural directions.

This interaction and its expansion are facilitated by the mutual interests of the parties. Investments and infrastructure projects are of primary interest for African countries. For India, African resources act as an incentive for cooperation, among which priority is given to hydrocarbons, gold and diamonds. In addition, African countries represent a gigantic market for Indian goods that may well compete with their Chinese counterparts.

In this regard, for India, the confrontation with the Chinese influence, which in Africa has a stronger position and is widespread, is becoming actual. And the way to counteract this influence is, firstly, dialogue with national diasporas, which can become the indicators of Indian interests in individual African countries, and secondly, cooperation with global opponents of China, one of the key ones among which is Japan.

Thus, it can be mentioned that today India has a fairly clear and comprehensive strategy for promoting its interests in Africa that is regarded as a strategic partner. At the same time, a large number

of variables associated with a specific process of cooperation and regional development remain in the system of interaction between India and African countries. In this regard, in order to achieve objective success in Africa, for India, in the coming years, it is necessary to multiply the intensity of diplomatic and economic influence on counterparties, which in the context of global crisis phenomena seems to be a rather difficult and ambitious task.

Литература

- Брагина 2018 – *Брагина Е.А.* Индия – Африка: торговля и инвестиции в XXI веке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 182–199.
- Галищева 2011 – *Галищева Н.В.* Современная внешнеэкономическая стратегия Индии: сотрудничество «Юг – Юг» // Вестн. МГИМО Ун-та. № 5 (20). 2011. С. 96–106.
- Чепель 2018 – *Чепель С.Л.* «Новые демократии» в условиях экономической глобализации: проблемы и перспективы развития // Вестн. РГГУ. Сер. «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 21–38.
- Taylor 2012 – *Taylor I.* India's rise in Africa // *International Affairs*. Vol. 88. No. 4. 2012. P. 779–798.

References

- Bragina, E.A. (2018), "India-Africa. Trade and investments in the 21st century", *Outlines of Global Transformations. Politics. Economics. Law*, vol. 11, no 5, pp. 182–199.
- Chepel, S.L. (2018), " 'New democracies' under conditions of economic globalization. Issues and perspectives of development", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, no. 2, pp. 21–38.
- Galishcheva, N.V. (2011), "Contemporary foreign economic India's strategy. Cooperation 'South – South' ", *MGIMO (University) Bulletin*, vol. 20, no. 5, pp. 96–106.
- Taylor, I. (2012), "India's rise in Africa", *International Affairs*, vol. 88, no. 4, pp. 779–798.

Information about the authors

Nikolay A. Medushevskiy, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lucky5659@yandex.ru

Liudmila A. Pechishcheva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; mayflower-85@inbox.ru

Alisa R. Shishkina, Cand. of Sci. (Political Science), HSE University, Moscow, Russia; bld. 3, Krivokolenny Line, Moscow, Russia, 101000; alias. shishkina@gmail.com

Информация об авторах

Николай А. Медушевский, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lucky5659@yandex.ru

Людмила А. Печищева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mayflower-85@inbox.ru

Алиса Р. Шижкина, кандидат политических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, Кривоколенный переулок, д. 3; alias. shishkina@gmail.com

Экс-президенты государств постсоветского пространства: правовой статус и политическая практика

Николай А. Борисов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nborisov@rggu.ru*

Аннотация. Несмотря на обширную политическую и правовую практику регулирования статуса президента, прекратившего исполнение свои обязанностей, этот институт по-прежнему остается недостаточно изученным. В статье на основе авторской методики решается задача соотношения формального статуса и неформального влияния экс-президентов государств постсоветского пространства, выделяются модели экс-президентства. Рассматриваются 33 случая экс-президентства в 12 постсоветских государствах в период с 1992 по 2022 гг., по каждому случаю дается количественная оценка по двум критериям (уровень институционализации и уровень субъектности).

Автор приходит к выводу о том, что из 33 случаев только 30% характеризуются сохранением экс-президента в политике, причем из них только в четырех случаях это сохранение не вело к политическим преследованиям бывшего президента. Правовые гарантии сохранения высокой роли экс-президента в политическом процессе не ведут к защищенности экс-президента на практике, поскольку в результате изменения соотношения сил внутри элиты они могут быть пересмотрены или отменены новым президентом. При этом степень конкурентности политического режима также не влияет на защищенность экс-президента от преследования. Слабое законодательное регулирование статуса экс-президента или его отсутствие в конкурентных политических режимах не исключает, что президенты, чей срок полномочий подходит к концу, попытаются продлить их иными способами. В настоящее время только в России и Туркменистане элиты смогли обеспечить сохранение экс-президентов в политическом процессе, не подвергая их при этом преследованиям. Во всех остальных государствах опыт экс-президентства либо еще отсутствует, либо является крайне негативным, связанным с преследованием бывших лидеров по политическим мотивам. Это вызвано тем, что в большинстве государств постсоветского пространства независимо от типа политического режима, так и не появилось устойчивых институциональных практик политической

конкуренции, диалога с оппонентами и гарантий деятельности бывших президентов.

Ключевые слова: постсоветское пространство, экс-президент, статус президента, прекращение полномочий, политические гарантии, политический процесс

Для цитирования: Борисов Н.А. Экс-президенты государств постсоветского пространства: правовой статус и политическая практика // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 60–92. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-60-92

Ex-presidents of the post-Soviet states. Legal status and political practice

Nikolai A. Borisov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, nborisov@rggu.ru*

Abstract. Despite the extensive political and legal practice of regulating the status of a president who has ceased to perform his duties, that institution still remains insufficiently studied. On the basis of the author's methodology the article solves the problem of the correlation between the formal status and informal influence of post-Soviet ex-presidents, and identifies ex-presidency models. It considers 33 ex-presidency cases in 12 post-Soviet states in the period from 1992 to 2022 and gives a quantitative assessment for each case according to two criteria (the level of institutionalization and the level of subjectivity).

The author comes to the conclusion that out of 33 cases, only 30% are characterized by staying of the ex-president in politics, and of these, only in four cases, that staying did not lead to political persecution of the former president. Legal guarantees of maintaining the ex-president's high role in the political process in practice do not guarantee the ex-president's safety, since as a result of a change in the balance of power within the elite; they may be revised or canceled by the new president. At the same time, the degree of political regime competitiveness also does not affect the ex-president's protection from prosecution. Weak legislative regulation of the ex-president's status or its absence in competitive political regimes does not exclude that presidents whose term of office is coming to an end will try to extend them in other ways. Currently, only in Russia and Turkmenistan elites have been able to ensure staying of ex-presidents in the political process without subjecting them to persecution. In all other states, the ex-presidency experience is either still absent or has an extremely negative character associated with the persecution of former leaders

for political reasons. That is due to the fact that in most post-Soviet states, irrespective to the type of political regime, stable institutional practices of political competition, dialogue with opponents and guarantees of former presidents activities have not appeared.

Keywords: post-Soviet space, ex-president, status of president, termination of powers, political guarantees, political process

For citation: Borisov, N.A. (2022), Ex-presidents of the post-Soviet states. Legal status and political practice, *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 60–92, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-60-92

Как пишет Л. Андерсон в статье «Экс-президенты», за последние четыре десятилетия по меньшей мере 700 политических лидеров, находящихся на пике своей карьеры, столкнулись с вопросом о том, должны ли они покинуть свой пост, и если да, то чем им следует заняться после этого [Anderson 2010, p. 64]. Приводя слова С. Липсета о том, что демократический лидер должен признать поражение на выборах и передать власть, даже если это противоречит его собственным интересам [Lipset 1998, p. 26], она рассуждает о том, по каким траекториям выстраивались политические карьеры бывших американских президентов, часто связанные с их уходом из политики. На постсоветском пространстве (о проблеме определения «постсоветского пространства» подробнее см. [Маркедонов 2017; Борисов 2018]) мы имеем дело с тем, что задачей лидера часто является не признание поражения, а максимально возможное продление как формальных полномочий, так и неформального влияния глав государств даже после их отставки с поста президента. Выстраивание системы «страховочных механизмов», которые могут защитить бывшего президента от преследования и сохранить его политическую роль, стало одним из направлений политической инженерии, однако далеко не во всех случаях удалось создать институт экс-президентства. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть правовое регулирование статуса президента, прекратившего исполнение своих полномочий, в государствах постсоветского пространства (за исключением государств Балтии с иной конституционной традицией и относительно «слабыми» президентами), а также роль бывших президентов в политическом процессе указанных государств.

При этом необходимо показать, почему одним главам государств успешно удается продлить и сохранить свои полномочия и гарантии после отставки, другие сталкиваются с трудностями, а третьими такая задача даже не ставится.

Несмотря на обширную политическую и правовую практику регулирования статуса президента, прекратившего исполнение свои обязанностей (президента в отставке, или экс-президента), сам этот институт по-прежнему остается недостаточно изученным. Зарубежная научная литература, посвященная данному вопросу, более обширна, чем российская, прежде всего из-за наличия большей практики экс-президентства, в частности в США. Большинство публикаций по этой тематике посвящено исследованию политических карьер экс-президентов США и государств Латинской Америки, а также постпрезидентскому политическому дискурсу [Jacobs 2018; Winger, Jain 2016; Belenky 1999; Chambers 1998; Jones, Rowland 2005; Norton Smith, Walch 1990]. В ряде публикаций изучается практика преследования экс-президентов Латинской Америки и отрешения их от должности [Roht-Arriaza 2009; Corrales 2018].

В зарубежных публикациях часто используется термин “post-presidency”, под которым понимается как правовой статус, так и период политической деятельности президента после окончания его полномочий. В российской литературе аналогичный термин не используется, а работы посвящены в основном правовым аспектам прекращения деятельности президента и его статуса после отставки, а также вопросам досрочного прекращения полномочий президента [Сопельцева 2005; Зазнаев, Сидоров 2018; Зазнаев, Сидоров 2019; Борисов 2019; Дзидзоев 2021]. Заслуживают упоминания одни из немногих политологических работ по проблеме – кандидатская диссертация С. Дмитрука «Феномен политического экс-лидерства: сравнительно-политологический ракурс» [Дмитрук 2010] и статья в продолжение этой тематики [Самаркина, Дмитрук 2011], в которых ставится вопрос о политических карьерах бывших президентов в США и Франции, а также в государствах постсоветского пространства. Авторы приходят к выводу о том, что выбор экс-президентской модели зависит от «степени ожесточенности борьбы элит и от типа политического режима», а деятельность бывших глав государств является одним из признаков стабильности режима. С этим тезисом можно согласиться лишь частично, а кроме того, с 2010 г. появился новый эмпирический материал, который позволяет провести анализ на другом уровне.

Для решения задачи соотношения формального статуса и неформального влияния экс-президентов используется следующая методика. Для операционализации степени регламентации статуса экс-президента и роли экс-президентов в политическом процессе предлагается шкала из четырех пунктов (табл. 1).

Таблица 1

Операционализация степени регламентации статуса
экс-президента и роли экс-президентов
в политическом процессе

Бал- лы	Степень регламентации статуса экс-президента (уровень институционализации)	Роль экс-президентов в политическом процессе (уровень субъектности)
0	Полное отсутствие регламентации	Политическая роль отсутствует
1	Регламентация только на уровне конституции	Символическое влияние
2	Регламентация на уровне конституции и специального закона о статусе экс-прези- дента	Относительно высокая роль
3	Регламентация на уровне конституции специального закона и наличие особого (исключительного) статуса первого президента	Крайне высокая роль

На пересечении результатов измерения по двум критериям может быть построена типология моделей экс-президентства. Особое внимание нужно обратить также на случаи уголовного преследования экс-президентов по политическим мотивам и отъезд экс-президента из страны пребывания в связи с политическими обстоятельствами. Ниже будут рассмотрены 33 случая экс-президентства в 12 постсоветских государствах в период с 1992 по 2022 г. По каждому случаю будет дана количественная оценка (первое число – уровень институционализации [степень регламентации статуса экс-президента], второе – уровень субъектности [роль экс-президентов в политическом процессе]).

Россия

До 2020 г. в Конституции России упоминаний об экс-президенте не содержалось. Федеральный закон «О гарантиях Президенту

Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» был принят 12.02.2001 г., заменив известный Указ президента от 31.12.1999 г.¹, изданный в день отставки Б. Ельцина, и содержит следующие гарантии экс-президенту: предоставление государственной охраны, транспорта, специальной связи; страхование жизни и здоровья; неприкосновенность; пожизненное денежное содержание в размере не менее 75% месячного вознаграждения президента; предоставление государственной дачи; содержание аппарата помощников; выплата ежемесячного пособия членам семьи умершего экс-президента в сумме, равной шестикратному размеру социальной пенсии (в настоящее время составляет 30 205,5 рублей в месяц).

После внесения в конституцию поправок 2020 г.² в ней появилась статья 92.1, которая определяет, что гарантии президенту, прекратившему исполнение полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки или стойкой неспособностью по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, устанавливаются федеральным законом, и которая содержит норму о том, что президент, прекративший исполнение своих полномочий, может быть лишен неприкосновенности. Статья 93 устанавливает процедуру лишения неприкосновенности экс-президента. Она становится полностью идентичной процедуре отрешения действующего президента от должности, в то время как ранее экс-президент мог быть лишен неприкосновенности по представлению председателя Следственного комитета простым постановлением Государственной Думы и решением Совета Федерации. Крайне важная поправка связана с тем, что теперь экс-президент освобождается от уголовной или административной ответственности, а также от задержания, ареста, обыска, допроса, досмотра не только за деяния, совершенные им в период исполнения полномочий президента, но и за все без исключения свои деяния, т. е. неприкосновенность президента отныне носит вневременной характер.

---

¹ Указ Президента Российской Федерации «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» от 31 декабря 1999 г. № 1763 // Президент России: официальный интернет-портал. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14857> (дата обращения 25 мая 2022).

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/d40ad6c70a3e080b59df888b843b59bc37ad5581 (дата обращения 25 мая 2022).

Первый президент России Б. Ельцин, досрочно прекративший исполнение своих обязанностей в 1999 г., после отставки не занимал государственных должностей и не был субъектом политического процесса. Он также не был наделен специальным статусом первого президента, создававшим ему какие-либо преимущества в политической деятельности (2/1).

В 2008–2012 гг. второй президент России В. Путин занимал должность председателя правительства, имея определяющее влияние на политический процесс и оставаясь де-факто главой государства (2/3).

В 2012 г. по окончании четырехлетнего президентского срока прекратил исполнение своих полномочий третий президент России Д. Медведев. После этого он занимал должности председателя правительства (2012–2020), а затем заместителя председателя Совета безопасности РФ (с 2020 г. по настоящее время). Последняя должность была учреждена специально для Д. Медведева на следующий день после отставки правительства, которое он возглавлял. В соответствии с Положением о Совете безопасности заместитель председателя Совета осуществляет координацию деятельности членов Совета, а также организует взаимодействие Совета с органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями, общественными объединениями, органами государственной власти иностранных государств и международными организациями³. Полномочия заместителя председателя Совета довольно обширны, важнейшими из них являются участие в разработке и реализации внешнеполитического курса Российской Федерации и участие в формировании государственной кадровой политики, политики в области государственной службы в интересах обеспечения национальной безопасности. Эти полномочия входят и в сферу компетенции президента, что позволяет сделать вывод о том, что сфера влияния должностного лица, замещающего эту должность, является исключительно важной и широкой.

Кроме того, Д. Медведев с 2012 г. является председателем партии «Единая Россия», которая имеет конституционное большинство в Государственной Думе и играет важнейшую роль в законодательном процессе. Таким образом, влияние Д. Медведева на принятие политических решений после отставки с поста президента

---

³ Положение о Совете Безопасности Российской Федерации: утверждено Указом Президента Российской Федерации от 7 марта 2020 г. № 175 // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347217/382ed8c05e1f30948371b804df610806c900f6af (дата обращения 25 мая 2022).

можно оценить как относительно высокое, учитывая, с одной стороны, значительные формальные полномочия, с другой – отсутствие самостоятельной политической линии и полный консенсус с президентом В. Путиным (2/2).

Украина

Статья 105 Конституции Украины устанавливает, что звание Президента Украины охраняется законом и сохраняется за ним пожизненно, если только Президент Украины не был смещен с поста в порядке импичмента⁴.

Закон о гарантиях экс-президенту Украины неоднократно обсуждался в парламенте в 2004 г., в преддверии завершения второго президентского срока Л. Кучмы, в 2017 г. и в 2019 г., но так и не был принят. Законодательные нормы, посвященные бывшему президенту, содержатся только в ст. 5 Закона «О государственной охране органов государственной власти и должностных лиц», согласно которой после прекращения полномочий президент обеспечивается государственной охраной пожизненно, если только он не был отстранен от должности в порядке импичмента⁵. Соответственно гарантии и социальное обеспечение прекратившим исполнение полномочий президентам Л. Кравчуку (1994), Л. Кучме (2005), В. Ющенко (2010) предоставлялись на основании отдельных документов ненормативного характера.

Возможность лишения статуса экс-президента Украины законодательно не закреплена. Поскольку в отношении президента В. Януковича, отстраненного от власти 22 февраля 2014 г., процедура импичмента не проводилась, за ним было сохранено звание президента. Однако 4 февраля 2015 г. Верховная Рада приняла закон «О лишении В. Януковича звания Президента Украины»⁶, внесенный народным депутатом О. Ляшко. Аргументация этого решения

---

⁴ Конституція України / Упоряд.: Л.І. Бірюк, Н.І. Адамчик, Є.Г. Кудлай та ін. Київ: ВАІТЕ, 2021. С. 133.

⁵ Закон України «Про державну охорону органів державної влади України та посадових осіб» від 4 березня 1998 року № 160/98-ВР // База даних «Законодавство України». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/160/98-вр> (дата обращения 5 мая 2022).

⁶ Закон України «Про позбавлення В. Януковича звання Президента України» від 4 лютого 2015 року № 144-VIII // База даних «Законодавство України». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/144-19> (дата обращения 5 мая 2022).

в ходе его обсуждения в парламенте сводилась в основном к тому, что бывший президент является «преступником» и «предателем». Президент П. Порошенко всячески затягивал подписание закона и подписал его только 17 июня 2015 г., после чего он был опубликован и вступил в силу, однако уже 19 июня 2015 г. П. Порошенко обратился в Конституционный суд Украины с представлением о признании принятого закона неконституционным⁷. В представлении справедливо было указано, что Конституцией Украины установлен единственный случай утраты звания Президента Украины (в порядке импичмента) и не предусмотрено принятия ни одним органом власти отдельного акта в какой-либо форме о лишении звания Президента Украины.

Конституционный суд приступил к рассмотрению дела 26 марта 2016 г., а решение по делу вынес только 10 декабря 2019 г. Таким образом, весь процесс занял более четырех лет. В постановлении Большой палаты Конституционного суда Украины было указано, что содержание оспариваемого акта является выражением политической воли парламента в исключительной для государства ситуации, которая создалась в связи с самоустранением В. Януковича от исполнения полномочий Президента Украины. Поскольку к юрисдикции Конституционного суда относится решение вопросов, которые имеют юридический, а не политический характер, а данный вопрос имеет политический характер, он не относится к полномочиям Конституционного суда Украины, что является основанием для закрытия конституционного производства по этому делу⁸. Примечательно, что суд, отказываясь дать заключение относительно закона, назвал его «выражением политической воли парламента», которая обычно закрепляется не в законах, а в постановлениях. Судом не были сформулированы и критерии, по которым решение можно назвать «политическим». В связи с этим три судьи Конституционного суда выразили особое мнение, не согласившись с принятым решением.

---

⁷ Конституційне подання Президента України // Конституційний Суд України: офіційний веб-сайт. URL: <http://ccu.gov.ua/sites/default/files/36.pdf> (дата обращения 5 мая 2022).

⁸ Ухвала Великої палати КСУ № 12-уп/2019 про закриття конституційного провадження у справі за конституційним поданням Президента України П. Порошенка щодо відповідності Конституції України (конституційності) Закону України «Про позбавлення В. Януковича звання Президента України» // Конституційний Суд України: офіційний веб-сайт. URL: https://ccu.gov.ua/sites/default/files/docs/12_yn_2019_0.pdf (дата обращения 5 мая 2022).

Таким образом, официального ответа на вопрос о конституционности закона за четыре года получено так и не было. Оценивая решение Конституционного суда, обратим внимание на то, что оно было принято уже после смены состава Верховной Рады, который принимал закон, и ухода П. Порошенко, который подписывал закон, с поста президента и носило исключительно политический характер. Признать закон конституционным было невозможно из-за того, что он действительно противоречит конституции; признать закон неконституционным означало бы вступить в противоречие с Верховной Радой и подтвердить, что В. Янукович незаконно был отстранен от должности, а это означало бы признание незаконности всей последующей политической конструкции. Именно поэтому с приходом к власти В. Зеленского и было принято половинчатое и бессодержательное решение, чем Конституционный суд в очередной раз подтвердил свою исключительную политизированность.

Участие экс-президентов в политическом процессе Украины существенно различалось. Так, после ухода в отставку Л. Кравчук (1934–2022) продолжал играть роль в политическом процессе Украины: в 1994–2006 гг. был народным депутатом Украины, входил в руководство Социал-демократической партии Украины (объединенной), в 2006 г. участвовал в круглом столе по вопросу подписания Универсала национального единства Украины, в 2012–2014 гг. руководил Конституционной ассамблеей Украины по выработке новой редакции конституции (0/2). Л. Кучма не возглавлял политических партий и не был субъектом внутривнутриполитического процесса, единственное исключение – его кратковременная роль председателя контактной группы по урегулированию ситуации в Донбассе (2019–2020) (0/1). В. Ющенко сконцентрировался на благотворительной и культурно-просветительской деятельности, не вмешиваясь в политический процесс (0/0).

В. Янукович, находясь вне страны, не мог оказывать влияния на политический процесс (0/0). П. Порошенко сохранил политическую роль, возглавив политическую партию «Европейская солидарность» и соответствующую фракцию в парламенте, является народным депутатом Украины и в настоящее время подвергается уголовному преследованию за государственную измену (0/2).

Беларусь

Политическая практика экс-президентства в Беларуси в настоящее время отсутствует, однако ситуация, возникшая в стране в результате массовых протестов 2020 г., заставляет политическую

элиту формально закреплять возможность передачи власти и статус экс-президента.

Согласно поправкам, внесенным в конституцию в феврале 2022 г., президент, прекративший исполнение своих полномочий, не может быть привлечен к ответственности за действия, совершенные в связи с осуществлением им президентских полномочий⁹. Экс-президент также является делегатом Всебелорусского народного собрания – нового высшего представительного органа власти, определяющего стратегические направления развития общества и государства. В законе о статусе президента указано, что бывшему президенту устанавливается пенсия, предоставляется государственное жилье¹⁰.

Таким образом, новое законодательство позволяет сохранять формальный политический статус экс-президента в политическом процессе, тем более при условии, что он в перспективе может стать не только членом, но и председателем Всебелорусского народного собрания. Специальный закон о гарантиях экс-президенту, на который содержится ссылка в конституции, в Беларуси пока не принят.

Молдова

В 1997 г. был принят закон об обеспечении деятельности Президента Республики Молдова, предусматривавший гарантии экс-президенту¹¹. До настоящего времени в закон было внесено десять поправок. Важнейшие поправки вносились после ухода в отставку второго президента П. Лучинского в 2001 г., третьего президента В. Воронина в 2010 г. и четвертого президента Н. Тимофти в 2016 г. (тем самым подтверждается их ситуативный характер). В случае истечения срока полномочий, отставки или окончательной

---

⁹ Конституция Республики Беларусь // Президент Республики Беларусь: официальный портал. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения 25 мая 2022).

¹⁰ Закон Республики Беларусь от 21 февраля 1995 г. № 3602-XII «О Президенте Республики Беларусь» // Президент Республики Беларусь: официальный портал. URL: https://president.gov.by/ru/president/status-i-polnomochiya/zakon_o_presidente (дата обращения 25 мая 2022).

¹¹ Закон об обеспечении деятельности Президента Республики Молдова от 11 марта 1997 года № 1111 (в ред. от 1 декабря 2018 г.) // Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=111473&lang=ru (дата обращения 25 мая 2022).

невозможности исполнения обязанностей экс-президент имеет право на пенсию, бесплатные медицинское обслуживание и санаторно-курортное лечение (в 2001 г. добавлено: «один раз в год»), обеспечение безопасности, автомобиль (с 2001 г. добавлено: «по вызову согласно лимиту, установленному правительством»), льготы по оплате коммунальных услуг, дипломатический иммунитет, с 2001 г. – обеспечение безопасности, с 2016 г. – кабинет и персонального помощника на четырехлетний период. В 2010 г. пенсионное обеспечение экс-президента было снижено с 75% до 42% от оплаты труда действующего президента. В случае отстранения от должности экс-президент не имеет права на гарантии. Как видно, закон направлен не столько на обеспечение гарантий экс-президенту, сколько на их ограничение.

Первый президент Молдовы М. Снегур после отставки оставался депутатом парламента и лидером Партии возрождения и согласия Молдовы, ликвидированной в 2003 г. (0/0). Второй президент П. Лучинский и четвертый президент Н. Тимофти после отставки не участвовали в политической деятельности (0/0). Третий президент В. Воронин после истечения срока полномочий являлся депутатом парламента и лидер Партии коммунистов Молдовы, играющей значительную роль в политическом процессе (0/2). Четвертый президент И. Додон, уйдя в отставку, вновь возглавил Партию социалистов, которой он руководил до прихода на пост президента, продолжает вести политическую деятельность (0/3). На парламентских выборах 2021 г. партия образовала избирательный блок с Партией коммунистов и заняла по итогам выборов второе место, получив 27,17% голосов избирателей и 32 места из 101 в парламенте¹².

После успеха на выборах в 2021 г. И. Додон стал подозреваемым по уголовному делу о хищении 12 млн долл. В 2022 г. ему предъявили новые обвинения по четырем статьям Уголовного кодекса: измена родине, признание финансирования политической партии преступной организацией, пассивное коррумпирование и незаконное обогащение. Дело касается событий 2020 г., однако оно было возобновлено в период активной оппозиционной деятельности И. Додона и его призывов противостоять «румунизации» Молдовы и возможной утрате ею суверенитета¹³. Таким образом, в Молдове

---

¹² Результаты выборов 11 июля 2021 года // Центральная избирательная комиссия Республики Молдова: официальный сайт. URL: <https://a.ces.md/ro/totalizator-8593.html> (дата обращения 27 мая 2022).

¹³ Додона задержали на 72 часа по делу о госизмене // РБК. 2022. 24 мая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/05/2022/628c89a49a79472ba4dec7a6> (дата обращения 27 мая 2022).

подвергается преследованиям только тот экс-президент, который ведет политическую деятельность.

Кыргызстан

Кыргызская Республика являет собой пример непрерывного пересмотра конституционных и законодательных норм относительно статуса экс-президента и богатой политической практики лишения статуса экс-президента.

В преддверии окончания второго срока первого президента А. Акаева был принят закон от 18 июля 2003 г. № 152 «О гарантиях деятельности Президента Кыргызской Республики» в котором содержался раздел о статусе экс-президента и первого президента¹⁴.

Закон устанавливал, что президент, прекративший исполнение своих полномочий, кроме случаев прекращения его полномочий в результате отрешения от должности, имеет звание экс-президента, которое является пожизненным. Он обладает неприкосновенностью, ему и членам его семьи гарантируется социальное и бытовое обеспечение, транспортное обслуживание, аппарат помощников, пожизненное обеспечение членов семьи умершего экс-президента. Кроме этого, вводился почетный статус «Первый Президент Кыргызской Республики», которому, помимо гарантий экс-президента, дополнительно и пожизненно предоставлялось право обращаться к народу Кыргызстана, государственным органам и должностным лицам с инициативами по важнейшим вопросам государственного строительства, внутренней и внешней политики, безопасности страны, которые подлежат обязательному рассмотрению соответствующими государственными органами и должностными лицами; присутствовать на заседаниях Жогорку Кенеша и правительства, выступать перед Жогорку Кенешем и на заседаниях правительства. Кроме того, первый президент пожизненно является членом Совета безопасности. Первому президенту передаются в собственность служебная квартира и государственная дача, он имеет право на ежемесячную пенсию в размере 80% оклада президента.

---

¹⁴ Закон Кыргызской Республики от 18 июля 2003 г. № 152 «О гарантиях деятельности Президента Кыргызской Республики и статусе экс-президента Кыргызской Республики» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1278> (дата обращения 24 мая 2022).

Указанные гарантии предусматривали сохранение существенного влияния первого президента на политический процесс и после его отставки. Однако в результате переворота 2005 г. А. Акаев был вынужден уехать из страны, уйти в отставку и не мог оказывать влияния на политический процесс (3/0). При новом президенте К. Бакиеве в закон были внесены изменения: полностью исключена глава о статусе первого президента и отменены социальные гарантии для членов семьи умершего экс-президента¹⁵. Тем не менее А. Акаев сохранял статус экс-президента до 2010 г. и был лишен его на основании декрета Временного правительства после очередного переворота и отставки К. Бакиева. Декрет являлся в большей мере политическим манифестом, чем нормативно-правовым актом, тем более что процедуры лишения статуса экс-президента законодательство на тот момент не предусматривало, судебных решений в отношении А. Акаева вынесено не было. В Декрете необходимость лишения статуса была обоснована обвинениями в передаче «исконных кыргызских земель» Китаю и Казахстану, уничтожении народного богатства, узурпации государственной власти, фальсификации выборов. Генеральной прокуратуре предписывалось «принять необходимые меры по привлечению к уголовной ответственности А. Акаева и его экстрадиции в Кыргызскую Республику»¹⁶.

Незадолго до этого, в апреле 2010 г., был лишен статуса экс-президента второй президент К. Бакиев. Временное правительство издало декрет № 30, которым лишило К. Бакиева статуса экс-президента и неприкосновенности в следующей формулировке: «Установить, что путем совершения особо тяжкого преступления, выразившегося в допущении применения огнестрельного боевого оружия против мирного населения, повлекшего многочисленные жертвы, К. Бакиев вышел за рамки законности, лишив себя статуса экс-президента Кыргызской Республики и неприкосновенности». Тем самым вновь были нарушены конституционные нормы, причем

---

¹⁵ Закон Кыргызской Республики «О гарантиях деятельности Президента Кыргызской Республики» от 18 июля 2003 г. № 152 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1278/20?cl=ru-ru> (дата обращения 27 мая 2022).

¹⁶ Декрет Временного правительства Кыргызской Республики «О лишении А. Акаева статуса неприкосновенности» от 12 августа 2010 г. ВП № 120 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202889> (дата обращения 27 мая 2022).

была применена оригинальная формулировка «лишив себя... статуса... и неприкосновенности»¹⁷, являющаяся скорее риторической фигурой, чем правовым положением. В результате К. Бакиев после отставки вынужден был уехать из страны и не смог оставаться субъектом политического процесса (2/0) (подробнее см. [Борисов 2019]).

В условиях развития конфликта между президентом С. Жээнбековым и бывшим президентом А. Атамбаевым, демонстрировавшим выход С. Жээнбекова из-под контроля А. Атамбаева, начался процесс по очередному пересмотру законодательства с целью лишения А. Атамбаева статуса экс-президента на законных основаниях.

В феврале 2019 г. инициированы поправки в закон, связанные с процедурой лишения статуса экс-президента и о запрещении экс-президенту заниматься политической деятельностью, в мае они были приняты Жогорку Кенешем. Законом закреплялось, что экс-президент Кыргызской Республики не должен занимать политические, специальные государственные должности в органах государственной власти, а также занимать должности в руководящих органах политической партии либо иным образом участвовать в деятельности политической партии. В случае несоблюдения этих ограничений прекращается предоставление ему всех гарантий, а также материальное и иное обеспечение за счет средств республиканского бюджета¹⁸.

Кроме того, в закон была введена норма о возможности лишения статуса экс-президента на основании выдвинутого Жогорку Кенешем обвинения в совершении особо тяжкого преступления, подтвержденного заключением генерального прокурора об имевшихся в действиях экс-президента признаках преступления на период исполнения им полномочий президента. Против экс-президента были выдвинуты обвинения в использовании А. Атамбаевым всех

---

¹⁷ Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики «О лишении К. Бакиева статуса неприкосновенности» от 26 апреля 2010 г. ВП № 30 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202781> (дата обращения 27 мая 2022).

¹⁸ Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики «О гарантиях деятельности Президента Кыргызской Республики» от 15 мая 2019 г. № 61 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111909?cl=ru-ru> (дата обращения 28 мая 2022).

ветвей власти в своих интересах, преследованиях политических оппонентов и СМИ, причастности к коррупционным схемам при модернизации ТЭЦ г. Бишкек, незаконном освобождении «вора в законе» А. Батукаева, коррупции в сфере закупки угля на ТЭЦ г. Бишкек, незаконном приобретении земельных участков в селе Кой-Таш¹⁹.

Уже 13 июня была создана специальная комиссия парламента, 20 июня было выдвинуто обвинение, 27 июня А. Атамбаев был лишен статуса экс-президента²⁰.

При этом вопрос об ответственности парламента за ситуацию в стране при А. Атамбаеве хотя и поднимался, но остался без ответа. Вскоре после этого А. Атамбаев был арестован и приговорен к 11 годам лишения свободы (вышел на свободу после начала массовых протестов по итогам парламентских выборов в октябре 2020 г., но не оказывает существенного влияния на политический процесс – 2/0).

---

¹⁹ Жогорку Кенеш принял постановление «О выдвижении обвинения против экс-президента Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаева для лишения его статуса» // Жогорку Кенеш Кыргызской Республики: официальный портал. URL: <http://kenesh.kg/ru/news/show/8032/zhogorku-kenesh-prinyal-postanovlenie-o-vidvizhenii-obvinieniya-protiv-eks-prezidenta-kirgizskoy-respubliki-a-sh-atambaeva-dlya-lisheniya-ego-statusa> (дата обращения 28 мая 2022).

²⁰ Постановление Жогорку Кенеша Кыргызской Республики «Об образовании специальной комиссии Жогорку Кенеша Кыргызской Республики для дачи заключения по вопросу выдвижения обвинения против экс-президента Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаева для лишения его статуса» от 13 июня 2019 г. № 3122-VI // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/83799?cl=ru-ru> (дата обращения 28 мая 2022); Постановление Жогорку Кенеша Кыргызской Республики «О выдвижении обвинения против экс-президента Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаева для лишения его статуса» от 20 июня 2019 г. № 3138-VI // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/83810?cl=ru-ru> (дата обращения 28 мая 2022); Постановление Жогорку Кенеша Кыргызской Республики «О лишении статуса экс-президента Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаева» от 27 июня 2019 г. № 3193-VI // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/14332> (дата обращения 28 мая 2022).

Таким образом, все процедуры лишения статуса прошли в соответствии с измененным законом в кратчайшие сроки, что стало первым подобным прецедентом в постсоветских государствах. Выдвинутые обвинения носили в первую очередь политический характер.

Примечательно, что положения закона 2019 г. о лишении экс-президента статуса неприкосновенности распространяются «на правовые отношения, возникшие с 23 октября 2007 г.» (дата принятия новой редакции Конституции Кыргызской Республики). Тем самым закону, ухудшающему положение отдельных лиц, была придана обратная сила, что позволяет распространить его действие на К. Бакиева, который был лишен статуса вне закона. Конституционная палата Верховного суда своим решением подтвердила конституционность указанной нормы, обосновав это тем, что речь идет об институте президентства в целом, а не о правовом положении отдельного лица²¹.

Пятый президент С. Жээнбеков добровольно ушел в отставку в ходе массовых протестов в октябре 2020 г., участия в политической деятельности не принимает, выполняя требования нового законодательства (2/0).

Казахстан

В Конституции Казахстана 1995 г. предусматривалось, что экс-президент обладает неприкосновенностью, его обеспечение, обслуживание и охрана осуществляются за счет государства. Тогда же был принят Конституционный закон «О Президенте Республики Казахстан», который содержал нормы о статусе и гарантиях бывшего президента Казахстана. Устанавливалось, что статус бывших президентов (экс-президентов) имеют все бывшие президенты республики, кроме отрешенных от должности, экс-президенты являются пожизненными членами Конституционного совета республики. Закон также устанавливал неприкосновенность экс-президента (экс-президент не может нести ответственность за действия, связанные с исполнением им полномочий президента, за исключением случаев совершения государственной измены)

---

²¹ Решение Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики от 24 октября 2019 года №12-р // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/9767?cl=ru-ru> (дата обращения 28 мая 2022).

и социальные гарантии: пенсия в размере 80% оклада президента, квартира и государственная дача с необходимым обслуживанием, личная охрана, персональный автомобиль с водителем, бесплатные проезд по стране, медицинское обслуживание и санаторно-курортное лечение²².

В 2000 г. был принят конституционный закон о первом президенте Республики Казахстан²³, который определял особый статус первого президента в период исполнения им полномочий и после его отставки (подробнее см. [Борисов 2017; Ханова 2020]. Первому президенту «в силу его исторической миссии» пожизненно предоставлялось право: выступать с обращениями к народу, государственным органам и должностным лицам с инициативами по важнейшим вопросам государственного строительства, внутренней и внешней политики и безопасности страны, которые подлежат обязательному рассмотрению соответствующими государственными органами и должностными лицами; выступать перед парламентом, на заседаниях правительства республики, возглавлять Ассамблею народов Казахстана; входить в состав Конституционного совета, Совета безопасности Республики Казахстан.

Было установлено, что первый президент обладает неприкосновенностью и не может нести ответственность за действия, связанные с осуществлением своего статуса, за исключением случаев совершения государственной измены. Тем самым на уровне конституционного закона были урегулированы права и привилегии одного человека – Н. Назарбаева. Законодательные нормы были направлены на то, чтобы даже в случае прекращения полномочий первый президент сохранял за собой право участвовать в политическом процессе. Поскольку его инициативы подлежат обязательному рассмотрению, а сам он пожизненно входит в состав Конституционного совета и Совета безопасности, это участие определяло его статус как важнейшего субъекта принятия политических решений.

---

²² Конституционный закон Республики Казахстан от 26 декабря 1995 г. № 2733 «О Президенте Республики Казахстан» // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004068 (дата обращения 10 мая 2022).

²³ Конституционный закон Республики Казахстан «О Первом Президенте Республики Казахстан» от 20 июля 2000 г. № 83-II // Адилет: информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: http://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z000000083_/20.07.2000 (дата обращения 10 мая 2022).

В 2010 г. закон о первом президенте подвергся важным корректировкам²⁴. Первый президент получил титул Лидера Нации (в казахском варианте – Елбасы). Закон установил, что на Лидера Нации не распространяется ограничение права быть избранным президентом. Закон также определил, что первый президент не только сам имеет право выступать в инициативами, но и все разрабатываемые инициативы по основным направлениям внутренней и внешней политики государства подлежат согласованию с первым президентом – Лидером Нации. Тем самым была окончательно конкретизирована роль первого президента как фактического главы государства даже после прекращения им своих полномочий.

Первый президент Н. Назарбаев ушел в отставку 20 марта 2019 г., сохранив за собой полномочия в соответствии с законом о первом президенте, а также пост председателя доминирующей партии «Нур Отан» и пожизненное членство в Ассамблее народов Казахстана. Политическая практика показала, что Елбасы и новый президент К. Токаев конкурируют между собой в определении основных направлений политики государства. За Н. Назарбаевым и членами его семьи остался контроль над значительной частью собственности Казахстана в стратегических отраслях экономики, что позволяло ему осуществлять и неформальное влияние на принятие политических решений.

Однако после массовых беспорядков в Казахстане в январе 2022 г. Н. Назарбаев был поэтапно лишен значимых полномочий. Уже 5 января он передал пост председателя Совета безопасности К. Токаеву, в конце января сложил полномочия председателя партии «Нур Отан». Закон о первом президенте пока действует, но парламент планирует его отменить²⁵.

5 июня 2022 г. прошел референдум по внесению изменений в Конституцию. Согласно принятым изменениям, титул Елбасы исключается из конституции, вводится норма о том, что на период

---

²⁴ Конституционный Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства в сфере обеспечения деятельности Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации» от 14 июня 2010 г. № 289-IV // Адилет: информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000289> (дата обращения 30 мая 2022).

²⁵ В Казахстане планируют отменить закон о гарантиях и привилегиях Назарбаева // РИА Новости. 2022. 27 апр. URL: <https://ria.ru/20220427/nazarbaev-1785670815.html> (дата обращения 30 мая 2022).

осуществления своих полномочий президент не должен состоять в политической партии; исключено упоминание о Н. Назарбаеве как основателе независимого Казахстана и положение о его праве избираться президентом без ограничения сроков. Вводится также беспрецедентная для постсоветского пространства норма о запрете близким родственникам президента занимать должности политических государственных служащих, руководителей субъектов квазигосударственного сектора²⁶.

Примечательно, что при этом публично Н. Назарбаев дважды выступал с заявлениями о том, что вся полнота власти в стране принадлежит президенту К. Токаеву, в кризисной ситуации верным решением было передать ему полномочия, закрепленные за первым президентом, и поправки в конституцию являются верным шагом²⁷. Таким образом, инициированная Н. Назарбаевым передача полномочий новому президенту при сохранении себя де-факто главой государства потерпела неудачу. Если до 2022 г. экс-президент измерялся по предложенным критериям как 3/3, то с июня 2022 г. он переместился на уровень 0/1: отсутствие регламентации статуса на формальном уровне и исключительно символическое влияние на неформальном.

Узбекистан

В Конституции Узбекистана основания для досрочного прекращения полномочий президента не обозначены, не регулируется и статус экс-президента. Первая редакция конституции содержала лишь норму о том, что президент, ушедший в отставку по истечении своих полномочий, занимает пожизненно должность члена Конституционного суда. В соответствии с поправкой 2003 г. он занимает должность члена Сената Олий Мажлиса (одной из палат парламента).

---

²⁶ Проект Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» // Казахстанская правда. 2022. 6 мая. URL: <https://kazpravda.kz/n/proekt-zakon-rk-ovnesenii-izmeneniy-i-dopolneniy-v-konstitutsiyu-respubliki-kazahstan> (дата обращения 30 мая 2022).

²⁷ Назарбаев призвал всех сплотиться вокруг президента Казахстана // РИА «Новости». 2022. 8 янв. URL: <https://ria.ru/20220108/nazarbaev-1766935597.html>; Назарбаев поддержал исключение из конституции упоминаний о нем // Лента.Ру. 2022. 30 мая. URL: https://lenta.ru/news/2022/05/30/nazarbaev_kz (дата обращения 30 мая 2022).

В апреле 2003 г. был принят закон о гарантиях деятельности президента, урегулировавший и статус экс-президента²⁸. В соответствии с законом экс-президент обладает неприкосновенностью, не может подвергаться задержанию, допросу, обыску или личному досмотру, имеет право на государственную охрану, служебное транспортное обслуживание, ежемесячное пожизненное денежное содержание в размере 70% оклада президента. Экс-президенту за счет государства передается в собственность служебная квартира (жилье) и загородная резиденция в Ташкентской области с соответствующим обслуживанием и охраной, экс-президент имеет право бесплатно пользоваться специальной, правительственной и другими видами связи, которыми располагают государственные органы. Экс-президенту и членам его семьи пожизненно сохраняются льготы и привилегии по медицинскому обслуживанию и санаторно-курортному лечению, которые они имели на день прекращения Президентом Республики Узбекистан исполнения конституционных полномочий.

Нормы, касающиеся экс-президента, не получили в Узбекистане правоприменительной практики, поскольку экс-президенты отсутствуют. Первый президент И. Каримов скончался в должности президента в декабре 2016 г.

Туркменистан

После смерти первого президента С. Ниязова и вступления в должность президента Г. Бердымухамедова 28 июня 2007 г. был принят закон «О Президенте Туркменистана»²⁹, который установил государственные гарантии деятельности президента как во время исполнения полномочий, так и после отставки.

---

²⁸ Закон Республики Узбекистан «Об основных гарантиях деятельности Президента Республики Узбекистан» от 25 апреля 2003 г. № 480-II // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/acts/32999> (дата обращения 25 мая 2022).

²⁹ Закон Туркменистана «О Президенте Туркменистана» от 28 июня 2007 г. № 127-III // Законодательство стран СНГ: web-версия. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=20724 (дата обращения 22 мая 2022); Закон Туркменистана «О Президенте Туркменистана» от 21 мая 2011 г. № 192-IV (в ред. Законов Туркменистана от 10 января 2012 г. № 262-IV, от 16 февраля 2012 г. № 276-IV) // Законодательство стран СНГ: web-версия. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=49683 (дата обращения 22 мая 2022).

В присягу вновь избранного президента была введена формулировка «направлять все свое вдохновение во имя вечного торжества заветов Сапармурата Туркменбаши Великого, основанных на неисчерпаемом духовном наследии предков»³⁰.

Закон определял, что в случаях досрочного освобождения, смещения и по иным причинам, когда президент не может исполнять свои обязанности, впредь до избрания нового президента его полномочия переходят другому уполномоченному лицу в порядке, установленном Конституцией Туркменистана. Устанавливались социальные гарантии Президенту Туркменистана, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи. Президент и члены его семьи после отставки сохраняли право неприкосновенности. Определялось, что экс-президент может быть лишен неприкосновенности Халк Маслахаты (высшим органом власти по состоянию на 2007 г.) в случае возбуждения уголовного дела по факту совершения им тяжкого преступления по представлению генерального прокурора.

В законе отсутствовали статьи о возможности экс-президента участвовать в деятельности органов государственной власти. Однако долгое время не было практики существования экс-президентов: первый президент С. Ниязов скончался в должности президента в 2006 г. С 2020 г. в конституции появилась норма о том, что экс-президент является пожизненным членом Халк Маслахаты (палаты Милли Генгеша – парламента), если только сам не откажется от использования этого права³¹.

В 2011 г. был принят новый закон о Президенте Туркменистана³², в котором не было существенных изменений в части гарантий экс-президенту, за исключением уточнения, что он может быть лишен статуса палатами нового Халк Маслахаты совместно.

---

³⁰ В 2011 г. в соответствии с новой редакцией закона о президенте эта формулировка из присяги президента была изъята.

³¹ Конституция Туркменистана (новая редакция): с изменениями и дополнениями, внесенными Конституционными законами Туркменистана от 9 октября 2017 г. № 617-V и 25 сентября 2020 г. № 297-VI // Министерство адалат Туркменистана. URL: <https://minjust.gov.tm/ru/hukuk/merkezi/hukuk/1> (дата обращения 22 мая 2022).

³² Закон Туркменистана «О Президенте Туркменистана» от 21 мая 2011 г. № 192-IV (в ред. Законов Туркменистана от 16 февраля 2012 г. № 276-IV, 10 января 2012 г. № 262-IV, 28 января 2017 г. № 494-V, 13 марта 2021 г. №339-VI) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=49683&openfulltext=yes (дата обращения 22 мая 2022).

Второй президент Туркменистана Г. Бердымухамедов в марте 2021 г. был избран в состав Халк Маслахаты и затем стал его председателем, оставаясь действующим президентом. После вступления в должность нового президента Сердара Бердымухамедова (сына прежнего президента) в марте 2022 г. Г. Бердымухамедов остается в должности председателя Халк Маслахаты, что позволяет ему сохранять доминирующее положение в политическом процессе не только на неформальном, но и на формальном уровне (2/3).

Таджикистан

Конституция Таджикистана не регулирует вопросы, связанные со статусом экс-президента. Однако в декабре 2015 г. в Таджикистане был принят закон о Лидере нации³³, который в 2016 г. заменен Конституционным законом об Основателе мира и национального единства – Лидере нации. Лидером нации объявлен президент Э. Рахмон.

Закон устанавливает пожизненную компетенцию Лидера нации вне зависимости от занимаемых им должностей. Среди его полномочий: право обращаться к народу Таджикистана, государственным органам и должностным лицам по важным вопросам государственного строя, безопасности страны, внутренней и внешней политики, принятие во внимание которых является обязательным для государственных органов и государственных должностных лиц; принимать участие и выступать по рассматриваемым вопросам на совместных заседаниях палат парламента, заседаниях правительства и Совета безопасности; давать, консультации и рекомендации в случае наступления политического, экономического и социального кризиса и оказывать содействие в их решении. Лидер нации после отставки с поста президента является пожизненным членом Маджлиси милли (палата парламента) Маджлиси Оли Республики Таджикистан и председателем Общественного движения национального единства и возрождения Таджикистана.

Наиболее существенным положением закона является норма о том, что важные государственные и общественные вопросы, основные направления внутренней и внешней политики страны согласовываются с Основателем мира и национального единства –

---

³³ Закон Республики Таджикистан «Об Основателе мира и национального единства – Лидере нации» от 25 декабря 2015 г. № 1259 // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=82124 (дата обращения 22 июня 2022).

Лидером нации. Тем самым устанавливается, что де-факто и де-юре Лидер нации пожизненно сохраняет определяющую роль в политическом процессе и принятии важнейших политических решений. В результате принятия закона степень регламентации по предложенной шкале выросла от 0 до 3 баллов.

Политическая практика экс-президентов в Таджикистане пока незначительна. Первый президент Таджикистана К. Махкамов являлся пожизненным членом Маджлиси милли Маджлиси Оли, представителем Республики Таджикистан в ЕврАзЭС и председателем комиссии по экономической политике. Его роль в политическом процессе можно охарактеризовать как символическую (0/1). Вторым президентом Р. Набиев умер либо погиб вскоре после отставки, в 1993 г. (0/0). Третьим президентом является Э. Рахмон, в настоящее время возглавляющий страну.

Грузия

В Грузии отсутствует закон о гарантиях экс-президентам. Первый и второй президенты З. Гамсахурдия и Э. Шеварднадзе были смещены с должности в результате переворотов в 1991 г. и 2003 г. (0/0). Третий президент М. Саакашвили после отставки долгое время находился вне страны (против него было возбуждено уголовное дело), но оказывал влияние на политический процесс через своих сторонников в Грузии (партия «Единое национальное движение») (0/2). Четвертый президент Г. Маргвелашвили после отставки в политическом процессе не участвует (0/0).

Армения

Специальный закон о гарантиях экс-президенту в Армении отсутствует. В законе об обеспечении безопасности лиц, подлежащих специальной государственной охране, содержится лишь норма о том, что президентам и премьер-министрам республики в отставке может предоставляться личная пожизненная государственная охрана³⁴

³⁴ Закон Республики Армения «Об обеспечении безопасности лиц, подлежащих специальной государственной охране» от 23 декабря 2003 г. № ЗР-40 (в ред. Законов Республики Армения от 21 марта 2008 г. № ЗР-3, 29 марта 2018 г. № ЗР-222, 30 марта 2018 г. № ЗР-275) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=26526 (дата обращения 22 мая 2022).

(поправки, предложенные к закону в 2022 г., сокращают сроки предоставления такой охраны: президентам – до семи лет, премьер-министрам – до десяти лет после отставки).

Среди экс-президентов Армении активным политическим деятелем являлся только первый президент Л. Тер-Петросян (0/3). После отставки он принимал участие в организации акций протеста, участвовал в президентских выборах 2008 г. и занял второе место. Экс-президент Р. Кочарян после отставки трижды подвергался уголовному преследованию и был арестован по обвинению в узурпации власти, но в 2021 г. уголовное дело в отношении него было прекращено (0/1). Президент С. Саргсян, прекративший исполнение своих полномочий, планировал остаться главой государства на должности премьер-министра, однако в результате массовых акций протеста ушел с этого поста в отставку, оставаясь председателем ранее правящей Республиканской партии Армении (0/1). В результате досрочных выборов партия получила в парламенте только 7 мест.

Азербайджан

Конституция Азербайджана устанавливает, что порядок обеспечения лица, ранее избиравшегося президентом, устанавливается Конституционным законом. В 2012 г. принят соответствующий конституционный закон³⁵, согласно которому бывшим президентом считается не только президент, ушедший в отставку, но и ушедший из жизни, а также отрешенный от должности. Экс-президенту устанавливается пенсия в размере 50% заработной платы президента. В случае кончины бывшего президента выплаты должны производиться его супруге до ее кончины и ребенку до достижения им 18-летнего возраста. Бывшим президентам предусмотрено предоставление охраны, одного служебного автомобиля, выплата представительских расходов в размере 20% от основной заработной платы президента, выдача пожизненного дипломатического паспорта.

Бывший президент не может быть привлечен к административной и уголовной ответственности за действия, совершенные

---

³⁵ Конституционный Закон Азербайджанской Республики «Об обеспечении бывшего Президента Азербайджанской Республики и членов его семьи» от 12 июня 2012 г. № 376-IVKQ // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=58123 (дата обращения 23 мая 2022).

им до избрания президентом либо при исполнении президентских полномочий. Аналогичный иммунитет имеет и супруга бывшего президента. О политическом статусе бывшего президента закон не говорит.

Первый президент Азербайджана А. Муталибов после неудачной попытки возвращения в должность в мае 1992 г. уехал в Россию. 6 марта 1992 г., в день первой отставки президента, парламент Азербайджана принял закон, устанавливающий для А. Муталибова пожизненную пенсию с последующей индексацией, выделение для него охраны, служебной машины, дачи и личную неприкосновенность³⁶. 3 ноября 1992 г. закон был отменен³⁷. В отношении экс-президента неоднократно возбуждались уголовные дела. В эмиграции он стал сопредседателем Социал-демократической партии Азербайджана, но существенного влияния на политический процесс не оказывал (2/1).

Принятие закона о бывших президентах позволило А. Муталибову в конце июня 2012 г. легально вернуться в Баку. По возвращении он объявил об уходе из политики.

Второй президент А. Эльчибей после отставки уехал в Нахичевань, затем вернулся в Баку, был избран председателем Демократического конгресса Азербайджана, руководителем общенационального движения «За избирательную реформу и демократические выборы». Существенного влияния на политический процесс не оказывал, скончался в 2000 г. (2/1).

Третий президент Г. Алиев, будучи тяжело больным, снял кандидатуру на очередных выборах президента, прекратил полномочия в октябре 2003 г. и в декабре того же года скончался, почти не получив опыта экс-президентства. Неформальный статус национального лидера он получил уже после смерти благодаря своему сыну, четвертому президенту И. Алиеву (2/1).

Таким образом, бывшие президенты Азербайджана вели крайне ограниченную политическую деятельность. Очевидно, что возвращение А. Муталибова в Азербайджан и предоставление ему гарантий было обусловлено его отказом от политической деятельности.

Интерпретация результатов

По итогам анализа можно выделить четыре модели экс-президентства на постсоветском пространстве (табл. 2):

---

³⁶ Известия. 1992. 9 марта.

³⁷ Коммерсантъ. 1992. 4 нояб.

1) высокая степень правовой регламентации статуса экс-президента и значительная роль экс-президента в политическом процессе (Туркменистан после 2022 г., Казахстан до 2022 г., Россия);

2) высокая степень правовой регламентации статуса экс-президента и незначительная роль экс-президента в политическом процессе либо ее отсутствие (Азербайджан, Кыргызстан, Таджикистан);

3) низкая степень правовой регламентации статуса экс-президента и значительная роль экс-президента в политическом процессе (Украина);

4) низкая степень правовой регламентации статуса экс-президента и незначительная роль экс-президента в политическом процессе либо ее отсутствие (Молдова, Грузия, Армения, Казахстан после 2022 г.).

Таблица 2

Правовая регламентация статуса экс-президента
и роль экс-президента в политическом процессе
в постсоветских государствах

Государство / экс-президент	Степень правовой регламентации статуса экс-президента	Роль экс-президента в политическом процессе	Уголовное преследование	Экс-президент покинул страну
Россия / Б. Ельцин*	2	1	–	–
Россия / В. Путин	2	3	–	–
Россия / Д. Медведев	2	2	–	–
Украина / Л. Кравчук*	0	2	–	–
Украина / Л. Кучма	0	1	–	–
Украина / В. Ющенко	0	1	–	–
Украина / В. Янукович	0	0	+	+
Украина / П. Порошенко	0	2	+	–
Беларусь	1	–	–	–
Молдова / М. Снегур	0	0	–	–

Молдова / П. Лучинский	0	0	–	–
Молдова / В. Воронин	0	2	–	–
Молдова / Н. Тимофти	0	0	–	–
Молдова / И. Додон	0	3	+	–
Кыргызстан / А. Акаев	3	0	+	+
Кыргызстан / К. Бакиев	2	0	+	+
Кыргызстан / Р. Отунбаева	2	0	–	–
Кыргызстан / А. Атамбаев	2	0	+	–
Кыргызстан / С. Жээнбеков	2	0	–	–
Казахстан / Н. Назарбаев	3	3	–	–
Казахстан / Н. Назарбаев после 2022 г.	0	1	–	–
Узбекистан	2	–	–	–
Таджикистан / К. Махкамов*	0	1	–	–
Таджикистан / Р. Набиев	0	0	–	–
Туркменистан / Г. Бердымухамедов	2	3	–	–
Грузия / З. Гамсахурдиа*	0	0	+	+
Грузия / Э. Шеварднадзе*	0	0	–	–
Грузия / М. Саакашвили	0	2	+	+
Грузия / Г. Маргвелашвили	0	0	–	–
Армения / Л. Тер-Петросян	0	3	–	–
Армения / Р. Кочарян	0	1	+	–
Армения / С. Саргсян	0	1	–	–
Азербайджан / А. Муталибов*	2	1	+	+
Азербайджан / А. Эльчибей*	2	1	+	+
Азербайджан / Г. Алиев*	2	1	–	–

* Умершие (погибшие) экс-президенты.

Таким образом, всего на настоящее время насчитывается 33 случая экс-президентства на постсоветском пространстве (исключая страны Балтии и считая случаи Н. Назарбаева как два казуса: в период с 2019 по 2022 г. и после 2022 г.). Еще два главы государства – С. Ниязов и И. Каримов – скончались в должности

президента, в силу чего не стали бывшими президентами. Из 33 случаев насчитывается 13 случаев (40%), при которых роль экс-президента в политическом процессе отсутствует; 10 случаев (30%), при которых экс-президент играл символическую (незначительную) роль в политическом процессе; 5 случаев (15%), при которых роль экс-президента в политическом процессе относительно высокая, и 5 случаев (15%), при которых экс-президент играет крайне высокую роль в политическом процессе. Таким образом, только 30% всех случаев характеризуются сохранением экс-президента в политике, причем из них только в четырех случаях (12%) (В. Путин, Д. Медведев, В. Воронин, Г. Бердымухамедов) это сохранение не вело к политическим преследованиям бывшего президента.

Заключение

Необходимость обеспечения гарантий экс-президенту – обычная практика ряда государств с разным типом политического режима. Другое дело, когда к социальным гарантиям добавляются гарантии политические, не только защищающие бывшего президента от уголовного преследования, но и дающие ему возможность сохранить высокую роль в политическом процессе. Такие гарантии обычно являются ситуативными и принимаются для конкретного лидера, срок полномочий которого подходит к концу. На примерах постсоветских государств видно, что эти правовые гарантии не гарантируют защищенности экс-президента на практике, поскольку в результате изменения соотношения сил внутри элиты они могут быть пересмотрены или отменены новым президентом, как это случилось в Кыргызстане и Казахстане, а экс-президент может быть подвергнут уголовному преследованию (это демонстрируют случаи З. Гамсахурдиа, А. Муталибова, А. Эльчибея, Р. Кочаряна, А. Акаева, К. Бакиева, М. Саакашвили, В. Януковича, П. Порошенко, А. Атамбаева, И. Додона). При этом степень конкурентности политического режима также не влияет на защищенность экс-президента от преследования. Общая ситуация с низкой правовой культурой и отсутствием гарантий прав человека распространяется и на первых лиц государства.

Особенно характерны в этом отношении примеры Кыргызстана и Казахстана, где экс-президенты, первоначально обеспечившие себе исключительные полномочия даже после отставки, были исключены из политического процесса как на формальном, так и на неформальном уровне, включая запрет заниматься политической деятельностью и контролировать стратегические отрасли экономики.

Характерно, что слабое законодательное регулирование или его отсутствие статуса экс-президента в конкурентных политических режимах не исключает, что президенты, чей срок полномочий подходит к концу, попытаются продлить их иными способами (на других должностях). Так, продлить свои полномочия после отставки стремились президенты как в неконкурентных политических режимах (Казахстан, Таджикистан, Туркменистан), так и в конкурентных (Грузия, Армения). В силу высокой степени фрагментации политических элит отсутствовали попытки сохранения власти экс-президентами как на формальном, так и на неформальном уровне только в Украине и Молдове, хотя и там не обошлись без преследования бывших президентов (подробнее о моделях президентства см. [Борисов 2018]).

В настоящее время только в России и Туркменистане элиты смогли обеспечить сохранение экс-президентов в политическом процессе, не подвергая их при этом преследованиям. Во всех остальных государствах опыт экс-президентства либо еще отсутствует (Беларусь, Узбекистан, последние тридцать лет – Таджикистан), либо является крайне негативным, связанным с преследованием бывших лидеров по политическим мотивам, которое очень часто ведется с грубыми нарушениями законодательства государств (в том числе в государствах с конкурентными режимами – Грузии, Армении, Украине, Молдове). Это подтверждает вывод о том, что за тридцать лет в большинстве государств постсоветского пространства, независимо от типа политического режима, так и не появилось устойчивых институциональных практик политической конкуренции, диалога с оппонентами и гарантий деятельности бывших президентов. Отсутствие таких практик, в свою очередь, создает высокий уровень неопределенности для нынешних лидеров, которые также могут быть подвергнуты преследованиям после ухода в отставку, и не способствует потенциальной стабильности политических режимов.

В ситуации высокой степени фрагментации элиты политическая роль экс-президента, наличие у него политической силы и сторонников оборачивается его политическим преследованием по уголовным статьям, связанным с действиями на посту президента.

Наиболее стабильной представляется модель с высокой степенью правовой регламентации статуса экс-президента и значительной ролью экс-президента в политическом процессе. Такая модель возможна при низкой степени фрагментации политической элиты и полном консенсусе между новым президентом и экс-президентом по стратегическим вопросам (либо превращение нового президента в символического главу государства при сохранении полномочий экс-президентом).

Литература

- Борисов 2017 – *Борисов Н.А.* Институционализация персонализма: институт Лидера Нации на постсоветском пространстве // Центральная Азия и Кавказ. 2017. № 2. С. 69–82.
- Борисов 2018 – *Борисов Н.А.* Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. М.: РГГУ, 2018. 537 с.
- Борисов 2019 – *Борисов Н.А.* Досрочное прекращение полномочий президента на постсоветском пространстве: конституционные правила и политическая реальность // Политическая наука. 2019. № 4. С. 68–104.
- Дзидзоев 2021 – *Дзидзоев Р.М.* Правовой иммунитет Президента России, прекратившего исполнение своих полномочий: теория и законодательство // Власть Закона. 2021. № 1. С. 72–80.
- Дмитрук 2010 – *Дмитрук С.В.* Феномен экс-лидерства: сравнительно-политологический ракурс: Дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2010. 167 с.
- Зазнаев, Сидоров 2018 – *Зазнаев О.И., Сидоров В.В.* Президентские системы на постсоветском пространстве: верна ли гипотеза Хуана Линца? // Вестн. РГГУ. Сер. «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4. С. 24–35.
- Зазнаев, Сидоров 2019 – *Зазнаев О.И., Сидоров В.В.* Модели контролируемой передачи президентской власти // Политическая наука. 2019. № 4. С. 16–37.
- Маркедонов 2017 – *Маркедонов С.М.* Постсоветское пространство: распад или сохранение? // Вестн. РГГУ. Сер. «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 2. С. 9–16.
- Самаркина, Дмитрук 2011 – *Самаркина И.В., Дмитрук С.В.* Руководители государств после пика политической карьеры: факторы и профессиональные траектории // Полис: Полит. исслед. 2011. № 1. С. 153–164.
- Сопельцева 2005 – *Сопельцева Н.С.* Иммуниет Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 5. С. 22–26.
- Ханова 2020 – *Ханова И.Е.* Президентская форма правления в Казахстане: научный анализ конституционной основы института президентства и механизмов его развития // Вестн. РГГУ. Сер. «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2020. № 3. С. 130–139.
- Anderson 2010 – *Anderson L.* The ex-presidents // Journal of Democracy. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 64–78.
- Belenky 1999 – *Belenky I.* The making of the ex-presidents, 1797–1993. Six recurrent models // Presidential Studies Quarterly. 1999. No. 29. P. 150–165.
- Chambers 1998 – *Chambers J. I. W.* Jimmy Carter's public policy ex-presidency // Political Science Quarterly. 1998. Vol. 113. No. 3. P. 405–425.
- Corrales 2018 – *Corrales J.* Latin America's neocaudillismo. Ex-presidents and newcomers running for president... and winning // Latin American Politics and Society. 2018. Vol. 50. No. 3. P. 1–352.

- Jacobs 2018 – *Jacobs N.* After the White House. The politics of the postpresidency // *Presidential Studies Quarterly*. 2018. Vol. 48. No. 4. P. 711–740.
- Jones, Rowland 2005 – *Jones J., Rowland R.* A covenant-affirming jeremiad. The post-presidential ideological appeals of Ronald Wilson Reagan // *International Journal of Phytoremediation*. 2005. Vol. 56. No. 2. P. 157–174.
- Lipset 1998 – *Lipset S.M.* George Washington and the founding of democracy // *Journal of Democracy*. 1998. Vol. 9. No. 4. P. 24–38.
- Norton Smith, Walch 1990 – *Norton Smith R., Walch T.* Farewell to the chief. Former presidents in American public life. Worland, Wyo.: High Plains, 1990. 200 p.
- Roht-Arriaza 2009 – *Roht-Arriaza N.* Prosecutions of heads of state in Latin America // *Prosecuting heads of state* / Ed. by E. Lutz, C. Reiger. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 326 p.
- Winger, Jain 2016 – *Winger G., Jain A.* Mr. Worldwide. International affairs and the American post-presidency // *Congress and the Presidency*. 2016. Vol. 43. No. 1. P. 1–542.

References

- Anderson, L. (2010), “The ex-presidents”, *Journal of Democracy*, vol. 21, no. 2, pp. 64–78.
- Belenky, I. (1999), “The making of the ex-presidents, 1797–1993. Six recurrent models”, *Presidential Studies Quarterly*, no. 29, pp. 150–165.
- Borisov, N.A. (2017), “Institutionalization personalism. Institute of the Nation’s Leader in the post-Soviet space”, *Central Asia and The Caucasus*, vol. 18, no. 2, pp. 66–78.
- Borisov, N.A. (2018), *Prezidentstvo na postsovetском prostranstve: protsessy genezisa i transformatsii* [Presidency in the post-Soviet space. Genesis and transformations processes], RGGU, Moscow, Russia.
- Borisov, N.A. (2019), “Early termination of the president powers in the post-Soviet space. Constitutional rules and political reality”, *Political Science (Ru)*, no. 4, pp. 68–104.
- Chambers II, J.W. (1998), “Jimmy Carter’s public policy ex-presidency”, *Political Science Quarterly*, vol. 113, no. 3, pp. 405–425.
- Corrales, J. (2018), “Latin America’s neocaudillismo. Ex-presidents and newcomers running for president... and winning”, *Latin American Politics and Society*, vol. 50, no. 3, pp. 1–352.
- Dmitruk, S.V. (2010), *Fenomen eks-liderstva: sravnitel’no-politologicheskii rakurs* [The phenomenon of ex-leadership. A comparative political science perspective], Ph.D. Thesis. (Polytology), Kuban University, Krasnodar, Russia.
- Dzidzoev, R.M. (2021), “Legal immunity of the President of Russia, who has ceased to exercise his powers. Theory and legislation”, *Vlast’ Zakona*, no. 1, pp. 72–80.
- Jacobs, N. (2018), “After the White House. The politics of the postpresidency”, *Presidential Studies Quarterly*, vol. 48, no. 4, pp. 711–740.
- Jones, J., and Rowland, R. (2005), “A covenant-affirming jeremiad. The post-presidential ideological appeals of Ronald Wilson Reagan”, *International Journal of Phytoremediation*, vol. 56, no. 2, pp. 157–174.

- Khanova, I. (2020), "Presidential form of government in Kazakhstan. Scientific analysis of the constitutional basis for the institution of the Presidency and its development mechanisms", *RSUH/RGGU Bulletin, "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 130–139.
- Lipset, S.M. (1998), "George Washington and the founding of democracy", *Journal of Democracy*, vol. 9, no. 4, pp. 24–38.
- Markedonov, S.M. (2017), "The post-Soviet space. Dissolution or continuation?", *RSUH/RGGU Bulletin, "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, no. 2, pp. 9–16.
- Norton Smith, R. and Walch, T. (1990), *Farewell to the chief. Former presidents in American public life*, Worland, Wyo., USA.
- Roht-Arriaza, N. (2009), "Prosecutions of Heads of State in Latin America, in Lutz, E., and Reiger, C. (eds.), *Prosecuting Heads of State*, Cambridge University Press, New York, USA.
- Samarkina, I.V. and Dmitruk, S.V. (2011), "Heads of State after the peak of their political careers. Factors and professional trajectories", *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 153–164.
- Sopel'tseva, N.S. (2005), "Immunity of the President of the Russian Federation who has terminated the exercise of his powers", *Constitutional and Municipal Law*, no. 5, pp. 22–26.
- Winger, G. and Jain, A. (2016), "Mr. Worldwide. International affairs and the American post-presidency", *Congress and the Presidency*, vol. 43, no. 1, pp. 1–542.
- Zaznaev, O.I. and Sidorov, V.V. (2018), "Presidential systems in the post-Soviet space. Is Juan Linz's hypothesis correct?", *RSUH/RGGU Bulletin, "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 24–35.
- Zaznaev, O.I. and Sidorov, V.V. (2019), "Models of controlled transfer of presidential power", *Political Science (Ru)*, no. 4, pp. 16–37.

Информация об авторе

Николай А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nborisov@rggu.ru

Information about the author

Nikolai A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; nborisov@rggu.ru

Этнические партии как агенты этнополитической мобилизации в государствах Западной Европы

Виктор В. Сидоров
*Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Казань, Россия, Viktor.Sidorov@kpfu.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния этнических партий на процессы политической мобилизации в государствах Западной Европы. Этнические партии часто рассматриваются как институты, провоцирующие этнические противоречия и конфликты, однако такие партии функционируют во многих европейских странах. В политической науке ведется дискуссия о том, насколько и в каких условиях этнические партии действительно представляют опасность для политической стабильности государства. Этнополитические конфликты предполагают наличие мобилизации этнических групп. В статье убедительно доказано, что этнические партии активно способствуют этнополитической мобилизации. Этнические партии, заинтересованные в подобной мобилизации, создают необходимую для мобилизации инфраструктуру.

Проведенный сравнительный анализ этнополитических партий Бельгии, Великобритании и Испании показал, что этнополитическая мобилизация в них значительно различается. Если в Испании протесты в Каталонии угрожали не только общенациональной политической стабильности, но и безопасности граждан, то в Бельгии и Великобритании этнические партии ограничивались лишь мобилизацией граждан для электорального политического участия.

Ключевые слова: этническая мобилизация, этнический конфликт, этнические партии, этническое представительство, этническое голосование, общественная демократия

Для цитирования: Сидоров В.В. Этнические партии как агенты этнополитической мобилизации в государствах Западной Европы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 93–101. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-93-101

Ethnic parties as agents of ethno-political mobilization in the states of Western Europe

Viktor V. Sidorov

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia, Viktor.Sidorov@kpfu.ru*

Abstract. The article is concerned with the study of the ethnic parties influence on the political mobilization processes in the states of Western Europe. Ethnic parties are often viewed as institutions that increase ethnic tensions and conflicts, but still such parties function in many European countries. In political science, there is a discussion about how and under what conditions ethnic parties really pose a danger to the political stability. Ethno-political conflicts presuppose the presence of mobilization of ethnic groups. The article proves that ethnic parties drastically increase ethno-political mobilization. Ethnic parties are interested in such mobilization and form the mobilization infrastructure.

A comparative analysis of ethno-political parties of Belgium, Great Britain and Spain showed that ethno-political mobilization in them differs significantly. If in Spain the protests in Catalonia threatened not only national political stability, but also the security of citizens, then in Belgium and the UK, ethnic parties limited themselves to mobilizing citizens for electoral political participation.

Keywords: ethnic mobilization, ethnic conflict, ethnic parties, ethnic representation, ethnic voting, community democracy.

For citation: Sidorov, V.V. (2022) "Ethnic parties as agents of ethno-political mobilization in the states of Western Europe", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 93–101, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-93-101

В XX в. во многих государствах Западной Европы этнические партии стали значимой политической силой. После ослабления идеологического противостояния между коммунистической и либеральной идеологиями этнические партии улучшили свои электоральные результаты. В конце XX в. появились условия для интенсификации политизации этничности и возникновения новых этнических партий. Западная Европа не осталась в стороне от данных тенденций.

Этнические партии попали в фокус внимания политологов. Исследователи сформулировали следующие вопросы. Являются ли этнические партии угрозой для сохранения межэтнического мира? В

каких случаях этнические партии будут мирно представлять интересы этнических групп в парламенте, без призывов к насильственным действиям? Могут ли этнические партии углубить общественные расколы по этническим линиям? Наконец, возможно ли совместить существование этнических партий с эффективной демократией, базирующейся на согласии в полиэтническом обществе? Стоит также оговориться, что этнические партии имеют смысл только при демократических режимах. В авторитарных режимах этнические интересы имеют иные механизмы политического представительства. Как правило, урегулирование межэтнических противоречий при авторитаризме происходит непублично, что крайне затрудняет их научный анализ.

Этнические партии выполняют функцию политической мобилизации, которая по своей сути является мобилизацией этнической. Политическая мобилизация – важный элемент демократического политического процесса. Для проведения демократических выборов партии и политики мобилизуют избирателей, агитируют их прийти на избирательные участки, убеждают проголосовать и поддержать определенную идеологию. Но политическая мобилизация характерна и для недемократических систем. К примеру, в тоталитарных обществах политическая мобилизация достигает максимальных значений. Без преувеличения можно заметить, что политическая мобилизация может многое сказать о политическом процессе.

В современном мире этническая мобилизация становится важным элементом политики в полиэтнических обществах. Этнические группы, осознавая свою идентичность и общность интересов, включаются в мир политики для защиты своих этнических интересов. Для этнической мобилизации требуется соответствующая институциональная инфраструктура. Этнические партии выступают институциональными агентами политической мобилизации. Однако взгляды на возможность представительства этнических интересов с помощью этнических партий остаются противоречивыми. Во многих государствах этнические партии находятся под запретом, поскольку считаются опасными. Этнические партии рассматриваются как институты, заинтересованные в подрыве гражданской идентичности и стимулирующие приверженность идентичности этнической. Как правило, этническая идентичность важна для представителей этнических меньшинств. В свою очередь, доминирующий этнос в процессе национального строительства уже сформировал политическую нацию и не нуждается в этнической партии. Члены этнической группы напрямую идентифицируют себя с государством, и поэтому обращение к ним с позиции общности происхождения

характерно для националистических партий, а не этнических. Националистические партии говорят о том, что доминирующей по признаку происхождения группе необходимо сильное национальное государство. Этнические партии делают ударение на защите этнической группы, а в крайнем случае – на реализации права этнонации на самоопределение – создание своего собственного государства или вхождение в состав соседнего государства. Исходя из возможности появления таких политических позиций, этнические партии рассматриваются как опасные политические объединения, угрожающие государственной целостности и межнациональному согласию политических государств.

В то же время во многих европейских демократиях этнические партии существуют и являются важными акторами политического процесса. Такие партии особенно усилили свои позиции после 1991 г., когда коммунистическая идеология окончательно потеряла свою привлекательность, а идеологический вакуум стал заполняться иными идеологиями, в том числе националистическими. Этнические группы стали предъявлять европейским национальным государствам требования автономии и независимости, уровень конфликтности вырос, а этнические партии привлекали к себе все большее внимание общественности.

В политологии есть несколько противоположных точек зрения по вопросу об опасности существования этнических партий. В модели общественной демократии этнические партии выступают как необходимый институт политического представительства сегментов полиэтнического общества [Lijphart 1977]. Напротив, сторонники центристского подхода говорят об опасности разделения общества по этническим линиям. Центристский подход основывается на тезисе о пользе создания сильного общенационального центра, интегрирующего сегменты в единую общность. В таком случае этнические партии являются препятствием интеграции [Horowitz 1985]. Общественная демократия не видит угрозы в этнической мобилизации, а модель центристской демократии такую угрозу видит.

На наш взгляд, этническая мобилизация сама по себе не может рассматриваться как угроза политической стабильности. Этническая мобилизация может рассматриваться отрицательно, только если она является частью этнополитического конфликта, который вышел за рамки законных процедур и привел к серьезным издержкам в виде всплеска насилия и межэтнической напряженности. С уверенностью можно сказать, что не бывает этнического конфликта без этнической мобилизации, однако конфликты бывают разными, а значит, разной бывает и этническая мобилизация.

Политические конфликты неизбежны, поскольку интересы социальных групп не совпадают и всегда идет борьба за ограниченные политические и социально-экономические ресурсы. Однако издержки политических конфликтов могут быть различны. Искусство политики во многом заключается в создании такой институциональной системы, где неизбежные противоречия в политической сфере смягчаются и не наносят вреда обществу, а политические конфликты носят ненасильственный характер.

Сторонники модели общественной демократии указывают, что этнические партии можно встроить в демократический процесс таким образом, чтобы интересы этнических групп были представлены в публичной политике. Для общественной демократии подходит парламентская форма правления, где основные сегменты общества представлены партиями, составляющими большую коалицию. Партии мобилизуют своих сторонников на основе разных идеологий. Общественная демократия основана на согласительном стиле взаимодействия политических элит, когда сотрудничество сегментов выступает важной политической ценностью. Однако подобный подход таит опасность. Стоит части элит выбрать путь конфронтации, как механизм общественной демократии перестает работать и весь политический процесс вступает в кризисный период. Рассмотрим, как этнические партии запускали процессы этнической мобилизации в разных демократических государствах Западной Европы.

Бельгия является этнофедерацией с крайне поляризованной партийной системой. При этом Бельгия значительно приблизилась к нормативной модели общественной демократии. Правительство Бельгии всегда формируется из партий, представляющих как Валлонию, так и Фландрию. Однако Бельгия в последние десятилетия скатывается в правительственные кризисы. Это связано с трудностями в процессе формирования коалиционного правительства. Среди партий Фландрии лидирующие позиции занимают Новый фламандский альянс и Фламандский интерес. Обе партии занимают правые позиции, выступая за автономию Фландрии, против либерализации миграции и за сохранение традиционных фламандских ценностей [Pilet 2021].

Правительство Бельгии было сформировано 1 октября 2020 г. после 21 месяца политического кризиса. Новый кабинет был приведен к присяге после установления мирового рекорда функционирования бельгийского временного правительства в условиях попыток сформировать коалиционное правительство. Рекорд составил 653 дня. Интересно, что предыдущий рекорд также принадлежал Бельгии и составлял 589 дней без правительства.

Бельгийская партийная система практически полностью состоит из региональных партий. К примеру, в Бельгии действуют две

социалистические партии – одна фламандская, другая валлонская. Во Фландрии есть две сильные этнорегиональные партии, упоминавшиеся выше. Несмотря на продолжительные правительственные кризисы, этническая мобилизация в Бельгии носит исключительно характер этнического голосования и не выливается в значимые масштабные акции, связанные со стремлением фламандцев к автономии. Публичные акции проводятся только партийными активистами и не имеют решающего значения. Таким образом, бельгийский политический процесс носит противоречивый характер. С одной стороны, этнополитический конфликт в Бельгии полностью институционализирован и не переходит на улицы. С другой стороны, успех фламандских националистов является тревожным сигналом. Бельгийская общенациональная гражданская идентичность во Фландрии ослабевает под натиском фламандских партий, и, к сожалению, не существует никаких гарантий по поводу будущего Бельгийской федерации. Будущее Бельгии находится в руках политических элит, которые должны не растерять умение находить сложный компромисс в условиях фрагментированного общества.

Великобритания, с одной стороны, похожа на Бельгию, но, с другой стороны, этнополитический конфликт принял иные формы. В 2014 г. этнорегиональная Шотландская национальная партия (ШНП) инициировала и провела референдум о выходе Шотландии из состава Великобритании. Всего 44% жителей Шотландии высказались за, и референдум закончился отрицательным результатом для ШНП. Однако после выхода Великобритании из состава ЕС, ШНП заявила о том, что будет пытаться провести новый референдум, поскольку большинство жителей Шотландии хотят быть гражданами ЕС. ШНП заявляет, что независимая Шотландия будет стремиться стать членом ЕС. Кроме того, лидеры ШНП заявили, что отказ в проведении референдума будет поводом для массовых акций протеста на территории всей Шотландии. В данном случае партия угрожает Лондону этнической мобилизацией своих сторонников. Таких угроз не наблюдалось в Бельгии [McCrone, Keating 2021].

Сам факт проведения референдума о выходе Шотландии из состава Великобритании говорит о демократичности политического процесса. Однако отдавать судьбоносные для государства вопросы на откуп избирателям может быть рискованно. Мало кто ожидал, что в 2016 г. большинство подданных Великобритании выскажутся за выход из состава ЕС. Итоги этого референдума привели к серьезному политическому кризису внутри консервативной партии. Экономические последствия выхода Великобритании из ЕС будут ясны позднее. Может ли простой избиратель принять верное решение в отношении столь сложного вопроса, как экономическая

и политическая интеграция? Может ли обыватель просчитать все последствия выбора того или иного решения? Вопрос сложный. В любом случае наличие этнорегиональных партий в Великобритании при отсутствии элементов общественной демократии делает политический процесс менее предсказуемым.

Максимальный уровень этнической мобилизации наблюдался в Испании. 1 октября 2017 г. в Каталонии состоялся референдум о независимости, организованный региональным правительством. В отличие от Великобритании центральное правительство Испании выступило против проведения референдума, признав его противоречащим конституции. Для приостановки референдума центральное правительство направило в Каталонию подразделения гражданской гвардии Испании. Часть счетных участков референдума были закрыты прибывшими подразделениями, в то время как региональная полиция не вмешивалась в этот процесс и отказалась переходить под контроль центрального правительства.

По итогам референдума подавляющее большинство избирателей Каталонии высказались за независимость, однако центральное правительство не признало его итогов. Против президента Женеалите-та Каталонии Карлеса Пучдемона было возбуждено уголовное дело, и он был вынужден бежать из Испании. К. Пучдемон был лидером блока каталонских партий, выступавших за проведение референдума. Их деятельность несомненно подготовила почву для политизации вопроса об автономии и независимости Каталонии. Движение за независимость Каталонии привело к значительным показателям политической мобилизации. На протяжении последних лет на протестные акции за независимость Каталонии выходят десятки тысяч жителей Барселоны. Справедливости ради отметим, что не меньшее количество людей в 2017 г. собрала политическая акция за единство Каталонии с Испанией [Lopez, Sanjaume-Calvet 2020].

Каталония имеет сильную региональную идентичность. Сложно однозначно ответить на вопрос о том, насколько именно этнические интересы являлись катализатором политической мобилизации или все же в основе событий 2017 г. главенствуют экономические интересы граждан региона. Скорее здесь мы имеем дело с этнорегиональной идентичностью, где смешиваются стремление к уважению культурных прав и стремление увеличить бюджет региона, отказавшись от отправки налогов в общенациональный бюджет Испании.

Испания не ставит вопроса о запрете этнических партий, однако центральное правительство ясно дало понять, что у него хватит воли защищать единство государство всеми доступными методами, включая силовые. Вопрос о независимости Каталонии также остается нерешенным и в будущем можно ожидать новых всплесков

этнической мобилизации. Политические элиты Каталонии в 2017 г. пошли на серьезный риск, обострив обстановку в стране. Это очень тревожный прецедент, учитывая, например, что в регионе Страны Басков долгое время действовали террористические организации, избравшие вооруженную борьбу за независимость своего региона.

Приведенные выше иллюстрации из европейской политики показывают, что этническая мобилизация принимает различные формы и значения. Бельгию, Великобританию и Испанию объединяет единая форма правления – парламентская конституционная монархия. Данная форма правления рассматривается сторонниками общественной демократии как предпочтительная, однако только в сочетании с другими институциональными механизмами, которые в Великобритании и Испании отсутствуют полностью, а в Бельгии дают серьезные сбои. Парламентская форма правления в условиях фрагментированного общества предъявляет серьезные требования к политическим элитам. Без навыков поиска и поддержания межэтнического согласия политическим элитам будет сложно сформировать правительство. Однако было бы ошибочно утверждать, что введение президентской формы правления приведет к устранению всех межэтнических противоречий. Создание устойчивой политической системы в полиэтничном обществе является сложной задачей, требующей от политиков высокой компетентности и мастерства государственного управления. Многие упирается в формирование сильной общегражданской идентичности, которая станет для граждан важнее их этнической принадлежности. Насколько этнические партии будут противостоять формированию общегражданской идентичности? Это будет зависеть от диалога политических элит центра и периферии. В демократических государствах, как при президентской, так и при парламентской форме правления, есть институциональные возможности для поиска межэтнического согласия. Институциональная среда важна, но она вторична по отношению к готовности элит к сотрудничеству.

Политическая мобилизация этнических групп принимает разнообразные формы и значения в зависимости от конкретной общественно-политической ситуации в государстве. Не будет преувеличением сказать, что интенсивность политического конфликта во многом зависит от показателей и форм политической мобилизации. Как было показано выше, этническая мобилизация может совпадать с электоральным участием этнических групп, а может принимать довольно масштабные формы, как это происходило и происходит в Испании. Политики должны помнить об ответственности за свои действия и понимать, что призывы к политической мобилизации этнических групп могут быть опасными инструментами в борьбе за политическую власть.

Литература

- Horowitz 1985 – *Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. Berkeley, Los Angeles: Univ. of California Press, 1985. 712 p.
- Lijphart 1977 – *Lijphart A.* Democracy in plural societies. A comparative exploration. New Heaven: Yale Univ. Press, 1977. 248 p.
- Lopez, Sanjaume-Calvet 2020 – *Lopez J., Sanjaume-Calvet M.* The political use of de facto referendums of independence the case of Catalonia // *Journal of Representative Democracy*. 2020. Vol. 56. No. 4. P. 501–519.
- McCron, Keating 2021 – *McCrone D., Keating M.* Questions of sovereignty. Redefining politics in Scotland? // *The Political Quarterly*. 2021. Vol. 92. No. 1. P. 14–22.
- Pilet 2021 – *Pilet J-B.* Hard times for governing parties. The 2019 federal elections in Belgium // *West European Politics*. 2021. Vol. 44. No. 2. P. 439–449.

References

- Horowitz, D. (1985), *Ethnic groups in conflict*, University of California Press, Los Angeles, CA, USA.
- Lijphart, A. (1977), *Democracy in plural societies. A comparative exploration*, Yale University Press, New Haven, CT, USA.
- Lopez, J. and Sanjaume-Calvet, M. (2020), “The political use of de facto referendums of independence the case of Catalonia”, *Journal of Representative Democracy*, vol. 56, no. 4, pp. 501–519.
- McCrone, D. and Keating, M. (2021), “Questions of sovereignty. Redefining politics in Scotland?”, *The Political Quarterly*, vol. 92, no. 1, pp. 14–22.
- Pilet, J-B. (2021), “Hard times for governing parties. The 2019 federal elections in Belgium”, *West European Politics*, vol. 44, no. 2, pp. 439–449.

Информация об авторе

Виктор В. Сидоров, кандидат политических наук, Казанский (При-волжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18; *Viktor.Sidorov@kpfu.ru*

Information about the author

Viktor V. Sidorov, Cand. of Sci. (Political Science), Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; bld. 18, Kremlyovskaya St., Kazan, Russia, 420008; *Viktor.Sidorov@kpfu.ru*

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 323.12(470.67)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-102-113

Территориальный фактор конфликтогенности политических отношений в Республике Дагестан

Илья Н. Тарасов

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия, I.Tarasov@kantiana.ru*

Абас А. Абдуллаев

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия, abas82@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена одному на первый взгляд малозаметному феномену разворачивания регионального политического процесса в Республике Дагестан – территориальности. Казалось бы, российским и зарубежным исследователям хорошо известна эта характеристика северокавказских регионов. Вместе с тем фактор территориальности нередко игнорируется не только в исследованиях, но и в реальной политической практике. Когда речь заходит о конфликтогенности политических отношений, на первый план выходят социальные, экономические и культурно-исторические факторы. Они действительно более объемны по своему содержанию и силе воздействия, чем территориальность. Авторы обращают внимание на то, что в дагестанской действительности территориальность выступает в качестве связующего звена в генезе конфликтности. На местном уровне в тугой узел затягиваются разнородные противоречия социального, экономического и культурно-исторического характера. Руководствуясь принципами социокультурного подхода и опираясь на широкую трактовку этнотерриториального конфликта, авторы показывают значимость фактора территориальности не только для поземельных отношений в этнитетах и на их границах, но и в целом для содержательного наполнения региональной политики в Дагестане. В статье дана ретроспектива основных этапов формирования и воспроизводства этнотерриториальных сообществ. На некоторых примерах этнотерриториальных конфликтов последних лет показана опасность недооценки фактора территориальности в процессе управления локальными конфликтами. Авторы приходят к выводу о необходимости

выработки научно обоснованной федеральной политики регионального развития Северного Кавказа, в которой территориальность понимается как узловой элемент государственного управления.

Ключевые слова: территориальность, регион, политический процесс, Дагестан, этнотерриториальный конфликт, политико-территориальная фрагментация

Для цитирования: Тарасов И.Н., Абдуллаев А.А. Территориальный фактор конфликтогенности политических отношений в Республике Дагестан // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 102–113. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-102-113

Territorial factor of conflict-geneity of political relations in the Republic of Dagestan

Ilya N. Tarasov

*Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia, ITarasov@kantiana.ru*

Abas A. Abdullayev

*Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia, abas82@yandex.ru*

Abstract. The article is concerned with a seemingly unnoticeable phenomenon of the regional political process in the Republic of Dagestan: territoriality. It would seem, that Russian and foreign researchers are aware of that characteristic of the North Caucasus regions. However, the factor of territoriality is often ignored not only in research, but also in real political practice. When it comes to the conflict-geneity of political relations, social, economic, and cultural-historical factors come to the fore. They are indeed more voluminous in their content and impact than territoriality. The authors draw attention to the fact that in the Dagestan reality territoriality is a link in the genesis of conflict. At the local level, diverse contradictions of a social, economic, and cultural-historical nature are tightly knotted. Guided by the principles of social-cultural approach and based on a broad interpretation of ethnoterritorial conflict, the authors show the importance of the territoriality factor not only for land relations in local ethnic territory and on their borders, but also for the content of regional policy in Dagestan in general. The article provides a retrospective of the main stages in the formation and reproduction of ethnoterritorial communities. Some cases of ethnoterritorial conflicts in recent years demonstrate the danger of underestimating the territoriality factor in local conflict management. The authors conclude that a scientifically substantiated federal policy of regional development in the North

Caucasus must be developed, in which territoriality is understood as a central element of the state governance.

Keywords: territoriality, region, political process, Dagestan, ethnoterritorial conflict, political-territorial fragmentation

For citation: Tarasov, I.N. and Abdullaev, A.A. (2022), "Territorial factor of conflict-geneity of political relations in the Republic of Dagestan", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no 3, pp. 102–113, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-102-113

Постановка проблемы

Замедление темпов глобализации, наблюдаемое последние несколько лет, характеризуется мировым промышленным перепроизводством, ограничениями в международной торговле, склонностью национальных правительств к протекционизму, а также сохранением угрозы массового прогрессивного распространения инфекционных заболеваний, что ведет к усилению поляризации территориальных интересов. Среди прогнозируемых последствий этого тренда – укрепление контроля над подчиненными территориями, усиление ограничений их автономии, проявление экспансионизма.

С точки зрения политической географии и регионалистики наиболее общим понятием, сохраняющим за собой объяснительный потенциал, выступает «территориальность». Сформулированное в рамках прикладной зоологии за последние 100 лет понятие заняло свое место в социогуманитарных науках, прибавляя к биологическим спецификациям социологические и политологические измерения этого феномена.

Наряду с центр-периферийной концепцией территориальность выступает важным компонентом объяснения неравномерности социально-политического развития регионов и возможных последствий с точки зрения их модернизации. По мнению профессора А.И. Трейвиша, различия между центром и периферией – самый простой в понимании и мощный по воздействию импульс территориального неравенства [Трейвиш 2001]. В странах Запада за последние 35–40 лет неравномерное развитие территорий сглаживалось привилегированным статусом в международном разделении труда. В то же время в обществах периферийного капитализма по-прежнему «слабые квазигосударства легко сводятся к роли местных полицейских участков, обеспечивающих ту долю порядка, которая требуется для ведения бизнеса» [Бауман 2002, с. 429]. Это может инициировать как «территориально-политическую фрагментацию

государственных образований», так и их централизацию [Родионова 2009; Удалов, Колобов 2011]. Как указывает А.Ю. Завалишин, и в том, и в другом случае речь идет о трансформации территориальных социумов или социально-территориальных общин, что вызывает рост политической конфликтогенности на региональном уровне [Завалишин 2009, с. 153–154]. Очевидно, что попытки волюнтаристски перестроить любой функциональный уровень региональной организации «порождает неравенство социального положения его субъектов как вещественного (экономические и прочие блага и преимущества), так и позиционного характера (место в структуре власти, возможности обеспечения доминирования той или иной системы интересов и ценностей)» [Лубский 2009, с. 43].

Цель нашей работы – выявление значимости территориального фактора в политических отношениях внутри Дагестана. Территориальность – одна из важных для региона характеристик, во многом влияющая на генезис политической конфликтности. В качестве рабочей гипотезы мы выдвигаем предположение о том, что, несмотря на существенные различия по уровню социально-экономического развития, модернизации, урбанизации, индустриализации и этнокультурного фундамента в разных частях субъекта федерации (Северный, Центральный, Нагорный и Южный Дагестан), территориальные противоречия (особенно в сфере поземельных отношений) определяют содержание политических отношений на местном (реже – на региональном) уровне. В особенности наше внимание привлечено к ареалам схождения интересов разных этнотерриториальных групп.

К числу наиболее опасных сценариев развития региональной политической конфликтогенности следует отнести развертывание этнотерриториального конфликта. Его мы понимаем в широком смысле, придерживаясь позиции, что «любое притязание на территорию уже есть конфликт, если он отвергается другой стороной-участницей спора» [Стрелецкий 1997, с. 225]. С позиции применяемого нами социокультурного подхода предметом исследования выступают особенности социальной структуры, национальной психологии и традиций сторон конфликта, где важны временная протяженность и фазы развития конфликта, без которых невозможно сформировать адекватное представление о его генезе.

Анализ региональной ситуации

Россия, будучи территориально обширным и этнически неоднородным государством, в той или иной степени испытывает

на себе влияние вышеперечисленных обстоятельств. В частности, анализ российской политической практики подтверждает тезис о несопоставимости влияния элит и общества в качестве акторов политического процесса [Шестопап 2016]. Все же, события в Шиесе (2018–2020), близ горы Куштау (2020 г.) или в Ингушетии (2012, 2018–2019) продемонстрировали, что территориальные сообщества способны к стихийной самоорганизации. В ингушском случае отличия от других регионов страны просматриваются довольно ясно и видятся в большей плотности «социальных связей, в механизмах солидарности, способных охватить заметные слои местных жителей, вывести их на публичные акции. Эта солидарность может работать на защиту прав жителей, а может – на защиту клановых лидеров»¹.

Оценивая обстоятельства территориального спора между Чеченской Республикой и Ингушетией в 2012 г. и в 2018–2019 гг., В.А. Авксентьев полагает, что конфликт показал реальную возможность деэскалации до тех пор, пока в него не вовлечены массы [Авксентьев 2018]. Более обширные исследования на эту тему по Дагестану, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ставрополью дают иную оценку данной корреляции. В частности, находит подтверждение тезис о том, что политическая борьба внутри кавказских сельских сообществ перерастает в масштабный и зачастую кровавый конфликт преимущественно после того, как происходит вмешательство извне [Салгириев 2015; Атаева, Пак 2018; Ерохин, Воробьев, Авдеев 2019].

Сегодня в регионах Северного Кавказа государственные институты и крупный бизнес обладают наибольшим потенциалом по активному влиянию на ту или иную конфликтную ситуацию, в том числе и вопросах ее полноценного, всестороннего информационного сопровождения. Однако на практике зачастую заинтересованные стороны используют СМИ «для оказания информационного давления на соперника, дезинформации, манипулирования, дискредитации и формирования позитивного или негативного образа как самого конфликта, так и любого из его участников» [Кинаш 2017, с. 65]. Подобные приемы нередко приводят как к делегитимации доводов соперника, так и к расширению повестки конфликта, а отнюдь не к его рационализации.

Так, отстаивая свою позицию в отношении установки дорожного знака (знак 6.9.2 – Предварительный указатель направления,

---

¹ *Казенин К.* Кавказские кланы переживают упадок: Что это означает для Кремля? URL: <http://2017.vybor-naroda.org/stovyborah/104576-kavkazskie-klany-perezvivayut-upadok-chto-eto-oznachaet-dlya-kremlya.html> (дата обращения 10 мая 2022).

с текстом: «ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА Шелковской р-н») на окраине дагестанского Кизляра летом 2019 г., власти Чечни дополнительно артикулировали претензию о затягивании восстановления Ауховского района Дагестана². Такие ситуации предопределяют опасность не только из-за дефицита публичности и неопределенности позиции институтов государственной власти федерального уровня, но и из-за игнорирования голоса местных сообществ³. В таком случае рядовая административно-территориальная проблема политизируется, а как показали события осени 2018 г. в Кабардино-Балкарии, историческая память в условиях политизированной этничности может выступить конфликтогенным фактором [Авксентьев 2018].

В Дагестане, наиболее крупном по площади и численности населения регионе Северо-Кавказского федерального округа с большим этническим многообразием территориальных сообществ, указанная нами проблема ощущается весьма остро. Несмотря на проводимые в советский период модернизационные преобразования, сохраняется исторически сложившаяся этническая гомогенность на значительной части внутренних территорий региона. Постоянные действия местных властей по изменению административного и/или хозяйственного, и/или языкового статуса той или иной территории, а также несбалансированная кадровая политика поддерживают межэтническую напряженность в той или иной степени на всех уровнях социального взаимодействия, регулярно выводя эти проблемы в разряд политических. В республике по-прежнему крепки политические позиции локальных этнитетов.

В новейшей истории республики характер взаимодействия территориальных сообществ с региональными политическими структурами разного уровня не был единообразным и менялся под воздействием ряда факторов.

В 1990-х гг. воздействие этнической территориальности на региональный политический процесс получило мощный импульс. На начальном этапе политической институционализации (первая половина 1990-х гг.) активное политическое участие этнотерриториальных групп воспринималось исключительно как способ легитимации формировавшихся в тот период политических структур. И зачастую институты, формально претендовавшие

---

² Магомедов Р. Перешли границу дозволенного... // Черновик. 2019. 14 июня.

³ Меламедов А., Сагитов Г. Колья конфликта: Бездействие дагестанских властей может спровоцировать массовые беспорядки // Новое дело. 2020. 20 июня.

на представительство интересов территориальных социумов, либо никогда не имели полноценного мандата на это (Съезды народов Дагестана)⁴, либо, декларируя такую функцию в период институциональных кризисов 1991 г. и 1993 г. (Госссовет, Народное собрание), уже к концу 1990-х гг. вернулись к прежнему номенклатурному формату распределения власти в регионе [Абдуллаев 2021].

Внесение ряда институциональных изменений в 2000-х гг. значительно ограничило всевластие этнономенклатуры в регионе, что заметно сократило возможности политического участия территориальных сообществ на региональном уровне, но сохранило такие возможности на уровне муниципалитетов. Институт местного самоуправления в тот период выступал фактором усиления территориально-политической фрагментации региона. Межэтнические противоречия и конфликты становились значимой (но не первостепенной) частью политической повестки, которая в большей степени реагировала на динамику внерегиональной конъюнктуры.

Так, окончание контртеррористической операции в Чеченской Республике (апрель 2009 г.) оказало влияние на завершение политического цикла в Дагестане (2010), и в других северокавказских регионах. В тот период по всему Северному Кавказу наблюдался рост числа разноименных национальных съездов, национально-культурных автономий и тому подобных образований⁵. Вместе с тем наиболее значимым фактором политико-территориальной фрагментации региона в тот период выступила деструкция государственной собственности на землю в рамках аграрной реформы.

Потенциал оппозиционных групп интересов, прежде несопоставимый с возможностями властных групп, получал в формате муниципальных «автономий» шанс консолидированного участия в избирательных кампаниях различного уровня⁶. В частности, активизировался так называемый Северный альянс – наиболее известное неформальное политическое объединение в регионе, получившее наименование по территориальному признаку, которое внесло значимый вклад в избрание главой Дагестана М.Г. Алиева в 2006 г. С приходом крупного капитала в регион и государственного

---

⁴ Саркаров А. Съезды народов Дагестана: декларируется одно, проводится другое. URL: <https://riaderbent-ru.turbopages.org/riaderbent.ru/s/sezdy-narodov-dagestana-deklariruyetsya-odno-provoditsya-druogo.html> (дата обращения 10 мая 2022).

⁵ Шахбанова Т., Пинатова М. Национальное возбуждение Дагестана // Мой Дагестан. 2012. 26 окт.

⁶ Иутенков А. Когда вдруг прилетит вертолет // Совершенно секретно. 2016. 18 янв.

рейдерства в середине 2000-х гг. конфликты с территориальными сообществами вышли на новый уровень [Винокур, Мугатарова 2015].

Необходимо отметить, что с установлением Россией существенных ограничений продовольственного импорта (2014) сельское хозяйство стало превращаться в более привлекательный объект для рейдерства в республике. В то время скоротечное и практически тотальное свертывание промышленного производства в традиционно аграрном Дагестане привело к негативным социальным последствиям раньше, чем в остальных регионах Северного Кавказа.

Нами были изучены случаи поземельных споров, описанные в региональных периодических изданиях «Новое дело» и «Черновик» за период с 2015 по 2021 г. В силу включенности политических структур различного уровня в процесс перераспределения земельного фонда региона, масштабности этнических территорий, вовлеченных в него, объемности ресурсов, используемых в ходе его развертывания, такие споры свидетельствуют о высоком конфликтогенном потенциале поземельных отношений в Дагестане. Последствия для этнических территорий варьируются от латифундизации до фрагментации с целью изменения их функционала в пользу отраслевого или иного корпоративного интереса. Эксплуатация земель зачастую осуществляется в форме долгосрочной аренды, что предопределяет ведение бизнеса с сугубо потребительских позиций и не требует привлечения больших трудовых ресурсов, новых технологий, соблюдения требований экологической безопасности.

Отметим, что упразднение Госсовета и формирование Заксобрания по партийным спискам в свое время лишь усилили конфликтогенность на местах. Формально выборный характер формирования региональной legislatures требовал сохранения этнотерриториальной повестки для защиты как уже контролируемых этнических территорий, так и перспективных для экспансии. В свое время значимость территориальных интересов была подчеркнута и учтена в процессе постконфликтного урегулирования в Чечне, в том числе при решении вопросов формирования органов государственной власти [Жамалдаев, Тарасов 2006].

Логическим завершением процесса централизации должны были стать всенародные выборы главы региона, однако федеральный центр, как известно, отказался от этой идеи. Последовавшие меры репрессивного характера, конкурсные комиссии, региональные полпредства, практические полное упразднение института этнического квотирования – все эти изменения значительно ослабили политические возможности территориальных сообществ.

Заключение

Наиболее важным итогом политических изменений последнего десятилетия стало существенное нарушение этнополитического баланса в пользу наиболее крупной по численности территориальной общности региона. Попытка эксплуатировать этнический ресурс для создания лояльных структур на местах зачастую приводит к открытому противостоянию. Вариативность алгоритмов развития конфликтов коррелирует как со степенью этнической гомогенности территориальных сообществ, так и со спецификой генезиса того или иного конфликта. К примеру, если в Буйнакске в 2016 г. удалось направить конфликтующие этнитеты к разрешению противоречий при непосредственном участии административных и судебных органов, то в 2017 г. в Кумторкалинском и Ногайском районах попытка этнического большинства в одностороннем порядке определить руководство этих муниципалитетов привела к массовым акциям протеста.

Фактически администрация В.А. Васильева была первой в новейшей истории Дагестана, не представлявшей напрямую интересы того или иного территориального сообщества региона. Одной из последних по времени иллюстраций нивелирования этнотерриториального фактора в региональной повестке является переход соборной мечети Кизляра под юрисдикцию Духовного управления мусульман России (2021). Можно ли говорить об упадке прежних кланово-клиентельных структур с опорой на широкие общественные массы в региональном политическом процессе?

Очевидно, что территориальные проблемы в Дагестане остаются важным компонентом региональной политической конфликтности, так как противоречия, накопленные за длительный период, не только не разрешаются хотя бы частично, а наоборот, усугубляются нередко по причине игнорирования властями проблем этнических территориальных общностей, переноса внимания на текущие вопросы политической повестки. Формирование и воспроизводство этнотерриториальных сообществ в республике продолжается, хотя и замедлилось. Существенное противодействие фрагментации регионального политического пространства могла бы оказать федеральная политика регионального развития Северного Кавказа, которая проявляет себя крайне избирательно. Одним из мощных триггеров конфликтности остаются неурегулированные проблемы поземельных отношений, на которые накладываются накапливающиеся этнополитические противоречия. В ситуации хрупкой социально-политической стабильности (разве что стабильно неудовлетворительного состояния дел в региональной экономике и социальной сфере) территориальность, которая,

как правило, является далеко не первостепенным фактором, в нынешнем Дагестане становится все более значимой характеристикой общественных размежеваний.

Литература

- Абдуллаев 2021 – *Абдуллаев А.А.* Внутренняя миграция как фактор регионального политического процесса в Республике Дагестан: Автореф. дис. ... канд. пол. лит. наук. Калининград, 2021. 24 с.
- Авксентьев 2018 – *Авксентьев В.А.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе: стабилизация, факторы, риски // *Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы: Материалы Всеросс. науч. конф.*, Москва, 30 ноября 2018 г. / Отв. ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2018. С. 131–140.
- Атаева, Пак 2018 – *Атаева Ф.А., Пак Л.Е.* Специфика и особенности этнополитической ситуации в регионах Северного Кавказа // *European Social Science Journal*. 2018. № 10. С. 520–525.
- Бауман 2002 – *Бауман З.* Национальное государство: Что дальше? // *Отечеств. зап.* 2002. № 6. С. 419–435.
- Винокур, Мугатарова 2015 – *Винокур И.Р., Мугатарова А.А.* Рейдерство в России: проблемы и пути решения // *Проблемы современной экономики*. 2015. № 3 (55). С. 161–166.
- Ерохин, Воробьев, Авдеев 2019 – *Ерохин А.М., Воробьев С.М., Авдеев Е.А.* Конфликтогенный потенциал этнополитических процессов на Северном Кавказе // *Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. Сер.: «История и право»*. 2019. Т. 9. № 5. С. 123–133.
- Жамалдаев, Тарасов 2006 – *Жамалдаев Ш.В., Тарасов И.Н.* Роль парламента в демократизации политической системы // *Власть*. 2006. № 3. С. 51–57.
- Завалишин 2009 – *Завалишин А.Ю.* Социально-территориальная общность как пространство социального действия // *Вестник ТОГУ*. 2009. № 1(12). С. 145–154.
- Кинаш 2017 – *Кинаш Ю.С.* Фактор информационных влияний в политических конфликтах // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12 «Политические науки»*. 2017. № 4. С. 64–67.
- Лубский 2009 – *Лубский А.В.* Юг России: методологические проблемы локально-цивилизационного исследования // *Гуманитарный ежегодник: Сб. ст. / Отв. ред. Ю.Г. Волков. М.; Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2009. С. 42–51.*
- Родионова 2009 – *Родионова О.В.* Территориальность государства в контексте глобализации // *Вестн. РГГУ. Сер. «Экономика. Управление. Право»*. 2009. № 11. С. 15–19.
- Салгириев 2015 – *Салгириев А.Р.* Политические элиты в контексте этнополитических процессов на Северном Кавказе // *Центральная Азия и Кавказ*. 2015. Т. 18. № 3–4. С. 28–35.

- Стрелецкий 1997 – *Стрелецкий В.Н.* Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. М.: Моск. центр Карнеги, 1997. С. 225–249.
- Трейвиш 2001 – *Трейвиш А.И.* Региональное развитие и регионализация России: специфика, дилеммы и циклы // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы / Науч. ред. А.И. Трейвиш, С.С. Артоболевский. М.: УРСС, 2001. С 39–67.
- Удалов, Колобов 2011 – *Удалов В.С., Колобов О.А.* Система «центр – периферия» в современном политическом процессе // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2(1). С. 297–301.
- Шестопал 2016 – *Шестопал Е.Б.* Элиты и общество как политические акторы постсоветской России // Социолог. исслед. 2016. № 5. С. 35–43.

References

- Abdullaev, A.A. (2021), *Vnutrennyaya migratsiya kak faktor regional'nogo politicheskogo processa v Respublike Dagestan* [Internal migration as a factor in the regional political process in the Republic of Dagestan], Abstract of Ph.D. dissertation (Political Sciences), Kaliningrad, Russia.
- Ataeva, F.A. and Pak, L.E. (2018), “Specifics and characteristics of the ethno-political situation in the regions of the North Caucasus”, *European Social Science Journal*, no. 10, pp. 520–525.
- Avksent'ev, V.A. (2018), “Ethno-political processes in the North Caucasus. Stabilization, factors, risks”, in Omarov, M.A. (ed.), *Naciestroitel'stvo: sostojanie, problemy, perspektivy. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 30 noyabrya 2018 goda* [Nation-building. State, issues, prospects. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Moscow, November 30, 2018], RGGU, Moscow, Russia, pp. 131–140.
- Bauman, Z. (2002), “Nation-state. What's next?”, *Otechestvennye zapiski*, no. 6, pp. 419–435.
- Erokhin, A.M., Vorob'ev, S.M. and Avdeev. E.A. (2019), “Conflictogenic potential of ethno-political processes in the North Caucasus”, *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*, vol. 9, no. 5, pp. 123–133.
- Kinash, Yu.S. (2017), “The factor of the information influences in political conflicts”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, no. 4, pp. 64–67.
- Lubskii, A.V. (2009), “South of Russia. Methodological issues of local civilizational research”, in Volkov, Yu.G. (ed.), *Gumanitarnyi ezhegodnik. Sbornik statei* [The Humanities Yearbook. Digest of articles], Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, Moscow, Rostov-on-don, Russia, pp. 42–51.
- Rodionova, O.V. (2009), “Territoriality of the state in the context of globalization”, *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 11, pp. 15–19.

- Salgiriev, A.R. (2015), "Political elites in the context of ethno-political processes in the North Caucasus", *Central'naya Aziya i Kavkaz*, vol. 18, no. 3–4, pp. 28–35.
- Shestopal, E.B. (2016), "Elites and society as political actors of post-Soviet Russia", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 35–43.
- Streleckii, V.N. (1997), "Ethnoterritorial conflicts. Essence, genesis, types", in Olcott, M., Tishkova, V. and Malashenko, A. (eds.) *Identichnost' i konflikt v postsovetskikh gosudarstvakh* [Identity and conflict in the post-Soviet states], Moskovskii tsentr Karnegi, Moscow, Russia, pp. 225–249.
- Treivish, A.I. (2001), "Regional development and regionalization of Russia. Specifics, dilemmas and cycles", in Treivish, A.I. and Artobolevskii, S.S. (eds.), *Regionalizatsiya v razvitiy Rossii: geograficheskie processy i problemy* [Regionalization in Russia's development. Geographical processes and issues], URSS, Moscow, Russia, pp. 39–67.
- Udalov, V.C. and Kolobov, O.A. (2011), "The 'center-periphery' system in the modern political process", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, vol. 1, no. 2, pp. 297–301.
- Vinokur, I.R. and Mugatarova, A.A. (2015), "Raiding in Russia. Issues and solutions", *Problemy sovremennoi jekonomiki*, vol. 55, no. 3, pp. 161–166.
- Zavalishin, A.Yu. (2009), "Social-territorial community as a space of social action", *Vestnik TOGU*, vol. 12, no. 1, pp. 145–154.
- Zhamaldaev, Sh.V. and Tarasov, I.N. (2006), "The role of parliament in the democratization of the political system", *Vlast'*, no. 3, pp. 51–57.

Информация об авторах

Илья Н. Тарасов, доктор политических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, д. 14; ITarasov@kantiana.ru

Абас А. Абдуллаев, кандидат политических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, д. 14; abas82@yandex.ru

Information about the authors

Ilya N. Tarasov, Dr. of Sci. (Political Science), Immanuel Kant Baltic Federal University; Kaliningrad, Russia; bld. 14, A. Nevsky St., Kaliningrad, Russia, 236016; ITarasov@kantiana.ru

Abas A. Abdullaev, Cand. of Sci. (Political Science), Immanuel Kant Baltic Federal University; Kaliningrad, Russia; bld. 14, A. Nevsky St., Kaliningrad, Russia, 236016; abas82@yandex.ru

Имидж политических партий в цифровую эпоху развития российского общества

Андрей В. Махрин

*Тульский государственный университет,
Тула, Россия, machrin@mail.ru*

Аннотация. Современное цифровое развитие общества диктует политическим партиям не только заниматься повседневной деятельностью, которая традиционно характерна для них, но и развивать свое цифровое присутствие в интернет-пространстве. В статье рассматривается имидж политических партий России в рамках развития цифрового общества, доказывается необходимость использования партийных официальных аккаунтов в социальных сетях, объясняется взаимосвязь дальнейшего продвижения политических партий среди населения России и активное ведение своих пабликов. Доказывается, что подобная деятельность должна способствовать привлечению в свои ряды новых партийных членов или позволит партиям улучшить свой имидж. Статья написана по результатам исследования партийных телеграмм-каналов и аккаунтов в социальной сети «ВКонтакте». Выделен ряд коммендаций по дальнейшему формированию имиджа политических партий в условиях цифровизации. Выводы исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения имиджа политических партий в рамках цифрового развития российского общества, а также могут быть использованы политическими партиями, специалистами по связям с общественностью в плане развития и продвижения партийных аккаунтов в социальных сетях.

Ключевые слова: политические партии, имидж, цифровая среда, социальная сеть, телеграмм-канал

Для цитирования: Махрин А.В. Имидж политических партий в цифровую эпоху развития российского общества // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 114–128. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-114-128

The image of political parties in the digital era of the Russian society development

Andrei V. Makhrin
*Tula State University,
Tula, Russia, machrin@mail.ru*

Abstract. The modern digital development of society dictates that political parties not only engage in daily activities that are traditionally characteristic of them, but also develop their digital presence in the Internet space. The article discusses the image of political parties in Russia within the framework of the digital society development and proves the need for them to use their official accounts in social networks. It also explains the relationship between the further promotion of political parties among the population of Russia and the active maintenance of their party publics in social networks. The paper argues that such activities should help attract new party members to their ranks or allow parties to improve their image. The article was written based on the results of a studying the party telegram channels and accounts on the VKontakte social network. A number of comments are made on the further formation of the political parties image in the context of digitalization. The findings of the study can be used to further study the image of political parties in the digital development of Russian society, and can also be used by political parties, public relations specialists in terms of developing and promoting party accounts in social networks.

Keywords: political parties, image, digital environment, social network, telegram-channel

For citation: Makhrin, A.V. (2022), "The image of political parties in the digital era of the Russian society development", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 114–128, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-114-128

Политические партии возникли как организации по представлению интересов населения в процессе принятия политических решений. Для времени, когда они появились, это было уникальным явлением. И именно поэтому традиционные институты власти не были настроены на полноценное включение партий в систему распределения властных полномочий. Понадобилось огромные ресурсы для имплементации партий в политическую систему общества.

В то же самое время необходимо отметить, что в XIX и в начале XX в. партии были необходимы для развития не только

политических отношений, но и всех сфер общественных отношений. В программах партий прямо прописывались социально-политические и экономические ценности, которые должны были стать приоритетным направлением в политическом процессе в том в случае, если партия придет к власти и будет ее осуществлять. Среди подобных ценностей мы можем назвать: коллективизм или индивидуализм, права и свободы человека, толерантность, порядок и законность, приоритет личности над государством или же приоритетное направление в развитии государства и общества, мир и т. д.

На сегодня мы также говорим о том, что политические партии несут в себе вышеуказанные ценности. Однако в них практически отсутствуют классовый, групповой аспекты. В настоящее время мы наблюдаем трансформацию партий в сторону центризма, которая сочетает в себя ценности разных политических идеологий. Парадокс состоит в том, что партия – продукт классовых, групповых противоречий, что партии возникли как реакция отдельных слоев населения на действия тогдашней политической элиты, а на сегодня партии – это организации, которые не дифференцируют население. Сегодня партии представляют собой организации, которые создаются для того, чтобы примерить разные слои населения, чтобы не допустить раскола в обществе и предотвратить различные конфликтные ситуации.

Очевидно, что институты государственной власти построены по такому принципу максимально полноценного представления интересов населения в политике, разрозненные и иногда противоположные ценности политические институты аккумулируют, обобщают, формируют из них политическую повестку, которая будет единой для большинства членов общества. Политические партии вынуждены встраиваться в этот процесс, иначе государственные политические институты не смогут включить партии в институциональную матрицу. Данный процесс мы наблюдаем в рамках отсутствия регистрации в нашем государстве тех политических партий, которые пытаются разрушить сложившийся в политической системе порядок. Подобные партии принято называть несистемной оппозицией. Этот феномен существует в стране уже около 20 лет, однако мы не можем сколько-нибудь серьезно говорить о его имидже, так как нет достоверных эмпирических данных на эту тему.

Вместе с тем мы наблюдаем развитие партийной системы уже в институциональных рамках действующего в политической системе порядка, а именно: по результатам выборов в Государственную Думу ФС РФ в 2021 г. прошли пять политических партий

по партийным спискам, а также по одному мандату получили «Партия Роста», «Родина», «Гражданская платформа», т. е. в составе депутатского корпуса федерального парламента количество депутатов от других партий увеличилось, однако на политический расклад в парламенте это событие сильно не повлияло: девять из четырнадцать политических партий в совокупности по федеральным спискам получили примерно 8,85% голосов, что, конечно, свидетельствует об отсутствии у граждан России высокой мотивации на включение других партий в систему представительства их интересов в политике.

Зададимся вопросом о том, в какой степени существующая партийная система необходима современному избирателю. По данным опроса, проведенного уже после выборов в Государственную Думу VIII созыва исследовательским центром «Левада-центр» (признан иноагентом), более половины избирателей задолго определились со своим выбором¹. И стоит пояснить, что итоги выборов опрошенные в целом не оспаривают. Таким образом, складывается впечатление, что институциональный дизайн партийной системы оказался тем, что хотели видеть в Государственной Думе избиратели. Отчасти это объясняет существование с 2011 г. в федеральном представительном органе партий из «большой четверки». Те ценности, которые они предлагали на протяжении последних трех-четырёх электоральных циклов, могут свидетельствовать о высокой степени традиционализма в российской действительности. Например, в период пандемии COVID-19 российский парламент и VII, и VIII созывов принял целый пакет законодательных норм, которые защищают российские семьи, бизнес-сообщество, пенсионеров и т. д. Все политические партии, входившие в Государственную Думу VII созыва, поддержали (с оговорками) изменения, вносимые в Конституцию РФ в 2020 г., среди которых были такие ценности, как забота о детях, повышение роли государства в международных вопросах, указание на то, что наше государство является правопреемником Советского Союза, указание на то, что мы чтим память предков, которые передали нам идеалы и веру в Бога, повышение роли русского языка и т. д. За внесение этих и других поправок в Конституцию РФ проголосовали 77,92% избирателей. Конечно, надо иметь в виду, что определенная часть избирателей основывалась в своем выборе на мнении лидеров парламентских партий. Таким образом, сложившаяся партийная система

---

¹ Итоги выборов депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/05/itogi-vyborov/> (дата обращения 30 апреля 2022).

отчасти может свидетельствовать о том, что в массовом сознании сформировался устойчивый позитивный имидж политических партий.

Однако в эпоху развития цифровой коммуникации политическим партиям приходится делить свое представительство интересов населения с другими альтернативными формами и институтами. Данный процесс стал наблюдаться в связи с переходом от технологий Web 1.0 к Web 2.0, которая позволяет осуществлять интерактивное взаимодействие и наполнять контент вебсайтов на основе визуализации, персонификации и коммуникационного стимулирования [Сморгунов 2014, с. 22]. Таким образом, цифровизация общества в XXI в. привела к тому, что стало проще, чем это было даже в конце XX в., донести свои интересы и потребности до правящей политической элиты, осуществить с ней коммуникацию. Тем более что в условиях пандемии COVID-19 граждане научились пользоваться онлайн-сервисами, которые им до этого момента были не так важны. Например, на выборах в Государственную Думу РФ в 2021 г. количество регионов, в которых прошло дистанционное электронное голосование, увеличилось. Теперь это не только Москва, но и Курская, Мурманская, Нижегородская, Ростовская, Ярославская области, а также город федерального значения Севастополь.

Это свидетельствует о том, что выборы меняются, в институт включаются другие нормы – электронное голосование, которое около 10 лет назад считалось бы антинормой. В рамках рассматриваемого нами института наблюдается и развитие такой системы, как онлайн-наблюдатели. Важно пояснить, что этот аспект показывает, что партиям необходимо переходить на интернет-площадки и проводить встречи со своими избирателями, используя эти площадки, а также иначе строить свою партийную деятельность. Например, 22 мая 2022 г. партия «Единая Россия» проводила электронное предварительное голосование по кандидатурам для последующего выдвижения от партии кандидатов в депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации в рамках проведения Единого дня голосования 2022 г. Данная партия уже проводила онлайн-дебаты по включению в партийный список кандидатов для участия в выборах Государственной Думы РФ в сентябре 2021 г. Таким образом, необходимо признать, что новые информационные технологии, которые используют политические партии в интернет-пространстве, одновременно оказывают влияние на процесс формирования имиджа и становятся пространством деятельности по формированию имиджа партий [Куркемова 2021, с. 85].

Вместе с тем надо признать, что на сегодня цифровизация политики приводит к некоторым очевидным трудностям для партий. Во-первых, если раньше политические партии могли создать свои сайты и на этом их представительство в интернет-пространстве заканчивалось, то сегодня сайты дополняются социальными сетями, а также создаются мобильные приложения для коммуникации с общественностью [Коньков 2019, с. 10]. В 2016 г. КПРФ, ЛДПР, «Единая Россия», «Яблоко», «Партия Роста» заявляли, что тестируют на базе Android свои приложения. В настоящее время в системе «Google Play» можно скачать мобильные приложения «Единой России», ЛДПР. Существует приложение телеканала КПРФ «Красная линия». Каждое из названных нами партийных приложений было скачено около 10 тыс. раз. Причем рейтинг приложения, который формируется по результатам голосования пользователей, у партии «Единая Россия» составляет 1,2 балла, у ЛДПР – 4 балла. Отзывы о работе приложений противоречивые. Все это косвенно может свидетельствовать о медленном продвижении приложений, недостаточном внимании партийных специалистов в области продвижения своего цифрового продукта в интернет-пространстве.

Вместе с тем необходимо отметить наличие телеграмм-каналов у политических партий и у их партийных лидеров. Вообще данное приложение в настоящее время находится в стадии бума в связи с тем, что на территории России ряд социальных сетей (например, Instagram, Фейсбук) были заблокированы по требованиям Роскомнадзора.

Мы изучили телеграмм-каналы с помощью бота @TGStat_Bot (табл. 1) и методом контент-анализа аккаунты в сети ВКонтакте политических партий (табл. 2), которые были зарегистрированы на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва по пропорциональной избирательной системе. Необходимо отметить, что цифровое представительство политических сил не в последнюю очередь должно происходить именно в анализируемых нами социальных сетях, которые «в условиях современного социально-политического положения в стране могут выступать как инструмент социализации нации и привлечения населения к государственным процессам»², а также в мессенджере. Активно развивается их аудитория, например, после февраля 2022 г.

---

² Карпович О. Политический имидж в условиях развития цифрового пространства // Международная жизнь. 06.02.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28985> (дата обращения 30 апреля 2022).

Таблица 1

Анализ активности
политических партий России
в своих официальных телеграмм-каналах

№	Название партии	Ссылка	Количество подписчиков	Статистика				
				Контент			Средняя статистика одного поста по @TGStat_Bot	
				Фото	Видео	Документы	Количество просмотров	Количество репостов
1	Гражданская платформа	не нашли в Telegram	–	–	–	–	–	–
2	Единая Россия	https://t.me/s/er_molnia	35520	319	207	1	1,8 тыс.	4
3	Зеленая альтернатива	https://t.me/s/ZaEcology	766	295	43	1	100–500	1
4	Зеленые	Нет общего канала, есть два регион. канала в Брянской области: https://t.me/s/greenbk	67	218	39	1	посты не поддаются анализу через бот @TGStat_Bot	
		https://t.me/greenbk32	17	285	42	1		

5	Коммунисты России	https://t.me/komrosinfo	1354	176	26	1	300	1
6	Новые люди	https://t.me/partynewpeople	22178	83	25	37	75 тыс.	12
7	Партия пенсионеров	https://t.me/pensioner_party	1365	839	50	–	150–180 тыс.	1
8	Партия Роста	https://t.me/rostart	888	714	150	–	300–900	1
9	Родина	https://t.me/s/partiarodinaofficial	177	181	99	1	1,7 тыс.	1
10	Справедливая Россия – За правду	https://t.me/s/spravedlivo	10277	173	67	1	650–1,7 тыс.	2
11	Яблоко	https://t.me/s/yabloko_party	2432	444	39	–	500–1,1 тыс.	0–1
12	КПРФ	https://t.me/s/KommunistOnline	3147	420	185	2	1,2 тыс.	2–3
13	ЛДПР	https://t.me/s/ldpr_party	13915	1340	419	13	39 тыс.	2
14	РПСС	https://t.me/s/rpssparty	618	4	3, но на 17.09. 21 г.	–	посты не поддаются анализу через бот @TGStat_Bot	

Активно занимаются своим продвижением и одновременно созданием позитивного имиджа у населения в Telegram лишь несколько политических партий («Единая Россия» – 1-е место по количеству подписчиков, «Новые люди» – 2-е место по количеству

подписчиков, ЛДПР – 3-е место по количеству подписчиков, «Справедливая Россия – За правду» – 4-е место по количеству подписчиков, КПРФ – 5-е место по количеству подписчиков). Это парламентские партии. Есть еще непарламентские партии, которые могут в этом деле конкурировать с вышеуказанными партиями, – «Яблоко», «Коммунисты России». В рамках исследования мы выявили и такие политические партии, которые практически не ведут деятельность в Telegram (во всяком случае, мы не смогли найти партийные каналы). Наполняемость контентом в найденных нами телеграмм-каналах политических партий примерно одинакова – фотографии, видеофайлы (часто выступления лидеров партий), а также посты на определенную тематику. Если проанализировать их просмотры и репосты, то на 1-м месте по данному показателю будет «Партия пенсионеров» (около 150 тыс. просмотров и 1 репост), на 2-м месте – партия «Новые люди» (около 75 тыс. просмотров и 12 репостов), на 3-м месте – «Единая Россия» (около 1,8 тыс. просмотров и примерно 4 репоста каждого поста). Необходимо также обратить внимание на такой аспект, как существование постов у некоторых политических партий, которые @TGStat_Bot не смог индексировать. Это означает, что некоторые партии не продвигают активно свой контент через Telegram, хотя и присутствует наличие постов, фотографий и репостов из других телеграмм-каналов.

В качестве основных методов продвижения партийных телеграмм-каналов политическим партиям целесообразно использовать:

- остальные аккаунты в социальных сетях (например, ВКонтакте);
- Telegram-каталог для создания базы ссылок на различные телеграмм-каналы с их описанием;
- площадку Яндекс.Дзен как первичный элемент для перехода в соответствующий партийный телеграмм-канал;
- покупка рекламы у других каналов. Конечно, этот метод имеет очевидные минусы: не каждый канал будет рекламировать политические каналы, а также надо иметь в виду, что этот способ не является бесплатным;
- личный телеграмм-канал лидера политической партии, если такой канал имеется.

Если же проанализировать данные, которые мы получили в ходе изучения официальных аккаунтов политических партий в социальной сети «ВКонтакте» методом контент-анализа, то можно отметить, что в данной социальной сети несколько иной расклад, чем в мессенджере Telegram: на 1-м месте по количеству просмотров находится партия «Новые люди» (количество просмотров около

75 тыс.), на 2-м месте – партия ЛДПР (около 30 тыс. просмотров) и на 3-м месте – сразу несколько партий: КПРФ (около 6–11 тыс. просмотров), «Единая Россия» (около 7 тыс. просмотров), «Справедливая Россия – За правду» (около 3 тыс. просмотров). Контент, который размещают партии в социальной сети «ВКонтакте», не отличается от контента в Telegram – это фотографии мероприятий, посты с информацией и комментариями лидеров партий и экспертов. Также нами были выявлены политические партии, которые не обновляют свой контент после их участия в выборах в Государственную Думу РФ в сентябре 2021 г.

Таблица 2

Анализ активности политических партий России
в своих официальных аккаунтах
в социальной сети «ВКонтакте»

№	Название партии	Ссылка	Количество подписчиков	Статистика				
				Контент			Средняя статистика одного поста по @TGStat_Bot	
				Фото	Видео	Документы	Количество просмотров	Количество репостов
1	Гражданская платформа	https://vk.com/civilplatform	23065	Только до 2016 г.	10	–	200–630	2
2	Единая Россия	https://vk.com/er_ru	127860	92	220	38	4–7 тыс.	20–30
3	Зеленая альтернатива	https://vk.com/zaecology	1661	3, данные на 2021 г.	30	–	100–600 (редко 1 тыс.)	4–5

Окончание табл. 2

4	Зеленые	https://vk.com/club54664913	2148	6, данные на 2018 г.	19	–	1 тыс.	4
							не обновляются с 18.09. 2021 г.	
5	Коммунисты России	https://vk.com/komross_region	11282	1, данные на 2016 г.	35 и 4 аудио	–	200 (редко 800)	2
6	Новые люди	https://vk.com/party.newpeople	37101	5	3	–	70 тыс.	50–100
7	Партия пенсионеров	https://vk.com/pensioner.party	804	3, данные на 2021 г.	14 и 1 аудио	8	300	5
8	Партия Роста	https://vk.com/partrost	17071	56, данные на 2021 г.	457	–	600–1 тыс.	2
9	Родина	https://vk.com/partiarodina	7487	16 на 2021 г.	40	1	60–300	0–3
10	Справедливая Россия – За правду	https://vk.com/spravo_ross	33700	7	964	55	1–2,7 тыс.	5
11	Яблоко	https://vk.com/yabloko_ru	22122	87, данные на 2021 г.	–	58 статей и 24 док.	1,5–4 тыс.	5–15
12	КПРФ	https://vk.com/kprf	103074	87	2571 и 19 аудио	15 статей	6–11 тыс.	5–15

13	ЛДПР	https://vk.com/ldpr	143737	фото во многих постах	3795	256 статей	30–40 тыс.	25–60
14	РПСС	https://vk.com/partyrps	416	–	–	4 статьи	не обновляются с сентября 2021 г.	

Мы рекомендуем политическим партиям в социальной сети «ВКонтакте» использовать следующие инструменты для своего продвижения, создания и поддержания положительного имиджа:

- фото и видео. Видео в формате клипов для привлечения аудитории в группы политических партий – это своеобразные аналог Reels из Instagram (сейчас сеть заблокирована на территории России). Другие видеодокументы можно делать с субтитрами, такие видео среди пользователей Интернета набирают большую популярность. Если же обратиться к фотографиям, то, во-первых, они должны быть качественными, во-вторых, они должны отражать суть деятельности каждой политической партии. Среди фотографий можно использовать мемы, коллажи;

- сервисы по тестам. Их необходимо делать для организации информирования о политической деятельности партии, о том, какие ценности и идеи продвигает политическая партия. Одновременно суть теста – показать участие в заинтересованности в конкретном пользователе;

- сервисы по проведению опросов. Их на публичных страницах можно проводить анонимно, чтобы участники группы смогли охотнее ответить. Суть опроса такая же, как и при проведении тестов, – дать пользователю возможность поучаствовать в развитии политической партии, а также в развитии ее группы в социальной сети;

- тематические конкурсы. С одной стороны, они вносят элемент развлечения в группах. Однако мы не должны забывать тот факт, что конкурсы могут привлечь сторонников политической партии, увеличить ее численность, а также продемонстрировать дальнейшее формирование позитивного имиджа партии в массовом сознании;

- истории/сторис. Своего рода аналог сторис в Instagram (сейчас сеть заблокирована на территории России). Истории мероприятий

позволяют пользователю и участнику партийного аккаунта быстро просмотреть суть, адаптироваться к партийной деятельности;

– сервис с уведомлениями своих подписчиков о трансляции событий. Подобный вид работы с онлайн-аудиторией позволяет быстро разослать уведомление о проведении мероприятия всем участникам и дать им возможность присоединиться к стриму по ссылке;

– хэштеги под каждым постом (надо иметь в виду, что они бывают уникальные – придумываются PR-службами, их надо крайне редко использовать; лучше для партий использовать брендовые, так как они содержат название партий, а также высокочастотные и среднечастотные, поскольку они могут содержать всю информацию и партии и проводимой ею акции);

– статьи. Статья, созданная в определенном редакторе в социальной сети, может читаться разными типами экранов гаджетов, что позволит политическим партиям охватить разную аудиторию.

По результатам проведенного нами комплексного исследования телеграмм-каналов политических партий и аккаунтов мы выделяем несколько аспектов в деятельности политических партий по развитию их имиджа. Во-первых, необходимо понимать, что цифровое присутствие может дать политическим партиям новый импульс для своего продвижения. Активные пользователи социальных сетей и всего интернет-пространства сегодня не будут заинтересованы в многочасовых встречах в офлайн-формате, хотя понятно, что публичные мероприятия (митинги, шествия, собрания и т. д.) партии тоже должны проводить, так как это является демонстрацией их партийной идеологии, которую необходимо активно продвигать. Присутствие же политических партий в цифровой среде позволяет им больше вовлекать население в свои мероприятия, пусть даже и в цифровом формате. В перспективе для партии это может означать дальнейшее развитие партийного актива, а также формирование положительного имиджа в массовом сознании.

Во-вторых, в ходе исследования мы выявили, что некоторые политические партии не имеют должного присутствия в цифровой среде. В условиях цифровой коммуникации это создает опасные тенденции в развитии имиджа партийной системы в целом, так как за эти партии были поданы голоса на выборах в Государственную Думу РФ в 2021 г., а следовательно, были избиратели, у которых начал формироваться имидж данных партий, однако партии перестали работать со своей целевой аудиторией. И даже если они не набрали необходимого процента голосов избирателей для прохождения в парламент, им нужно продолжить свою деятельность по привлечению в свои ряды активных сторонников и активных членов, сделать это легче тогда, когда партии представлены в ин-

тернет-пространстве, хотя бы в формате «маркетинг-микс» [Чижов 2016, с. 335]. Данный термин можно применить к нашему исследованию в том плане, что рассматриваемым политическим партиям все же необходимо ведение деятельности в офлайн-формате, в традиционных СМИ, а также в новых медиа.

И, в-третьих, мы пришли к выводу о том, что современный уровень цифровой коммуникации обязывает политические партии заниматься развитием своих каналов в Telegram и аккаунтов в социальных сетях (например, «ВКонтакте»), так как в условиях изменения скорости получения информации населению легче узнавать о работе партийных отделений не из партийных газет, листовок, а именно из активного сегмента интернет-пространства, проще проводить политическую социализацию. Это создает для партий определенные вызовы в изменении своей деятельности, однако подобная тенденция дает в перспективе пополнение партийного актива.

Литература

- Коньков 2019 – *Коньков А.Е.* Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2019. Т. 12. № 6. С. 6–28.
- Куркемова 2021 – *Куркемова Э.Т.* Стратегии формирования и трансляции имиджа политиков в сети Интернет // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2021. № 1 (66). С. 84–89.
- Сморгунов 2014 – *Сморгунов Л.В.* Сетевые политические партии // *Полис.* 2014. № 4. С. 21–37.
- Чижов 2016 – *Чижов Д.В.* Формирование имиджа российских политических партий в сети Интернет // *Мониторинг общественного мнения.* 2016. № 1. С. 313–338.

References

- Chizhov, D.V. (2016), “Shaping the Image of Russian Political Parties on the Internet”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no. 1, pp. 313–338.
- Kon'kov, A.E. (2019), “Digitalization of political relations. Edges of cognition and mechanisms of transformation”, *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 12, no. 6, pp. 6–28.
- Kurkemova, E.T. (2021), “Strategies for forming and broadcasting the image of politicians on the Internet”, *Kaspiiskii region: politika, ehkonomika, kul'tura*, vol. 66, no. 1, pp.84–89.
- Smorgunov, L.V. (2014), “Network political parties”, *Polis*, no. 4, pp. 21–37.

Информация об авторе

Андрей В. Махрин, кандидат политических наук, Тульский государственный университет, Тула, Россия; 300012, Россия, Тула, пр-т Ленина, д. 92; machrin@mail.ru

Information about the author

Andrei V. Makhrin, Cand. of Sci. (Political Science), Tula State University, Tula, Russia; bld. 92, Lenin Av., Tula, 300012, Russia; machrin@mail.ru

Особенности имиджевых стратегий
лидеров системных политических партий
в современной России

Александр В. Толочко

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Елец, Россия, tolochko@rambler.ru*

Сергей С. Фоменко

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Елец, Россия, fomenko-ss@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с особенностями имиджевых стратегий лидеров системных политических партий современной России. Особое внимание уделяется констатации, что выборы играют важнейшую роль в любом современном государстве, называющем свой политический режим демократическим. К числу демократических моделей государства относится и Российская Федерация, в которой конституционно закреплены электоральные процедуры избрания властных институтов. Одновременно обосновывается, что избирательные процессы могут иметь место и в странах с другими политическими режимами и чаще всего происходят в условиях ограниченной свободы, полицейского давления, угроз работникам со стороны работодателя, страха населения перед репрессивными действиями государства и т. д. Проведение выборов в таких условиях принимает декоративный характер и не может быть признано легитимным. Авторами высказывается предположение о том, что реализация возможности определения народной воли зависит от множества факторов, главными из которых являются высокий уровень политической культуры граждан и сильное гражданское общество, способное защищать свои права. Именно поэтому проведение свободных, конкурентных и регулярных выборов – важнейший аспект общественно-политической жизни населения демократических стран. Описана специфика обращений лидеров политических организаций, целей, которые они ставят для решения проблем в стране и обществе, создания и манипулирования определенными образами, формирующими социально-психологические условия, способные создавать определенное информационное пространство, и вызывающими эмоциональный отклик, побуждающий избирателя к электоральному действию.

Ключевые слова: имиджевая стратегия, системная политическая партия, электоральная активность, имидж, избиратель, политический лидер, оппозиция, предвыборная программа, политическая жизнь

Для цитирования: Толочко А.В., Фоменко С.С. Особенности имиджевых стратегий лидеров системных политических партий в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 129–140. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-129-140

Features of image strategies of leaders of systemic political parties in the modern Russia

Aleksandr V. Tolochko
*Bunin Yelets State University,
Yelets, Russia, tolochko@rambler.ru*

Sergei S. Fomenko
*Bunin Yelets State University,
Yelets, Russia, fomenko-ss@yandex.ru*

Abstract. The article examines the issues associated with the peculiarities of image strategies of leaders of systemic political parties in modern Russia. Particular attention is paid to the statement that elections play a crucial role in any modern state that calls its political regime democratic. The Russian Federation is among the democratic models of the state is the Russian Federation, which constitutionally enshrines electoral procedures for the election of power institutions. At the same time, it is justified that electoral processes can take place in countries with other political regimes, and most often occur in conditions of limited freedom, police pressure, threats to employees from the employer, fear of the population against repressive actions of the state, and so on. Holding elections in such conditions takes on a decorative nature and cannot be recognized as legitimate. The authors suggest that the realization of the possibility of determining popular will depends on many factors, the main of which are the high level of political culture of citizens and a strong civil society capable of protecting its rights. That is why the holding of free, competitive and regular elections is the most important aspect of the socio-political life of the population of democratic countries. They also describe specifics in proclamations of the political organizations leaders, the goals they set to solve issues in the country and society, the creation and manipulation of certain images forming socio-psychological conditions that can shape a certain information space and evoke an emotional response that encourages the voter to electoral action.

Keywords: image strategy, systemic political party, electoral activity, image, voter, political leader, opposition, election program, political life

For citation: Tolochko, A.V. and Fomenko, S.S. (2022), "Features of image strategies of leaders of systemic political parties in the modern Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 129–140, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-129-140

Имидж лидера политической партии приобретает огромную значимость в ходе избирательной борьбы, поскольку узнаваемость лидера и его положительный образ влияют на количество голосов избирателей и, как следствие, успех в конкурентной борьбе. Одним из самых важных параметров в процессе создания и продвижения имиджа является владение ораторским искусством. Политическая речь представляет собой коммуникацию между политической партией и избирателями. Помочь политическому лидеру защитить предвыборную программу представляемой им фракции или презентовать населению своего оппонента с целью понизить его рейтинг может такой инструмент, как телевизионные дебаты. Помимо указанных выше функций, они используются для концентрации общественного внимания на имидже выступающего. Всего за несколько десятков минут с помощью теледебатов можно как улучшить свой имидж, так и дискредитировать имидж соперника.

В связи с этим рассмотрим более детально стратегию позиционирования и трансляции имиджа политическими лидерами ключевых системных парламентских партий: Г.А. Зюгановым, В.В. Жириновским, С.М. Мироновым, А.Г. Нечаевым, Д.А. Медведевым.

Г.А. Зюганов почти всегда лично присутствует на теледебатах. Главной отличительной речевой особенностью данного политика является критика ценностей капитализма на примере слабой развитости экономики РФ и незащищенности определенных социальных слоев страны (пенсионеров, многодетных семей, инвалидов). Он часто критикует власть за то, что она не использует разработки партии КПРФ, способные решить те или иные социально-экономические проблемы. Большую часть своей риторики использует для вызова ностальгических чувств у аудитории, но в то же время критикует СССР, указывая на то, что программа КПРФ составлена с учетом ошибок, допущенных советским правительством. Кроме того, сравнивается образ положительного коммунистического прошлого с негативным бэкграундом современного российского правительства с помощью тактики «наклеивания ярлыков» на критикуемые Г.А. Зюгановым объекты. Данный политик предпочитает

разговаривать в публицистической манере и старается задействовать ее лексику в своей речи, так как подобный тип ведения диалога с аудиторией способствует более успешному убеждению электората, интересующегося политической жизнью страны. В полемике чаще всего использует прием доведения до абсурда. Применяется он для того, чтобы доказать несостоятельность чужого мнения путем обнаружения следствий, в которых будут явно видны противоречия оппонента. Однако в открытую конфронтацию Г.А. Зюганов не вступает, предпочитая общаться с оппонентом в умеренном тоне. Вместе с тем в последние годы политический лидер все меньше появляется в публичном пространстве, ограничиваясь только присутствием на дебатах, связанных с голосованием в Государственную Думу. Поэтому аудитория постепенно перестает воспринимать имидж Г.А. Зюганова положительно и его рейтинг стремительно падает. Согласно опросу «Левада-центра», начиная с 2020 г. рейтинг доверия россиян к лидеру КПрФ составляет не более 7%¹. Повлияли на снижение имиджа лидера коммунистов коррупционные и внутрипартийные скандалы, вызванные неудовлетворенностью некоторых членов партии своим руководителем. Не исключено, что в связи с падением рейтинга лидера КПрФ в 2018 г. в качестве кандидата в президенты от данной партии был выставлен предприниматель П.Н. Грудинин.

В.В. Жириновский всегда лично присутствовал на теледебатах. Главной отличительной речевой особенностью данного политического лидера являлась жесткая критика всех оппонентов и их сторонников. Лидер ЛДПР задействовал свою риторику как инструмент для провокации оппонентов путем оскорблений, подмены понятий, нелогичных аналогий, доведения до абсурда, «наклеивания ярлыков» и атаки вопросами. Часто во время споров с оппонентами делал отсылки в своей речи к проблемам Российской Федерации в 90-х гг. XX в., вызывая у потенциальных избирателей негативные воспоминания и транслируя их таким образом, чтобы аудитория видела причину своих неудач в связке с образом критикуемого оппонента или организации, к которой он принадлежит. Благодаря тому что В.В. Жириновский часто вступал в открытую конфронтацию со своими оппонентами и их сторонниками, теледебаты с участием данного политика всегда носили скандальный

---

¹ Политика (2020): «Левада-центр» опубликовал новые рейтинги доверия политикам // Коммерсантъ. – по адресу: <https://www.kommersant.ru/doc/4251703> (дата обращения 31 марта 2022). Решением Минюста РФ от 5 сентября 2016 г. центр включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранный агент».

характер и становились популярными и цитируемыми среди населения. Однако в отличие от политических лидеров остальных парламентских партий В.В. Жириновский транслировал свой образ путем участия не только в теледебатах, но и в различных ток-шоу, интеллектуальных играх и развлекательных передачах (зачастую не политически ориентированных), где выражал и отстаивал свою точку зрения в отношении тех или иных социально значимых проблем. Риторика выступлений была ориентирована в основном на людей предпенсионного и пенсионного возрастов, но в некоторых случаях обнаруживались попытки выстроить диалог с молодежью. Вместе с тем его выступления, как правило, не имели положительных результатов из-за сильной продвинутой молодого поколения в интернет-сфере и разных точек зрения касательно развития страны. Черты и качества образа лидера ЛДПР всегда были четко определены, ярко выражены и уникальны, что очень положительно влияло на узнаваемость имиджа и эмоциональный отклик избирателей. Тем не менее в последние годы, согласно ряду исследований популярности политических лидеров системной оппозиции, у граждан данный образ все меньше и меньше вызывал какие-либо положительные эмоции.

В последнее десятилетие отмечалась тенденция снижения популярности системных оппозиционных политиков, в том числе и В.В. Жириновского. Опрос, проведенный «Левада-центром» еще в марте 2014 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны, показал, что лидер партии ЛДПР занял первое место в списке политиков, которых население больше не хочет видеть в политическом пространстве, набрав 13% голосов². Объясняется это прежде всего неисполнением обещаний, ограничениями политического образа и мягкой критикой главных действующих лиц страны, что является сильным разочарованием для многих избирателей.

Лидер партии «Справедливая Россия – За правду» С.М. Миронов присутствует лично на дебатах только в ходе избирательных кампаний. Использует в своей речи подмену понятий и атаку вопросами оппонентов. Задействует свою риторику в качестве критики политики партии «Единая Россия» и ЛДПР, однако реального

---

² «Наскучившие» и перспективные политики (2014) // АНО Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2014/03/25/naskuchivshie-i-perspektivnye-politiki/> (дата обращения 31 марта 2022). Решением Минюста РФ от 5 сентября 2016 г. центр включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранный агент».

политического веса аргументы С.М. Миронова не имеют, так как связаны они с малозначимыми для общества проблемами. Из всех вышеперечисленных политических лидеров появляется в СМИ реже своих оппонентов и, соответственно, имеет самый низкий рейтинг доверия избирателей. В выступлениях ориентируется в основном на людей пенсионного возраста и считает главной целью своих политических действий возрождение социализма в России, однако подчеркивает, что придерживается классического социализма и не признает «сталинизма» и прочих вариаций данного политического режима.

В 2020 г. в политическом пространстве появилась новая партийная организация с соответствующим названием «Новые люди», которой удалось преодолеть 5-процентный барьер на выборах в Государственную Думу РФ в ходе электоральной кампании 2021 г. Основателем и лидером этой системной партии является бизнесмен А.Г. Нечаев (основатель и владелец компании «Faberlic»). В своих выступлениях и программных заявлениях он позиционирует себя в качестве сторонника модернизации государственного управления в целях улучшения качества жизни населения³. Достижение этой амбициозной цели, по его мнению, возможно путем обеспечения сменяемости и регулярного кадрового обновления аппарата чиновников всех уровней, сокращения их численности и объема полномочий и, как следствие, экономии бюджета страны. А.Г. Нечаев – приверженец оптимизации распределения финансовых потоков между федеральным центром и региональными бюджетами, массового выделения земельных участков населению под индивидуальное жилищное строительство, изменения правил налогового режима для мелкого бизнеса, внедрения образовательных бизнес-тренингов. В вопросе изменения политического дизайна он ратовал за снижение избирательного барьера прохождения в легислатуры (вместо 5% – 1 миллион голосов избирателей), цифровизацию электоральных процедур, стимулирование электоральной активности граждан на основе балльной системы, либерализацию законодательства в вопросах цензурирования публичного контента и политического дискурса. Таким образом, избирательная стратегия партии «Новые люди» направлена на привлечение голосов так называемого либертарианского электората и людей, разочаровавшихся в действиях прежних системных партий, выведение политически активных граждан из неконтролируемого политического

---

³ «Стране нужно обновление»: «Новые люди» подвели итоги (2020) // Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/22_a_13409918.shtml (дата обращения 31 марта 2022).

протеста, организуемого внесистемной оппозицией. В связи с этим данную политическую партию часто обвиняют в некоторой ангажированности со стороны действующей политической элиты, отмечают спойлерный характер ее предназначения.

Председатель партии «Единая Россия» Д.А. Медведев ни разу не принимал участия в политических дебатах, объясняя это своей занятостью, поэтому настоятельно рекомендовал отстаивать интересы партии своим партийным коллегам. В последние годы население России становится все более индифферентным к политике и, как следствие, принимает меньше участия в избирательных процессах. По данным исследований ряда авторов, в России доля граждан, уверенных в важности и необходимости участия в выборах, примерно такая же, как и во многих странах Восточной и Южной Европы (около 57% граждан), и продолжает падать с каждым годом [Магун, Руднев, Шмидт 2015].

Имиджевая политика парламентских оппозиционных партий постепенно снижает уровень доверия населения и вызывает сомнения в искренности намерений политических лидеров привести свои партии к победе и изменить жизнь граждан к лучшему. Риторика политических лидеров строится на манипулировании теми же образами, что и много лет назад, и уже не производит такого же эффекта на уставшую от одинаковых лозунгов и обещаний аудиторию. Политические программы партий устарели и не предлагают ясного видения будущего страны, а содержат лишь популизм и лозунги, вещи, которые и так понятны большинству граждан, отчего у избирателей теряется надобность в голосовании за партии, которые неспособны отстоять их интересы или выступить с новыми конструктивными предложениями. Несмотря на попытки создания молодежных площадок, дискуссионных клубов, интеграции имиджа партий в социальные сети и генерирование информационных поводов, для молодых людей оппозиционные парламентские партии давно потеряли свою актуальность. Те технологии, по которым строится имиджевая политика оппозиционных партий, не действуют на современных молодых людей. Развитие Интернета и открытость информационных ресурсов легко позволяет молодежи просмотреть интересующую их информацию о той или иной партии и самим составить о ней мнение. Однако большинству неинтересна политика как явление из-за стагнации образов политических партий и их лидеров. Так, более 80% молодых граждан РФ не интересуются политикой. По-настоящему политика интересна лишь 19% молодежи. Об этом говорится в исследовании «Российское поколение Z: установки и ценности», проведенном немецким Фондом им. Фридриха Эберта совместно

с «Левада-центром»⁴. Доверяют же политическим партиям около 3% опрошенных. К тому же играет свою роль тот факт, что российское политическое пространство уже много лет пребывает в стагнации. Отсутствие новых политических партий, лидеров, руководителей фракций делает политику неинтересной и скучной. А генерация информационных поводов для привлечения внимания к персоне партийного лидера вызывает только негативные чувства у граждан, так как в большинстве своем они не вносят каких-то реальных изменений в существующую политическую конъюнктуру.

В политической науке принято считать, что принципы плюрализма мнений, многопартийности, честности выборов и предоставления одинаковых прав для реализации политического участия каждой зарегистрированной партии являются одними из основных при демократическом режиме. Однако в некоторых государствах существуют так называемые смешанные режимы, включающие в себя черты демократии и авторитаризма. Как правило, возникают подобные режимы в авторитарных государствах вследствие незавершенного демократического перехода [Подлесный 2016, с. 65]. Политолог Е.М. Шульман в статье «Царство политической имитации» отмечает, что западные исследователи, анализирующие гибридные режимы, обращают внимание в основном на декоративность демократических институтов (выборы не ведут к смене власти, разные СМИ вещают одно и то же, «оппозиция» в парламенте голосует так же, как и партия власти, и т. д.), из чего делается вывод о том, что в основе гибридных режимов лежит авторитаризм⁵.

Российские демократические институты крайне зависимы от действий политической партии «Единая Россия». Большая часть членов этой партии занимает руководящие посты в государственном аппарате и способна принимать решения о регистрации новых партий, могущих составить конкуренцию существующим оппозиционным политическим партиям, а также влиять на процедуру выборов, иницилируя законы, которые могут оказать положительное влияние на совокупность факторов, мешающих партии получить первое место на выборах. К тому же имиджевая политика оппозиционных парламентских партий приводит к незаинтересованности

---

⁴ Общество (2020): более 80% российской молодежи равнодушны к политике // Ведомости. 2020. 30 апр. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni> (дата обращения 31 марта 2022).

⁵ Шульман Е.М. Царство политической имитации. Ведомости. 2014. 15 авг. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/08/15/carstvo-imitacii> (дата обращения 31 марта 2022).

граждан о существующей политической ситуации, дегуманитаризации системы образования, способствующей примитивизации мышления. Вследствие этого можно сделать вывод об образовавшемся политическом кризисе в стране.

В характеристике имиджа политической партии «Единая Россия» мы констатировали, что данную организацию упоминают в СМИ на порядок чаще, чем все оппозиционные парламентские партии. Данный факт является важным в имиджевой политике партии власти, так как отсутствие у граждан интереса к политической ситуации в стране делает население наименее критическим и позволяет «Единой России» манипулировать нужными образами для создания выгодных для партии общественных запросов и патернализации социума с помощью пропаганды на федеральных телеканалах. В основе российской политической пропаганды лежит ограничение влияния негосударственных СМИ на граждан, вплоть до их запрета, а также обеспечение сохранности моноцентрического конструкта власти [Трофимов 2014]. Важным является и тот факт, что государство проводит попытки ограничения свободы в интернет-пространстве через такое ведомство, как Роскомнадзор, созданное по указу Д.А. Медведева в 2008 г.⁶ Самыми скандальными и резонансными действиями данной организации стали блокировка анонимного мессенджера Telegram и сайтов оппозиционного политика А.А. Навального, являвшихся инструментами для кооперирования несанкционированных протестных акций 2017–2018 гг.⁷ Данные события стали самыми обсуждаемыми в интернет-пространстве и серьезно повлияли на отношение молодежи к парламентским партиям.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что политические программы существующих партий не представляют собой особого интереса для избирателей, риторика политических лидеров не меняется уже несколько десятков лет, не оказывая никакого влияния на принятие важных решений в стране. Молодежная программа системных партий не позволяет заинтересовать молодых граждан

---

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 03.12.2008 г. № 1715 «О некоторых вопросах государственного управления в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // Информационно-правовое обеспечение Гарант. URL: <https://base.garant.ru/194444/> (дата обращения 31 марта 2022).

⁷ Антикоррупционные митинги проходят в крупных городах России // Ведомости. 2017. 26 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/26/682722-antikorrupsionnie-mitingi> (дата обращения 31 марта 2022).

и подтолкнуть их к участию в политических процессах, а отсутствие критики действительно важных для государства проблем разочаровывает и деморализует избирателей.

По результатам выборов в Государственную Думу в 2021 г., «Единая Россия» получила конституционное большинство в Государственной Думе РФ, тем самым став полноценной «политической монополией». Это позволило ей беспрепятственно реализовывать свою политическую волю в вопросах, касающихся дальнейшего развития страны. Партия КПрФ была не удовлетворена процедурой подсчета голосов и попыталась повлиять на ситуацию путем протестных акций, однако никакого эффекта на принятие решения это не произвело. Данный факт очень сильно повлиял на репутацию коммунистической партии и ее лидера Г.А. Зюганова, ухудшив отношение электората партии к имиджу КПрФ. Однако на голосовании в Государственной Думе при принятии важных законов, лоббируемых окружением президента или государственными компаниями, оппозиционные партии почти всегда поддерживают решение партии власти. Таким образом, власть в Российской Федерации стала напрямую ассоциироваться с действиями «Единой России», неформальным лидером которой является президент страны В.В. Путин.

Благодаря тому что почти весь государственный аппарат состоит из членов «Единой России», данная партия задействует административный ресурс в предвыборных кампаниях для обеспечения поддержки и победы на выборах. Данное обстоятельство способствует доминированию одной политической повестки не только на федеральном, но и на региональном уровне, обеспечивая экспансию «Единой России» во всех институтах власти. Все это обостряет предубеждение электората о своей неспособности повлиять на результат выборов, что сильно сказывается на явке избирателей и их персоналистской роли в политическом процессе.

Рассмотрев имиджевую политику лидеров ключевых парламентских политических партий современной России, следует отметить, что в целом процедуры и технологии воздействия оппозиционных парламентских партий на свой потенциальный электорат с целью мотивирования к участию граждан в избирательных процессах представляются нам неэффективными. Можно указать на основные факторы, оказавшие наибольшее влияние на выкристаллизовывание характера качества публичности основных системных политических партий: отсутствие ясного образа будущего в программах оппозиционных партий; множество скандалов, связанных с коррупционной деятельностью руководства политических партий; неэффективная молодежная политика, не способная

выстроить качественный диалог между политическими партиями и молодыми гражданами; стагнация образов политических лидеров партий и, как следствие, угасание интереса со стороны избирателей; отсутствие критики власти со стороны оппозиции по важным проблемам государства; однообразии в риторике партийный лидер и неспособность решать актуальные проблемы общества.

Литература

- Магун, Руднев, Шмидт 2015 – *Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П.* Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестн. обществ. мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 3–4 (121). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-tsennostnaya-tipologiya-i-bazovye-tsennosti-rossiyan> (дата обращения 31 марта 2022).
- Подлесный, 2016 – *Подлесный Д.В.* Политология: Учеб. пособие. Харьков: ХГУ НУА, 2016. 164 с.
- Трофимов, 2014 – *Трофимов Е.А.* Государственная пропаганда в России в начале XXI в.: политологический очерк // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-propaganda-v-rossii-v-nachale-hhi-v-politologicheskii-ocherk> (дата обращения 1 апреля 2022).

References

- Magun, V.S., Rudnev, M.G. and Schmidt, P. (2015), “European value typology and basic values of Russians”, *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*, vol. 121, no. 3–4, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-tsennostnaya-tipologiya-i-bazovye-tsennosti-rossiyan> (Accessed 31 Mar. 2022).
- Podlesny, D.V. (2016), *Political Science: Textbook*, National University of Kharkiv, Kharkiv, Ukraine.
- Trofimov, E.A. (2014), “State propaganda in Russia at the beginning of the 21th century. Political science essay”, *Theory and practice of social development*, no. 21, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-propaganda-v-rossii-v-nachale-hhi-v-politologicheskii-ocherk> (Accessed 1 Apr. 2022).

Информация об авторах

Александр В. Толочко, кандидат политических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия; Россия, 399770, Елец, ул. Коммунаров, д. 28; tolochko@rambler.ru

Сергей С. Фоменко, кандидат политических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия; Россия, 399770, Елец, ул. Коммунаров, д. 28; fomenko-ss@yandex.ru

Information about the authors

Aleksandr V. Tolochko, Cand. of Sci. (Political Studies), associate professor, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia; bld, 28, Kommunarov St., Yelets, Russia, 399770; tolochko@rambler.ru

Sergei S. Fomenko, Cand. of Sci. (Political Studies), associate professor, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia; bld, 28, Kommunarov St., Yelets, Russia, 399770; fomenko-ss@yandex.ru

УДК 327.5

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-141-154

Июльский кризис 1914 г.:
по материалам новых архивных публикаций МИД РФ

Ольга В. Павленко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pavlenko@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются события Июльского кризиса, действия Николая II, ключевых дипломатов по недопущению превращения кризиса в полномасштабную войну, причины, по которым компромисс оказался невозможен. Большой объем документов, опубликованных МИД РФ, позволяет восстановить и подробно проанализировать действия российской стороны, дипломатов Австро-Венгрии, Германии и Сербии.

Ключевые слова: Июльский кризис, Первая мировая война, переговорный процесс, Россия, Австро-Венгрия, Сербия

Для цитирования: Павленко О.В. Июльский кризис 1914 г.: по материалам новых архивных публикаций МИД РФ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 141–154. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-141-154

The July crisis of 1914.
According to the materials of the new archival publications
of the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs

Olga V. Pavlenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, pavlenko@rggu.ru*

Abstract. The article deals with the events of the July crisis, Nicolas the II's actions, the leading diplomats' measures to prevent the turn of the crisis into a full-scale war; the paper also discusses the reasons according to which a compromise proved to be impossible. A large number of the documents published by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation allow us to restore and thoroughly analyze the actions of the Russian side, of the diplomats of Austria-Hungary, Germany and Serbia.

Keywords: July crisis, World War I, negotiation process, Russia, Austria-Hungary, Serbia

For citation: Pavlenko, O.V. (2022), "The July crisis of 1914. According to the materials of the new archival publications of the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 141–154, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-141-154

Июльский кризис 1914 г., вызванный убийством наследника австро-венгерского престола кронпринца Франца Фердинанда в Сараево, привел к Первой мировой войне. В историографии не утихают дискуссии о степени вовлеченности великих держав и личном участии тех, кто был ответственным за принятие решения о вступлении в войну: императоров, политиков, дипломатов и военных. Каждый раз новое поколение историков вносит вклад в осмысление генезиса этой мировой трагедии и детальную реконструкцию событий, предшествовавших объявлению войны¹.

В нашу задачу не входит исследование процесса зарождения войны. Важно показать его взаимосвязь с длительным периодом геополитической конкуренции между Россией и Австро-Венгрией, выявить реальное влияние славянского/панславистского фактора, проанализировать интересы России в послевоенном планировании передела Европы. В современной историографии появились многочисленные исследования, приуроченные к столетию Первой мировой войны, в которых были опубликованы новые источники, важные для понимания ситуации в Европе в 1914–1918 гг. Внимание ученых привлекли не столько военно-дипломатические сюжеты, сколько историко-антропологические ракурсы, связанные с военной повседневностью фронта и тыла. Тем не менее в ряде зарубежных исследований вновь возник давно забытый тезис времен холодной войны о «вине» России в развязывании военного конфликта².

---

¹ *Mombauer A.* The origins of the First World War. Controversies and consensus. Harlow; N. Y., 2002. 256 p.; *Clark C.* The sleepwalkers. How Europe went to war in 1914. L.; N. Y., 2012. 697 p.; *Любин В.П.* Современная историография Первой мировой войны // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2014. № 4 (134). С. 6–19; *Алиева Л.В., Карпова Д.Г.* Современная отечественная историческая наука о причинах Первой мировой войны // Псковский воен.-ист. вестн. 2016. Вып. 2. С. 243–251.

² *Mombauer A.* The Fischer controversy 50 years on // Journal of contemporary history. 2013. Vol. 48. No. 2. P. 231–240.

***

Не вдаваясь в подробности дискуссии, обратим внимание на новые публикации уникальных документов, сделанные Архивом внешней политики РФ, которые позволяют до деталей восстановить позицию российской дипломатии в июльском кризисе 1914 г., а также исследовать эволюцию геополитических подходов Российской империи к послевоенному переделу мира, который стал обсуждаться странами Антанты уже осенью 1914 г. Речь идет об историко-документальной публикации «Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны»³ и интересном издании «Дневники Л.В. Урусова»⁴. Они содержат ценнейшие сведения о последних годах Российской империи, совпавших с военным лихолетьем, падением монархии, переходным периодом от Февральской республики к утверждению советской власти.

Русский дипломат князь Лев Владимирович Урусов оставил уникальные дневники, своего рода – личную летопись роковых событий распада Российской империи. Первая запись датирована 23 июля 1914 г., когда Урусов работал первым секретарем в посольстве в Токио. Он был потомственным дипломатом, отец служил посланником в Мюнхене, дядя – послом в Париже. Блестящий спортсмен, чемпион России по теннису, один из зачинателей Олимпийского движения в России. Богатый, честолюбивый, приближенный ко двору обладатель придворного чина камер-юнкера нередко имел натянутые отношения с начальством. Либерал, близкий к кругу лидера кадетской партии П.Н. Милокова. Сквозь призму его восприятия проступает история министерства иностранных дел и дипломатов, составлявших тогда довольно замкнутую, корпоративную среду посвященных в тайны и перипетии высокой политики. Его записи передают эмоциональный настрой в дипломатической среде, иногда сплетни и слухи, саркастичные оценки сослуживцев и начальников.

В фундаментальной публикации «МИД России в годы Первой мировой войны» особый интерес вызывает «Дневник МИДа», который вел барон Маврикий Фабианович Шиллинг (1872–1934), российский дипломат, камергер, доверенный человек министра Сазонова. В 1911–1917 гг. он был начальником Канцелярии

---

³ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сб. док. Тула, 2014. 957 с.; *Павленко О.В.* [Рец.:] Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сб. док. Тула, 2014 // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 231–234.

⁴ *Урусов Л.В.* Дневники Л.В. Урусова: 1914–1917. Тамбов, 2017. 590 с.

министра иностранных дел, подробно записывал все события, происходившие на Певческом мосту. Эти записи позволяют точно восстановить переговорный процесс, который происходил в российской элите и европейском дипломатическом корпусе в Петербурге во время июльского кризиса 1914 г.

Как только 3/16 июля была получена телеграмма от посла России в Вене Н.Н. Шебеко о готовящемся ультиматуме Сербии, было решено дать понять через итальянского посла в Петербурге Карлотти, что «Россия не потерпит посягательства со стороны Австрии на целостность и независимость Сербии». Барон Шиллинг передал эти слова на великосветском вечере у графини Клейнмихель в тот же день. Карлотти, в свою очередь, сообщил, что в Вене убеждены в том, что Россия не решится на военные действия⁵. Впереди было время летних отпусков, но у дипломатов оно быстро закончилось. Уже 5/18 июля прервавший отпуск министр С.Д. Сазонов прямо с вокзала приехал в министерство, где принял посла Австро-Венгрии Сапари. Беседа имела самый примирительный и миролюбивый характер. Казалось, конфликт исчерпан. Только к вечеру 10/23 июля опять же от итальянского посольства стало известно, что Вена готовится «предъявить Сербии совершенно неприемлемый ультиматум». Правда, эту новость не подтвердили ни английское, ни французское посольство, ссылаясь на отсутствие точных сведений⁶.

В тот же день произошло событие, которое роковым образом повлияло на весь ход последующих событий. В Белграде скончался российский дипломат Николай Гартвиг. Он имел большое влияние на сербскую элиту, пользовался репутацией друга сербского народа и всех славян. Особые доверительные отношения связывали Гартвига с сербским правительством. Его роль в снятии напряженности во время боснийского кризиса 1908 г. и кризиса 1912 г. трудно переоценить. Белград искренне скорбел об утрате. По просьбе сербского правительства Гартвига похоронили в столице Сербии. Похороны превратились в демонстрацию глубоких симпатий сербов к России, чем немало тронули официальные круги в Петербурге. Но одновременно они были использованы сербским правительством как антиавстрийская демонстрация славянской солидарности.

---

⁵ Дневник МИД, 3 июля 1914 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны... С. 24 (далее – МИД России). Дневник велся по старому стилю, т. е. с опозданием на 14 дней от европейского календаря.

⁶ Дневник МИД, 10 июля 1914 г. // МИД России. С. 25.

Эти скорбные дни совпали с визитом президента Франции Раймона Пуанкаре и председателя Совета министров Вивиани в Петербург, заверявших, что Франция в случае войны выполнит свои союзнические обязательства⁷. Сербские политические газеты связывали этот визит с разрешением июльского кризиса и возлагали особые надежды на Россию.

Как подчеркивает сербский ученый М. Радивоевич, «сараевское покушение стало поводом для сведения счетов Австро-Венгрии с Сербией на уровне локальной войны и центральных держав с Россией и Францией на уровне европейской войны»⁸. При этом он утверждает, что среди стран Центральной коалиции сформировалось убеждение, что Великобритания не собирается втягиваться в войну. Согласно сербским дипломатическим документам, которые приводит М. Радивоевич, в начале июльского кризиса сербскому правительству давались ясные рекомендации с Певческого моста сохранять спокойствие и «не поддаваться на провокации» со стороны Австро-Венгрии⁹. Вообще, в сербской историографии преобладает мнение, что для Белграда в эти дни решающую роль играла позиция России. Сербы были убеждены, что, будучи «единственным настоящим союзником на Балканах», их страна имеет особое положение в системе российских приоритетов – политическое, стратегическое и моральное¹⁰.

Но донесения сербского посла Спалайковича свидетельствуют о несогласованности подходов Петербурга и Белграда, хотя на первой фазе июльского кризиса российское влияние оставалось определяющим. Русские настаивали на уступках Вене, что не удовлетворяло Белград. Новый российский посол Штрандтман, назначенный после смерти Николая Гартвига, вызывал у сербской элиты раздражение. Он не смог установить за короткий срок, да еще в такой напряженной ситуации, доверительные отношения.

---

⁷ Международные отношения в эпоху империализма: Док. из архивов царского и временного правительств: 1878–1917. Сер. 3. М.; Л., 1931. Т. 5. С. 3–5. (Далее – МОЭИ.)

⁸ *Радивоевич М.* Вступление России в Первую мировую войну: отклики и реакция в Сербии (июль – август 1914 г.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2016. № 1 (19). С. 159.

⁹ Там же. С. 160.

¹⁰ *Митровић А.* Продор на Балкан: Србија у плановима Аустро-Угарске и Немачке, 1908–1918. Београд, 2011. С. 38–76; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977. С. 31–33; *Станковић Ђ.* Србија, 1914–1918: ратни циљеви. Нови Сад; Београд, 2014. С. 83.

Посол Спалайкович даже просил С.Д. Сазонова назначить послом в Белград другого дипломата – Николая Кудашева, советника российского посольства в Вене, «совершенно лояльного и искреннего человека, который в состоянии заменить в известной степени Гартвига»¹¹. Но просьба не была удовлетворена.

С одной стороны, Василий Штрандтман оказался в Белграде в тяжелейшее время и вынужден был сразу окунуться в водоворот переговоров. Возможно, у него не было времени и должного опыта, чтобы выработать четкую и жесткую позицию, как это делал Гартвиг в острые кризисные периоды. Штрандтман позволил себе попасть под влияние сербских политических кругов, особенно престолонаследника Александра, единственного, кто с ним тогда установил дружеские отношения, поскольку учился в Пажемском корпусе вместе с его братом.

С другой стороны, сербский посланник Спалайкович, человек эмоциональный, поборник славянской идеи, активно вел дело к войне, считая, что могучая славянская держава Россия сможет заступиться за Сербию и накажет Австро-Венгрию. Радивоевич отмечает, что в донесениях сербского посла из Петербурга проводилась мысль о том, что будто бы там «с нетерпением ожидали войны». Более того, он верил, что война будет иметь локальный характер: Россия с Сербией против Австро-Венгрии, а другие державы в нее не вступят. Неоправданный оптимизм, который нередко приводил к серьезным политическим просчетам. Сербский историк отмечает, что подобные оптимистичные донесения Спалайковича создавали ложное впечатление у сербского руководства. Попытки Штрандтмана сдерживать воинственные амбиции вызывали резкое недовольство и упреки¹².

11/24 июля стал переломным днем в цепи событий дипломатического кризиса. Когда утром пришла телеграмма из Белграда об австрийском ультиматуме, министр Сазонов произнес пророческую фразу: «Это европейская война». Он сразу доложил по телефону императору. Дневник МИДа зафиксировал только одну фразу Николая II: «Это возмутительно».

В тот же день проявились первые симптомы надвигающейся войны. На срочном заседании Совета министров было принято решение «безотлагательно изъять сколько можно наших государственных вкладов»¹³. Отзывались из отпусков дипломаты

---

¹¹ Радивоевич М. Указ. соч. С. 162–163. Основывается на сербских дипломатических документах.

¹² Там же. С. 163.

¹³ Дневник МИД, 11 июля 1914 г. // МИД России. С. 26.

Канцелярии министра в виду чрезвычайной ситуации. Министры одобрили предложения С.Д. Сазонова:

1) вместе с державами Антанты просить Австрию продлить срок для ответа Сербии, чтобы ознакомиться с судебным следствием по делу сараевского убийства;

2) посоветовать Сербии «не принимать боя с австро-венгерскими войсками, а, оттянув вооруженные силы, обратиться к державам с просьбой рассудить возникший спор»;

3) провести мобилизацию четырех военных округов (Одесского, Киевского, Московского и Казанского), обоих флотов – Черноморского и Балтийского. Особо подчеркивалось, что «всякие военные приготовления были бы ясно направлены исключительно на случай столкновения с Австро-Венгрией и не могли быть истолкованы как недружелюбные действия против Германии»¹⁴.

Сразу после заседания Сазонов встретился с сербским посланником и дал «советы крайней умеренности в отношении ответа сербского правительства на австрийскую ноту». Вечером к Сазонову прибыл германский посол граф Пурталес, который сослался на то, что следствие добыло прямые доказательства причастности сербского правительства к убийству кронпринца. Сазонов резко осудил действия венского кабинета за то, что Сербии был дан слишком короткий срок для ответа, а великие державы не смогут подготовить своевременный отзыв.

Французский посол в Петербурге Палеолог считал, что Пуанкаре не стоит прерывать свое путешествие в скандинавские страны, чтобы не провоцировать всеобщую панику. Ситуация представлялась ему «отнюдь не безнадежной», он не верил, что Германия готова решительно поддержать действия Австро-Венгрии¹⁵.

Сразу после передачи ультиматума Никола Пашич, сербский министр иностранных дел, пригласил к себе посла Штрандтмана, который советовал идти на уступки «до крайних пределов». Интенсивные консульгации между Петербургом и Белградом продолжались, Пашич и Сазонов постоянно находились на связи. С.Д. Сазонов, понимая всю ответственность за принятие решений в эти дни, проговаривал все детали со своим близким кругом, куда входили А.А. Нератов (товарищ министра иностранных дел, гофмейстер, член государственного Совета с 1916 г.), барон Шиллинг и князь Г.Н. Трубецкой (вице-директор Первого департамента МИДа, в 1914–1916 гг. – посланник в Сербии).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 27.

На встрече с сербским престолонаследником Александром Карагеоргиевичем посол Штрандтман посоветовал напрямую писать императору Николаю об унижительных требованиях и просить о покровительстве с надеждой, что просьба будет услышана «благородным славянским сердцем»¹⁶. Сербия вынуждена была принимать позицию Антанты. Россия предложила продлить срок действия ультиматума, Сербия приняла это предложение. В свою очередь, Лондон внес предложение о мирной конференции великих держав, Белград также его поддержал.

25 июля утром в Красном Селе император собрал совещание министров по государственной обороне. Было «решено пока не объявлять мобилизации, но принять все подготовленные меры для скорейшего ее осуществления в случае надобности»¹⁷. Лондон и Париж еще надеялись, что ситуация с ультиматумом найдет компромиссное решение. Оптимизма прибавляло заявление австро-венгерских дипломатов о разнице между ультиматумом и простой *pote à terme* (нотой с указанием срока для ответа). Именно такой и являлась нота, врученная австрийским посланником в Белграде 10/23 июля. Соответственно дипломаты надеялись, что даже в случае неудовлетворительного ответа Сербии «военные действия могут еще не начаться сразу»¹⁸.

Но после сербского ответа австрийский посол демонстративно покинул Белград. В европейских кабинетах поднялась тревога. Надежды Антанты были связаны с Россией, позиция которой была гораздо более сдержанной, чем у воинственной и оскорбленной Сербии. Тем не менее сербские элиты были убеждены в готовности России к войне и еще более раздраженно реагировали на попытки Штрандтмана умерить их пыл. Стол Пашича в июльские дни был завален депешами от сербских дипломатических представительств. Сам он, истощенный, очень опасался, что Петербург даст обратный ход.

В ответе Николая II на письмо Александра Карагеоргиевича сохранилась просьба к сербскому кабинету поддержать его старания «избежать пролития крови», хотя он и уверял, что в случае войны Россия не оставит Сербию. Но письмо пришло 27 июля, когда Пашич принял решение прекратить дальнейшие уступки и передать роль посредника Великобритании. Хотя надежды на поддержку России сохранялись. М. Радивоевич приводит переписку принца

---

¹⁶ Радивоевич М. Указ. соч. С. 161. Ссылается на сербские дипломатические документы.

¹⁷ Дневник МИД, 12 июля 1914 г. // МИД России. С. 28.

¹⁸ Там же.

Александра и короля Черногории Николы Петровича от 27 июля, в которой оба высказывают надежду на «помощь царственной и могучей России на стороне сербской правды»¹⁹. В манифесте принца Александра особо подчеркивались мирные усилия России. Казалось, все стремились избежать непосредственной угрозы войны.

16/29 июля германский посол встретился с Сазоновым, чтобы сообщить ему «приятное известие»: Германия согласна продолжить попытки «склонить венский кабинет к уступкам, но просит, чтобы это было сохранено в строгой тайне, так как разглашение подобных намерений германского правительства могло бы создать впечатление, будто взгляды Австрии и Германии в настоящее время не вполне согласны»²⁰. Германский посол также настоятельно просил, чтобы в России не было объявлено о «преждевременной мобилизации», так как это усложнило бы попытки Берлина воздействовать на Вену. Но министр Сазонов не поверил этой конфиденциальной информации. После консультаций с близким окружением он пришел к выводу о том, что Германия хотела бы «усыпить наше внимание, по возможности отсрочить мобилизацию русской армии и выиграть время для соответственных приготовлений». Он также не исключал, что влияние Германии сильно упало в Вене, а «Австрия зашла слишком далеко без содействия или, по крайней мере, потворства Германии»²¹.

16/29 июля стало решающим днем. Во время второго визита германского посла Сазонову была передана телеграмма канцлера, в которой заявлялось: «Если Россия будет продолжать свои военные приготовления, хотя бы и не приступая к мобилизации, Германия сочтет себя вынужденной мобилизовать, и в таком случае последует с ее стороны немедленное нападение». После таких слов между дипломатами произошла эмоциональная сцена. Сазонов резко ответил: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости». Германский посол Пурталес вскочил с места и воскликнул: «Я всеми силами протестую, господин министр, против этого оскорбительного утверждения». На что министр сухо возразил, что «Германия имеет случай на деле доказать ошибочность высказанного им предположения»²². Расстались собеседники сухо.

Сразу после этой встречи раздался звонок императора Николая, который сообщил Сазонову, что получил телеграмму от императора

---

¹⁹ Радивоевич М. Указ. соч. С. 163.

²⁰ Дневник МИД, 16 июля 1914 г. // МИД России. С. 29.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 30.

Вильгельма с убедительной просьбой не доводить дело до войны. Он обещал использовать все влияние на австрийцев, чтобы достичь «удовлетворительного соглашения» с Россией. Сазонов выразил сомнение в искренности Вильгельма, рассказав о своем разговоре с послом Пурталесом. Николай обещал в ответной телеграмме потребовать от Берлина объяснения. Одновременно он разрешил С.Д. Сазонову безотлагательно переговорить с военным министром и начальником Генерального штаба²³. Заметим, что уверения в верности союзническим обязательствам Петербург получил только от Франции. Великобритания предпочла уклониться от ответа.

Действительно, в телеграмме Николая II императору Вильгельму значилось: «Официальное сообщение, сделанное сегодня твоим послом моему министру, было составлено совершенно в иных тонах. Прошу Тебя объяснить это противоречие». Чтобы избежать кровопролития, Николай предлагал передать австро-сербский конфликт в международный арбитраж. Но телеграмма так и осталась без ответа²⁴. В этот день было получено сообщение о начале бомбардировки Белграда²⁵. Австро-Венгрия нарушила дипломатический процесс, первой начав военные действия, мотивируя это тем, что Сербия не дала удовлетворительного ответа на австрийский ультиматум.

В историографии хорошо известны колебания не только самого императора Николая II, но и силовых министров и министра иностранных дел в отношении вопроса об объявлении частичной или полной мобилизации. Не менее детально представлена хронология событий и дипломатические контакты между Петербургом и Берлином в те роковые дни 1914 г. Не вызывает сомнений факт, что российский император делал все возможное, чтобы разрешить этот конфликт дипломатическими мерами, избежать войны в Европе. Эти дни были также подробно описаны бароном Шиллингом в «Дневнике МИДа».

17/30 июля министр С.Д. Сазонов был очень активен, беседа по телефону, встречаясь с министром земледелия А.В. Кривошеиным, военным министром Сухомлиновым, начальником Генерального штаба Янушкевичем. «Полученные за ночь известия еще более укрепили всех в убеждении о настоятельной необходимости, не теряя времени, готовиться к серьезной войне»²⁶. Все четверо

²³ Дневник МИД, 16 июля 1914 г. // МИД России. С. 30–31.

²⁴ МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 205–206.

²⁵ Телеграмма поверенного в делах России в Сербии В.Н. Штрандтмана № 243 от 16/29 июля // Там же. С. 236.

²⁶ Дневник МИД, 17 июля 1914 г. // МИД России. С. 31.

согласовали свою позицию и договорились звонить императору, чтобы убедить его в необходимости общей мобилизации. «Его величество решительно отверг эту просьбу и, наконец, коротко объявил, что прекращает разговор. Янушкевич, который держал трубку, только успел сказать, что рядом с ним министр иностранных дел и просит разрешения сказать несколько слов государю. После некоторого молчания Николай согласился его выслушать. Сазонов попросил о приеме в тот же день для неотложного доклада. Император согласился принять его одновременно с Татищевым в 3 часа».

Более всего силовые министры опасались оказаться неподготовленными к войне с Германией, если не будет объявлена общая мобилизация. Начальник Генерального штаба Янушкевич просил согласия императора перевести частичную мобилизацию во всеобщую и «заменить разосланные уже приказания новыми». Перед докладом императору Сазонов встретился с французским послом. Потом Кривошеин, Сазонов и Шиллинг, завтракая у Данона, говорили о необходимости «настоять на скорейшей общей мобилизации ввиду становящейся каждому все более ясной неизбежности близкой войны с Германией», иначе «мы бы шли на верную катастрофу»²⁷.

Во время доклада императору министр Сазонов и генерал-майор Татищев в течение часа доказывали, что «война стала неизбежной, так как по всему видно, что Германия решила довести дело до столкновения, иначе она не отклоняла бы всех делаемых примирительных предложений и легко могла бы образумить свою союзницу». Сазонов настаивал на объявлении общей мобилизации, аргументируя это тем, что «лучше, не опасаясь вызвать войну нашими к ней приготовлениями, тщательно озаботиться последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутыми ею врасплох»²⁸. Впоследствии барон Шиллинг записал в «Дневнике МИДа» со слов министра сведения о реакции царя: «Сильное желание государя во что бы то ни стало избежать войны, ужасы которой внушали ему крайнее отвращение, заставляло его величество, в сознании принимаемой им в этот роковой час тяжелой ответственности, искать всевозможных способов для предотвращения надвигающейся опасности. Сообразно с этим он долго не соглашался на принятие меры, хотя и необходимой в военном отношении, но которая, как он ясно понимал, могла ускорить развязку в нежелательном смысле».

---

²⁷ Там же. С. 32.

²⁸ Там же.

Император понимал, что полнота ответственности лежит только на нем. «Наконец государь согласился с тем, что при нынешних обстоятельствах было бы наиболее опасным не подготовиться вовремя, по-видимому, к неизбежной войне, и потому дал свое разрешение приступить сразу к общей мобилизации»²⁹. Но даже после принятия решения о полной мобилизации Николай II надеялся, что она не станет бесповоротным поводом к объявлению войны, о чем телеграфировал в тот же день кайзеру Вильгельму. Текст этой телеграммы хорошо известен: Россия не начнет никаких военных действий, пока «длятся переговоры с Австрией по сербскому вопросу»³⁰.

Утром 18/31 июля на всех улицах российских городов появились объявления на красной бумаге с призывом встать под знамена. Это вызвало большое волнение в дипломатическом корпусе. Первым к Сазонову приехал германский посол. «С.Д. Сазонов заявил ему, что принятое императорским правительством решение является лишь мерой предосторожности ввиду обнаруживаемой в Берлине и Вене несговорчивости, но что со стороны России не будет сделано ничего непоправимого и, несмотря на мобилизацию, мир может быть сохранен, если Германия огласится, пока еще не поздно, умеряюще воздействовать на свою союзницу»³¹. Граф Пурталес не скрывал, что в Берлине отреагируют крайне негативно.

На следующий день состоялся знаковый разговор между министром Сазоновым и германским послом, во время которого граф Пурталес трижды повторил вопрос: согласна ли будет Россия отменить мобилизацию по требованию Германии? На что Сазонов каждый раз отвечал, что мобилизация не будет отменена, но «Россия не отказывается продолжать переговоры в видах изыскания мирного выхода из создавшегося положения». После этого германский посол вручил ноту с объявлением войны, которая, как оказалось, содержала два варианта, которые по оплошности посольства были соединены в один. Граф Пурталес заплакал, обнял министра и сказал: «Я никогда не мог подумать, что мне придется покинуть Петербург при таких условиях». Сразу были оповещены император, послы Антанты, все дипломатические представительства³².

На следующий день все германское посольство и баварское консульство в составе 80 человек покинули Петербург.

---

²⁹ Дневник МИД, 17 июля 1914 г. // МИД России. С. 32.

³⁰ МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 289.

³¹ Дневник МИД, 18 июля 1914 г. // МИД России. С. 33.

³² Там же.

Сербия ликовала. На заседании Народной Скупщины во время тронной речи Карагеоргиевича после каждого упоминания царя и России следовали громогласные и восторженные крики «Да здравствует!». Дипломатические сербские документы были все пронизаны демонстрацией славянских братских чувств «к святой православной России», благодарности за «высокое покровительство» русскому царю и народу. Подчеркивалась главная идея – Россия заступница сербов, следовали просьбы одобрить займ и поставки оружия. Николай II сразу отписал на телеграмме: «Надо помочь». На оборотной стороне другой дипломатической телеграммы, в которой сообщалось об объявлении Германией войны России, сербский премьер Никола Пашич написал: «Пусть она будет счастливой для славянства»³³. В письме к Сазонову он искренне клялся: «Сербия решила жить или умереть с Россией и за Россию, которая не должна терять надежды на Бога и его милость».

***

Манифестации в Петербурге 3 августа 1914 г. перед посольством Сербии вылились в мощную демонстрацию славянской солидарности. Маховик войны был запущен. Реконструкция событий июля 1914 г. на основе документов российского МИДа показывает, что император Николай II пытался до последнего избежать втягивания России в Первую мировую войну. Страна не была готова к масштабным военным действиям, поскольку модернизация армии затягивалась, а программа перевооружения военно-морского флота только запускалась. Тем не менее роковые цепочки событий в Сербии, Австро-Венгрии, Германии и России сплетались в один узел, развязать который было уже невозможно. Общее недоверие и крайняя подозрительность, царившие в дипломатических и придворных кругах, не позволили дипломатам этих стран найти выход. Чрезвычайное напряжение, в котором находились Белград и Вена, импульсивно передавалось в Берлин и Петербург, оттуда – в Париж и Лондон. Опасение затянуть мобилизацию в случае наступления противника, быть застигнутым врасплох было движущим мотивом элит всех вовлеченных сторон. Войны никто не хотел, но каждая из сторон своими действиями подталкивала мир к трагической развязке. Никто не предполагал, что «большая европейская война» превратится в страшную кровавую бойню с миллионами жертв, разрушением империй – Российской, Османской, Австро-Венгрии и Второго рейха, крахом прежнего мироустройства.

---

³³ Радивоевич М. Указ. соч. С. 165.

Информация об авторе

Ольга В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; pavlenko@rggu.ru

Information about the author

Olga V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; pavlenko@rggu.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Т.Ю. Журавлева

Компьютерная верстка
Н.И. Медведева

Подписано в печать 24.08.2022.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 9,6. Усл. печ. л. 9,8.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1594

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru